

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»

М.Р. Хежева

**Семантика
и символика чисел
в кабардино-черкесском языке**

Нальчик · 2017

УДК 811.352.3'37
ББК 81'2 Ады-5
Х 35

Печатается по решению Ученого совета ИГИ КБНЦ РАН

Научный редактор
доктор филологических наук **Б.Ч. Бижоев**

Рецензенты:
доктор филологических наук **М.Г. Харатокова**,
кандидат филологических наук **М.Л. Карданов**

Хежева М.Р.

Х 35 Семантика и символика чисел в кабардино-черкесском языке. –
Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 136 с.

Монография посвящена комплексному исследованию семантических и символических особенностей функционирования чисел и лексем с числовым компонентом в кабардино-черкесском языке.

Особое внимание в работе уделено определению роли чисел в отражении адыгской языковой картины мира, выявлению этнокультурных специфических особенностей употребления числительных в языке адыгов, рассмотрению вопросов, связанных с семантикой числовых показателей в устойчивых выражениях кабардино-черкесского языка.

Издание адресовано научным работникам гуманитарного направления, студентам и аспирантам филологических специальностей, а также всем читателям, интересующимся проблемами адыгской филологии.

УДК 811.352.3'37
ББК 81'2 Ады-5

Hezheva M.R. The semantics and symbolism of numbers in Kabardian-Circassian language. – Nalchik: Publishing Department of IHR KBSC RAS, 2017. – 136 p.

The monograph is devoted to a complex study of the semantic and symbolic features of the functioning of numbers and tokens with a numerical component in the Kabardian-Circassian language.

Particular attention is paid to the definition of the role of numbers in the reflection of the Adyg language picture of the world, Identified ethnic and cultural specific features of the use of numerals in the language of the Circassians, considered number of issues, associated with the semantics of the numeric indicators in sustainable terms Kabardian-Circassian language.

The publication is addressed to scientists humanities, undergraduate and graduate students of philological specialties, as well as to all readers who are interested in the problems of the Adyghe philology.

ISBN 978-5-91766-132-2

© Хежева М.Р., 2017
© ИГИ КБНЦ РАН, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Изучение культуры с позиции когнитивных механизмов формирования ценностных представлений является важнейшим вектором современной лингвистической науки. Языковедческие исследования дают богатейший материал, который может служить основанием для выстраивания онтогенеза культурных доминант этноса (народа). Вместе с тем язык служит «ключом», способным «приоткрыть завесу» к мировосприятию, осмыслению окружающего мира, философии бытия, пространственно-временным ориентирам.

Наиболее значительными можно признать инклюзивные лингвистические исследования, которые проецируют аксиологические доминанты, важнейшие культурные смыслы, сохранившиеся в языковых единицах.

В кабардино-черкесском языке в лингвокультурологическом аспекте чаще всего анализируются фразеологические единицы, пословичный пласт языка, исследуются культурные концепты, репрезентирующие адыгскую языковую картину мира. Это работы З.Х. Бижевой [17; 18; 19; 20; 21], Н.У. Вороковой [46; 48], М.М. Кумыковой [111; 112], М.Х. Токмаковой [188; 189; 190] и т.д.

Особое внимание уделяется языковым единицам с квазисимволами. Фразеологизмы с квазисимволами отражают специфику адыгского миропонимания. Их особенность заключается в том, что квазисимволы, сохраняя свое символическое прочтение, не переосмысливаются метафорически [22, с. 220]. Весомая работа проделана в исследовании особенностей языка фольклор-

ных жанров. Следует отметить, что малоизученной остается проблема числовой символики и числовых параметров, играющих немаловажную роль в отражении особенностей древнего, религиозно-мифологического представления мира и несущих в себе глубокую культурную информацию о народе. К настоящему времени в адыгском языкознании имеются работы, которые посвящены грамматическому, лингвокультурологическому, этимологическому анализу числительных. Это труды М.М. Абазовой [1], И.М. Баловой [10], Б.Ч. Бижоева [25], Р.Х. Дзугановой [69], Р.Н. Долевой [73], А.М. Камбачокова [84], Дж.Н. Кокова [98], М.А. Кумахова [108], Г.А. Мурад [143] и т.д.

Под понятием «числовая символика» в исследовании подразумевается национально-культурная семантика чисел и лексем с числовым компонентом, зафиксированная в духовной и материальной культуре, мифологических и космологических представлениях, верованиях, обычаях и обрядах, устном народном творчестве, а также языке адыгов.

Числовая символика и числовые закономерности волновали умы философов, астрономов, логиков с древнейших времен. Как пишет В.В. Калюжный: «Кажущиеся современному человеку наивными рассуждения древних мудрецов довольно точно отражают закономерные явления жизни. Общие свойства вещей и явлений (а не конкретные их качества, которые мы привыкли замечать в первую очередь) в рассуждениях древних философов через символику чисел и знаков удивительным образом согласуются с открытиями современных ученых» [83, с. 10].

Категория числа возникла на самых ранних стадиях развития человеческой мысли. Именно этим можно объяснить обилие числовых показателей в магической обрядовой поэзии, мифологических представлениях об устройстве мира. В частности, А.И. Бородин пишет: «Когда люди научились неплохо считать и оперировать отвлеченными числами, они заметили, что в окружающем их мире многое зависит от числовых отношений. По прошествии определенного количества дней в природе начинается новый цикл развития; высота звука, издаваемого струной, определяется длиной этой струны. Все это также на-

толкнуло людей на мысль о сверхъестественной божественной сущности чисел» [34, с. 102].

Особое внимание в работе уделено исследованию семантических особенностей употребления чисел *зы* «один», *тIу* «два», *щы* «три», *блы* «семь», *и* «восемь», *бгъу* «девять», *пщыкIутI* «двенадцать», *щэ* «сто», *мин* «тысяча» в архаичных фольклорных, литературных текстах, устойчивых выражениях кабардино-черкесского языка.

В работе впервые в адыгском языкознании предпринята попытка системного анализа числительных в лингвокультурологическом аспекте; комплексно представлены количественные символы, значимые для народа, определены механизмы трансляции культурных смыслов посредством чисел в кабардино-черкесском языке; проанализированы семантические особенности употребления чисел в разных фольклорных текстах, а также в составе фразеологического и пословичного пласта кабардино-черкесского языка; выявлены наиболее значимые функции и особенности использования чисел в кабардино-черкесском языке.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды российских и зарубежных лингвистов, фольклористов, психологов, философов, культурологов, этнографов, которые посвящены изучению числовой символики, категории количества, взаимоотношению языка и культуры. Это работы таких исследователей, как: Л. Витгенштейн [45], В. фон Гумбольдт [61; 62], Э. Кассирер [91; 92; 93], Дж.А. Миллер [142], Э. Сепир [248], Б.Л. Уорф [197], О. Шпенглер [220], М. Элиаде [221], И.А. Бодуэн де Куртене [33], Г.Д. Гачев [52], Н.Л. Жуковская [79], В.М. Кириллин [94], С.Ю. Ключников [95], В.М. Лейчик [117], А.Ф. Лосев [121], Ю.М. Лотман [245], В.З. Панфилов [152], А.А. Потебня [161], Н.Н. Рубцов [168], В.Н. Телия [184], С.Г. Тер-Минасова [186], В.Н. Топоров [191; 192; 193], Б.А. Фролов [200; 201], А.Т. Хроленко [207], З.Х. Бижева [21; 22], Б.Ч. Бижоев [24; 26; 27], А.Г. Емузов [76], З.Ж. Кудаева [101; 102], М.А. Кумахов [106], З.Ю. Кумахова [106], С.Х. Мафедзев [139], А.Т. Шортанов [218] и др.

Материалом исследования послужили тексты из обрядовой поэзии, нартского эпоса, сказок, загадок, примет, поверий и суеверий с составным компонентом числительным, а также прозаические и поэтические произведения адыгских писателей, поэтов, фразеологические единицы и пословицы, а также живая речь носителей кабардино-черкесского языка.

Г л а в а 1

ЧИСЛО КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

1.1. Соотношение языка, культуры и символа

Для современного этапа развития гуманитарной мысли и лингвистики, в частности, характерно изучение языка не только с грамматической точки зрения, но и рассмотрение его как носителя культурной информации о народе – носителе родного языка.

Культура в широком смысле этого слова определяется как совокупность духовных мировоззренческих ценностей, общества. Культура включает в себя различные сферы жизнедеятельности человека: язык, традиции, обычаи, нравы.

Вопрос о взаимообусловленности и взаимовлиянии языка и культуры является центральной проблемой лингвистических исканий многих исследователей в течение нескольких столетий. Г. Пауль в своих исследованиях развивает идею о том, что язык есть продукт человеческой культуры [154, с. 25]. Один из основателей гипотезы лингвистической относительности Э. Сепир подчеркивает тесную взаимосвязь языка и культуры и невозможность существования одного без другого: «Язык приобретает все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры. В некотором смысле система культурных

стереотипов всякой цивилизации упорядочивается с помощью языка, выражающего данную цивилизацию. Наивно думать, что можно понять основные принципы некоторой культуры на основе чистого наблюдения без того ориентира, каковым является языковой символизм, только и делающий эти принципы значимыми для общества и понятными ему. Когда-нибудь попытка исследования примитивной культуры без привлечения данных языка соответствующего общества будет выглядеть столь же непрофессиональной, как труд историка, который не может воспользоваться в своем исследовании подлинными документами той цивилизации, которую он описывает» [248]. По мнению В.С. Степина, мировоззренческие универсалии функционируют как своего рода полный набор генов культуры [179, с. 7].

С.Г. Тер-Минасова, касаясь вопроса о соотношении языка и культуры, подчеркивает, что язык не только отражает, но и хранит культуру, передает ее от поколения к поколению. Человек не просто «носитель» своего языка, но и «пленник», язык навязывает ему картину мира и культуру, созданную предшествующими поколениями [186, с. 13–14]. Идею о том, что язык «властвует над мыслительной деятельностью человека», высказывал и А.Г. Спиркин. По его мнению, язык влияет на сознание и мышление в том отношении, что он придает мысли некоторую принудительность, осуществляет своего рода тиранию над мыслью, направляет ее движение по каналам языковых форм [176, с. 375].

Язык в понимании А.Г. Козинцева, возможен и необходим лишь в культуре, хотя сам же служит ее предпосылкой. Язык автоматически порождает культуру. Культура же есть растущий свод символической закодированной информации, переходящей от одного поколения к другому [97, с. 45–46].

Все существующие взгляды и мнения исследователей по характеру взаимодействия языка и культуры можно свести к двум противоположным выводам:

1. Язык и культура неразрывно связаны друг с другом, язык определяет тип культуры, являясь ее составной частью.
2. Язык и культура независимы и не сопоставимы, тем самым язык не определяет тип культуры нации.

В.М. Лейчик, анализируя данную проблему и существующие взгляды лингвистов, выводит некоторые общие функции языка и культуры, что дает право говорить о неразрывной связи этих понятий: 1. Когнитивная функция; 2. Информационная функция; 3. Семиотическая функция; 4. Коммуникативная функция; 5. Аксиологическая функция; 6. Регулятивная функция; 7. Экспрессивно-эмоциональная функция; 8. Функция разграничения и интеграции [см. 117, с. 20–27].

На семиотическую сущность языка, культуры, мифологии и фольклора обратили внимание многие исследователи. Так, по мнению А.Г. Спиркина «тайны человеческой души настолько глубоки, что невыразимы обычным человеческим языком. Здесь нужна и поэзия, и музыка, и весь арсенал символических средств» [176, с. 376]. В так называемый «арсенал символических средств» целесообразно включить и числовые символы. Важная роль чисел в культуре многих народов мира, по-видимому, объясняется тем, что они занимают центральное место в представлениях о построении мира. По представлениям далеких предков современных людей, основой мироустройства являются пять стихий: вода, огонь, дерево, металл и земля. Согласно мировидению древних людей, три кита поддерживали своими спинами землю, что стало общепризнанным символом «незыблемой и нерушимой опоры» [74, с. 57].

М.М. Маковский, обращаясь к изучению языческих культов, пишет: «История язычества – это история культовых действий, каждое из которых было знаковым. История культов, в свою очередь, это – не только история становления образного восприятия мира на уровне движений, действий, звуков и чувств, но и история зарождения символических фигур и метафорических переосмыслений, – самой древней формы общественного сознания, которая не могла не отразиться на «картине мира» древнего человека, на его восприятие действительности» [130, с. 55].

Одним из основных понятий семиотики является символ. По мнению Н.Н. Рубцова, одной из отличительных характеристик культуры является ее знаковый характер. Во всем многообразии знаково-языковых средств культуры символ занимает

особое место. Он по существу своим силовым полем охватывает все культурные феномены и элементы. Одним из фактов, определяющих центральное место символа в системе культуры, является его особое положение в познавательной способности человека. В результате своих исследований Н.Н. Рубцов приходит к выводу о том, что символ в культуре – это собирательное понятие для выражения общего принципа конструирования культурных смыслов и ценностей принципа, который проявляет себя в многочисленных феноменах, каждый из которых в отдельности в своей основе имеет символическую основу, но до конца ее не исчерпывает [168, с. 142]. Со знаковой природой языка связана вся символическая деятельность человека. Поэтому один из важнейших аспектов изучения языка связан с объяснением природы символа и его роли в развитии культуры [103, с. 242].

Слово «символ» греческого происхождения, что в переводе означает «связывать», «соединять». Первые попытки изучения проблематики символа восходят к античности. С древнейших времен до наших дней существуют два подхода к определению понятия «символ». По нашему представлению, данные подходы наиболее четко осветил основатель отечественной семиотической школы Ю.М. Лотман: согласно его подходу, символ определяется как знак, функция которого заключается в выражении некоторого знака другого рода или другого языка. Этому определению противостоит традиция истолкования символа как некоторого знакового выражения высшей и абсолютно незнаковой сущности [123, с. 191].

Родоначальник семиотики как науки Ч. Пирс выделил три вида знаков:

1. Иконические знаки, для которых характерно определенное подобие изображаемому объекту.
2. Знак-индекс, характеризующийся смежностью знака и объекта, между которыми есть определенная причинно-следственная связь в виде общей характеристики с объектом (дым – знак пожара).
3. Символы – условные знаки, не имеющие видимой связи между знаком и объектом [247].

Ф. де Соссюр определял языковой знак как целое, включающее комбинацию означаемого (понятие) и означающего (акустический образ). Главное же отличие знака от символа – отсутствие произвольности у последнего. Символ справедливости, весы, нельзя заменить чем попало – колесницей, например [173, с. 101]. По справедливому замечанию Б.А. Фролова, знак, превращаясь в символ, закреплял расширяющийся спектр представлений об окружающей действительности и о навыках, позволяющих сжато фиксировать главное в этих представлениях. Обращаясь к знаку, затем к символу как посреднику общения, партнеры основывались на обоюдной уверенности в идентичности знаний, которые они – каждый порознь – соотносят с этим знаком (символом), что практически подтверждалось результатами совместных действий общающихся сторон, в свою очередь от этих результатов зависело дальнейшее развитие первобытной символики [201, с. 87].

Безусловно, в формировании символического представления мира важную роль играет язык. Теснейшую взаимосвязь и взаимообусловленность языка, культуры и символа проследил Э. Бенвенист. По его мнению, культура неотъемлема от человеческого общества, каким бы ни был уровень цивилизации. Культура определяется им как сложный комплекс представлений, организованных в кодекс отношений и ценностей: традиции, религии, законов, политики, этики, искусства – всего того, чем человек пропитан до самых глубин своего сознания и что направляет его поведение во всех формах деятельности. Через язык человек усваивает культуру, упрочивает ее или преобразует, и каждый язык, как и каждая культура, использует, по мнению исследователя, специфический аппарат символов, благодаря которому опознается соответствующее общество. Разнообразие языков, разнообразие культурных традиций свидетельствует о конвенциональном характере символа. Исходя из таких суждений, Э. Бенвенист делает вывод о том, что символ устанавливает живую связь между языком, человеком и культурой [15, с. 31–32].

Знак может приобрести характер символа благодаря очень сложным историко-культурным ассоциациям, это вполне мож-

но отнести и к числам-символам, которые, в свою очередь, являются частью особой знаковой системы культуры и языка. Так, З.Ж. Кудяева пишет: «Числовые параметры в адыгской мифопоэтической традиции – один из элементов знаковой системы, структурирующих, описывающих окружающую действительность. Как и в большинстве культур, числа и счет имели «космизующий» характер, отражали количественные и качественные параметры Вселенной» [102, с. 98].

Символ – это функция человеческого познания, выражающая наиболее глубокие закономерности. В этом своем аспекте символ предстает как наиболее действенная и законченная форма отражения действительности в ее открытых связях и отношениях. Символ всегда открытый образ, его смысл никогда не сводим к одному определенному значению. Он всегда веер возможностей, смысловых перспектив [168, с. 42–43]. Согласно М. Элиаде, символический образ мышления неотъемлем от природы человеческого существа, он предшествует языку и мышлению. Образы, символы и мифы нельзя считать произвольными выдумками психеи души: они отвечают некоей необходимости, их роль заключается в выявлении самых потаенных модальностей человеческого существа [221, с. 129].

Проблеме символа много внимания уделяла и идеалистическая философия. В исследованиях Э. Кассирера культура трактуется как способность человека к символизации, а человек определяется как «animal symbolicum» («животное, творящее символы») [91, с. 60].

В лингвокультурологическом отношении понятие «символ» подразумевает нечто тайное, магическое и скрытое. Символы обладают своеобразным «тайным языком», который выражает представления человека о мире и об окружающей действительности. Основной функцией любого символа является указание на понятие или предмет, выходящий за рамки его прямого значения. Всякий предмет может быть наделен символическим значением. По утверждению К.Г. Юнга, слово или изображение символичны, если они подразумевают нечто большее, чем их непосредственное, очевидное значение [222, с. 25–26].

В связи с этим примечательно изображение на адыгском флаге двенадцати звезд, по общему числу племен адыгов, и трех перекрещенных стрел. Наибольший спор вызывает объяснение символического значения трех стрел. Одни исследователи трактуют три стрелы как выражение боевого единства адыгских племен, другие же в этом изображении усматривают три метко бьющие стрелы Тлепша, которые достигают врага в небе, под водой и под землей [118, с. 122].

Для того чтобы символ мог стать носителем культурно значимых смыслов и ценностей, он должен быть понятен, то есть система символов должна быть представлена в культуре как ее метаязык. Символ – особым образом понятая и интерпретированная реальность, являющаяся результатом человеческой познавательно-оценочной деятельности в контексте человеческого общения. А.П. Люсьй по принципу вербализованности / невербализованности выделил два уровня символики: первичная символика – это символы, которые «изначально» существуют в культуре: вещи и ритмы, звуки и слова, названия и понятийные концепты, заключающие в себе некий бытийный смысл. При этом данный смысл невербализован и существует в качестве общего «горизонта понимания» той или иной культуры. Вторичная, или вербально-теоретическая, символика представляет собой вербальную, или визуальную интерпретацию символического [126, с. 48–49].

К основным атрибутам культуры относятся и древнейшие символы, играющие большую роль в мифологической традиции, в фольклоре, искусстве, религии – это, прежде всего мировое дерево, колесо, к ним можно причислить и числовые символы. Идеи о числах как о теологических символах, отражающих сущность высшей неопознанной истины, постоянно питали средневековую мысль, воплощаясь в той или иной форме [94, с. 83]. Предметы материальной и духовной культуры – жилище, одежда, пища, помимо выполнения своей основной функции удовлетворения насущных человеческих потребностей, бывают во всех без исключения культурах нагружены дополнительным знаковым, (символическим) значением числа. Числовые набо-

ры предметов и понятий всегда имеют, помимо своей основной счетной функции, еще и дополнительное символическое, ритуальное значение, выражающие определенную традицию [79, с. 131]. Числу в мифопоэтических традициях и культурах присуща особая квалификационная роль, некое упорядочивающее начало, с помощью которого можно соединять какие-то группы реального и альтернативного мира, становясь своеобразным мостом, соединяющим категории времени (прошлое, настоящее и будущее).

Важную роль числа и числовой символики в культуре заметил О. Шпенглер. Так, он пришел к выводу о существовании «нескольких миров чисел». Подтверждением этому может служить суждение философа: «Существует несколько миров чисел, потому что существует несколько культур. Мы встречаем индийский, арабский, античный, западноевропейский числовой тип, каждый по своей сущности совершенно своеобразный и единственный, каждый являющийся выражением совершенно особого мироощущения...» [220, с. 114].

Ю.М. Лотман отмечает, что культура может быть представлена как совокупность текстов, и говорит о правомерности выделения двух типов ее внутренней организации:

1. Парадигматический тип, где вся картина мира может представляться как временная парадигма, составные части которой располагаются на разных уровнях и представляют собой варианты единого инвариантного значения;

2. Синтагматический тип, где картина мира представляется как последовательность располагающихся на одном уровне, в единой временной плоскости разных элементов, получающих значение во взаимоотношении. По мнению Ю.М. Лотмана, культурная роль числа актуализируется в парадигматических типах, в связи с идеей изоморфизма [245].

Числа в различных культурах и языках имеют свою символику и семантику. Символика числа связана с религиозно-мифологическими представлениями и древней моделью мира, наиболее ярко она проявляется в языке фольклора, где числа несут глубокую информацию о культурной традиции народа.

Взаимосвязь числа и мифологического мышления установил Э. Кассирер. По его мнению, в качестве третьего великого формального мотива, определяющего структуру мифологического мира, наряду с пространством и временем, предстает мотив числа. И в этом случае, если попытаться понять мифологическую функцию числа как такового, необходимо отделить ее от теоретического значения и роли числа. В системе теоретического познания число является связующим средством, способным объять даже самые неоднородные содержательные элементы и претворить их в единство понятия. В силу этого растворения всякого многообразия и всех различий в единстве знания число предстает в качестве выражения основной теоретической цели самого познания, в качестве выражения «истины» вообще [93, с. 147–148].

В нашем понимании, символ – это важнейшая единица мифологической традиции, фольклора и языка, выражающая национальную самобытность, особенности менталитета и мышления посредством наделения символа (в том числе и числовых символов) определенным культурным смыслом, которые формируются индивидами и общностями людей в процессе общения и освоения окружающей действительности. Интерпретация символа как универсального способа выражения культурных смыслов дает основание полагать о всеобъемлющей символической сущности человеческого бытия.

Таким образом, язык является неотделимым элементом культуры и основным средством ее познания. Именно язык отражает специфические черты национальной ментальности. С другой стороны, культура включена в язык, так как вся она отражается в архаичных текстах, художественных произведениях. Устойчивые выражения языка ярко проявляют специфику языковой картины мира, что и служит подтверждением факта взаимовлияния языка и культуры.

1.2. Роль чисел в отражении языковой картины мира

В лингвистических исканиях многих исследователей, начиная с 19 века, прослеживается тенденция рассмотрения языка не

только как средства общения. Прежде всего, язык начинает изучаться как важнейший и неотъемлемый атрибут национальной культуры и этноса. Идея о том, что человек замкнут в своеобразном, «волшебном кругу» своего национального языка, который, по сути, обладает определенным, конкретным мировидением, навязывающим это мировоззрение всем носителям данного языка, прошла через всю историю европейского языкознания [80, с. 113]. Следует отметить, что данная проблема является актуальной и требующей научного подхода и в современной лингвистике.

По определению Р.К. Будагова, язык есть совокупность всех человеческих способностей, чуть ли не все, что в состоянии делать человек: это и способность объясняться, и способность продуцировать тексты, способность их понимать, способность их строить, способность извлекать лежащий в основе текстов коммуникативный план [37, с. 78].

Язык как важнейшая категория мыслительной деятельности разрабатывалась в трудах таких исследователей, как В. фон Гумбольдт, Й.Л. Вайсгербер, Л. Витгенштейн, Э. Сепир, Б.Л. Уорф. Исходя из ключевых идей немецкой классической философии, В. фон Гумбольдт в центр своих исследований ставит понятие национального духа, изучение которого неотделимо от изучения языка. В своих лингвистических и философских исследованиях В. фон Гумбольдт развивал идею о том, что «различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями» [61, с. 317]. Именно он был первым, кто проанализировал представления о языке как о картине мира. Он придерживался мысли, что в языке отражается духовная культура народа, и отождествлял понятия «народный дух» и «национальный язык» [62, с. 64]. В своих работах В. фон Гумбольдт развивал идею о том, что каждый народ видит по-своему единое содержание и строение бытия, которое, по трактовке Г.Д. Гачева, называется национальным образом мира [52, с. 156]. Эта способность «видеть по-своему» продуцирует некие пласты культурно-детерминированных значений, присущих только данному языку [110, с. 217].

Последователем В. фон Гумбольдта в российском языковедении является А.А. Потебня, создавший собственную теорию языка, основанную на психологическом подходе, и сравнивший язык со зрением: так же как небольшие изменения в устройстве глаза и зрительных нервов дают другое восприятие и влияют на все мирозерцание, так же каждая мелочь в устройстве языка должна давать свои особые комбинации элементов мысли [161, с. 164]. Общеизвестно, что при помощи языка становится возможным выразить мысль, зафиксировать в чувственно выраженную форму, что делает его одним из средств национального самосознания. Язык является необходимой и содержательной стороной мышления. Важнейшим условием существования нации, несомненно, является язык.

Являясь посредником в процессе освоения мира, язык предоставляет человеку возможность познания окружающей действительности. Именно язык определяет то, каким образом происходит это освоение и задает ее границы. Подтверждением этого может служить изречение Л. Витгенштейна: «границы моего языка означают границы моего мира» [45, с. 56].

Э. Сепир и Б.Л. Уорф выдвинули гипотезу лингвистической относительности. Тот факт, что мышление определяется различием языков, отличающихся друг от друга по грамматическому строю, семантике, явился предпосылкой возникновения данной гипотезы, основное положение которой сводится к следующему: всякий национальный язык обладает своей особой спецификой, в связи с чем, действительность трактуется и обрисовывается по-разному, язык как бы «навязывает» его носителю определенное мировидение, чем обусловлены его поведение и мышление. Исходя из этого, можно сделать вывод: гипотеза Сепира–Уорфа отрицает общий для всего человечества логический строй мышления. Б.Л. Уорф предполагал, что факты языка составляют для говорящих на данном языке часть их повседневного опыта [197, с. 172].

Важная роль родного языка исследуется и современными лингвистами. Так, Е.Ф. Тарасов высказывает предположение о том, что главная причина непонимания при межкультурном

общении не различие языков, а различие национального самосознания коммуникантов [183, с. 8].

Мысль является связующим компонентом между языком, человеком и действительностью. У каждого народа есть свой склад мышления, который обусловлен особым менталитетом, свойственным только ему. На сегодняшний день существует множество определений понятия «менталитет» и его составляющих частей, но с лингвокультурологической точки зрения и соотносительности с мышлением нам импонирует определение С.Х. Битоковой, которая включила в понятие «менталитет» определенную систему языка в тех или иных формах, посредством которых выражаются различные смыслы. Становясь важной составной частью сознания, эти смыслы оказывают влияние на содержательную сторону мышления [30, с. 87].

Одним из основных элементов национального самосознания является представление этноса о себе, о характерных чертах своего и других народов. Представление о типичных чертах собственной этнической общности познается в сравнении, путем сопоставления со своими чужих этнических общностей [29, с. 469].

Особенности стиля мышления можно считать компонентом национальной картины мира. В стиле мышления отражается культура как целостное образование. Стиль мышления – это завуалированный контекст, через который раскрывается механизм влияния культуры как целого на отдельные ее стороны [17, с. 29]. Исходя из такого понимания соотношения языка, мышления и познавательной деятельности, З.Х. Бижева приходит к выводу о том, что язык определяет не только характер мышления, но и тип культуры, ее нормы, а в конечном счете структуру человеческого общества [17, с. 36].

В противопоставление гипотезы лингвистической относительности Г.А. Брутян выдвинул принцип лингвистической дополнительности. Им предпринята попытка дополнить существующие взгляды о соотношении языка и мышления путем сопоставления языковой и концептуальной модели мира. Под концептуальной моделью мира Г.А. Брутян подразумевает не только знание, которое выступает как результат мыслитель-

ного отражения действительности, но и итог чувственного познания, содержащийся в логическом отображении. По мнению автора, языковая картина мира включает в себя всю информацию о внутреннем и внешнем мире, которая закреплена средствами национальных языков. Основное содержание языковой картины мира полностью покрывает все содержание концептуальной картины мира, за пределами концептуальной картины мира остаются участки, которые выступают как носители дополнительной информации о мире [35, с. 108–109].

Нужно отметить, что термин «картина мира» впервые был введен в научный обиход в рамках физики на рубеже 19–20 веков, но метафорическое ее использование вполне приемлемо для метаязыка гуманитарных наук: так, можно выделить языковую картину мира, философскую картину мира, художественную картину мира и т.д. На сегодняшний день существует множество мнений и взглядов по поводу приемлемости использования данного термина в лингвокультуре. Некоторые исследователи, наряду с термином «картина мира», используют понятие модели мира.

М.М. Маковский выделяет понятие картины и модели мира. Модель мира, в трактовке М.М. Маковского, может выступать и как структура картины мира, и как принцип картины мира. Картина мира, по М.М. Маковскому – это глобальный образ, репрезентирующий его свойства в том виде, в котором они осмысливаются его носителями, и являющийся интеграцией всех моментов психической жизни человека как представителя того или иного этноса на той или иной ступени их развития [129, с. 15–16].

Ю.Д. Апресян выделяет «наивную картину мира», объясняя «наивность» тем, что данная картина мира во многих деталях отличается от научной картины мира, при этом автор отмечает, что данные представления не всегда примитивны и не менее интересны, чем научные. По мнению автора, наивные представления о внутреннем мире отражают опыт многих поколений [6, с. 39].

По мнению З.Х. Бижевой, внутри самого термина «картина мира» в уточнении нуждается понятие мира. Мир понимается двойко: во-первых – это мир, который воспринимается как всеобъемлющая данность, в которую включен человек. С другой

стороны, существуют и так называемые альтернативные миры, характеризующиеся только им присущими особенностями [19, с. 14].

В последние десятилетия в философии, культурологии, лингвистике, лингвокультурологии прослеживается тенденция к более конкретному и полному изучению личности человека, при этом человек ставится в центр и изучается с учетом его национального языка и ментальности.

Основная роль в изучении языковой или (вербальной) картины мира отводится человеку в исследованиях А.И. Гельевой. Языковая картина мира характеризуется специфичными для каждого народа свойствами. Она определяется тем, что субъектом является не только человек вообще, но и человек – представитель этнокультурной общности, характеризующийся своеобразным мировосприятием, предопределенным материальным и духовным образом этноса [54, с. 47].

В результате своих исследований Г.В. Колшанский приходит к выводу о том, что язык не создает какой-либо картины мира, так как язык не познает мир. В противовес этому он выделяет человеческую картину мира. По его мнению, картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Этой материальной формой является язык, который выполняют функцию объективизации индивидуального человеческого сознания лишь как отдельной монады мира. Выходит, что в принципе человек привносит в мир не себя, со своими законами и закономерностями, а лишь свое взаимодействие: человек – мир, в результате которого рождается человеческая картина мира, принадлежащая всему человеческому существу в форме языка и мышления [99, с. 15].

Согласно Л.Р. Хагба, картина мира – это цельный обобщенный образ мира, который является результатом всей духовной деятельности человека, она возникает у человека в ходе всех его контактов с миром [202, с. 9].

Картина мира в каждой традиционной культуре складывается из совокупности универсальных категорий, одними из которых являются числа. Особый сакральный и магический смысл четко

прослеживается в мифологической традиции и народной культуре. Мифологическое число находится в духовной поворотной точке – оно стремится из узости и скованности непосредственного, чувственно-вещного мирозерцания к более свободному, универсальному целостному воззрению. Однако дух оказывается не в состоянии постичь новую универсальность, возникающую при этом, как свое собственное создание, она представляется ему чуждой, демонической силой [93, с. 152].

При исследовании числа как компонента культуры и языка необходимо принять во внимание особенности менталитета, мировидения, мировоззренческих универсалий, при этом нельзя оставить без внимания роль чисел в мифологии, фольклоре, народном словесном искусстве. По мнению А.Т. Хроленко, отвлеченность числа стала одной из причин того, что ему стали приписывать свойства, которыми оно первоначально не обладало [207, с. 38].

Ввиду того, что символы вообще обладают универсальным характером, можно обнаружить сходства в области числовой символики в различных культурных традициях. Однако нетрудно заметить, что число обладает этнокультурной спецификой, которая находит отражение в лингвокультуре.

Как уже отмечалось выше, в основе гипотезы лингвистической относительности лежит предположение о том, что люди – представители разных национальностей – видят мир сквозь призму своего родного языка. Следовательно, можно говорить о существовании разных языковых картин мира. По нашему представлению, числа и числовая символика играют немаловажную роль в формировании языковой картины мира, которая складывается из национальной картины мира, концептуальной картины мира и символической картины мира. Во многих древних традициях числа считались ключом к пониманию основополагающих принципов бытия, образом мира и средством его периодического восстановления. Поэтому числа не просто выражают количество, но наполняются идеями, и каждое число имеет свою собственную идейную характеристику [235, с. 482].

Числа как часть языковой картины мира и неотъемлемый атрибут мифопоэтической традиции выступают в качестве составных частей **пословиц**:

Лэужьыр бжьиблIэ мауэ. «Наследственность отражается до **седьмого колена**».

Блэ егъапци, зэ пыупиI. «**Семь раз** отмерь, **один раз** отрежь».

фразеологизмов:

Жылагъуиблым зэлъащIысын ≈ стать общеизвестным [букв.: разойтись на **семь седений**]. *И псалъэ тIу мышIын* ≈ сделать сразу. *Бгъуэ вауэ зи щыпэвэ.* «**Девятый** раз пашет, словно впервые».

Для фразеологического и паремиологического пласта наиболее характерными являются числительные *зы* «один», *тIу* «два». Проведенный нами анализ позволяет выделить следующие типы пословиц с числовым компонентом:

1. С числовым компонентом *зы* «один»:

Зэкъуэиш псори зы анэ къылъхукъым. «Всех братьев рождает не **одна** мать».

2. С двукратным повторением числа *зы* «один»:

Зым и хущхъуэ зым и щхъухъщ. «Лекарство для **одного** – яд для другого». *Зы гущыIэм зы гущыIэ къелъфы (адыг.).* «Одно слово рождает другое» (Б.З. Жемчужины народной мудрости, 61).

3. С троекратным повторением числа *зы* «один»:

Зы гъэм къэкI удзыр зы вым ихъукъым, къэхъуну-къэщIэнур зы лым ищIэркъым. «Траву, росшую в течение **одного** года, не сможет съесть **один** вол; то, что может случиться, не знает **один** мужчина».

4. С сочетанием чисел *зы* «один» и *тIу* «два»:

Лыхъужьыр зэ Лэгъуэщ, къэрабгъэр тIэу Лэгъуэщ. «Храбрец умирает **один** раз, а трус умирает **два** раза».

5. С сочетанием чисел *зы* «один» и *щы* «три»:

Зэ лъэпэрэпэр ицэ мэлъэпэрэпэ. «Кто спотыкается **один** раз, споткнется **три** раза». *А зы нэбгырэм ицэ укъыгъапциIэмэ, удел, а зы мащэм ицэ уифэмэ, унэшгъу (адыг.).* «**Трижды** обманутый **одним** человеком гауп, **трижды** упавший в **одну** яму слеп» (Б.З. Жемчужины народной мудрости, 29).

6. С сочетанием чисел *зы* «один» и *бгъу* «девять»:

Зы лыр джэдыгуибгъурэ Либгъур джэдыгуншэу. «У одного мужчины **девять шуб**, а у **девяти** ни одной».

7. С бинарной оппозицией *зы* «один» и *цэ* «сто»:

Зы акъыл нэхърэ акъылицэ. «Лучше **сто** умов, чем **один** ум».

8. С числовым компонентом *тIу* «два»:

ТIу зэпсалъэмэ, уабгъэдэмышъэ. «Если **двое** разговаривают, не подходит».

9. С двукратным повторением числа *тIу* «два»:

БгитIыр зэIуоцIэркъым, цIыхуитIыр зэIуоцIэ. «**Две горы** не смогут встретиться, а **два человека** встречаются».

10. С сочетанием чисел *тIу* «два» и *щы* «три»:

ДелитI зэзауэмэ, ещанэр йоплъ. «**Два дурака** дерутся – **третий** смотрит».

11. С числовым компонентом *щы* «три»:

ХъэщIэр жэщыц исмэ, быным ящыц мэхъуж. «Гость после **трех ночей** становится членом семьи».

12. С двукратным повторением числа *щы* «три»:

Зы лым щэ укъыгъапIцIэмэ, уделэщ, зы мащэм щэ уихуэмэ, унэфш. «Если **один** мужчина обманывает тебя **три раза** подряд, ты дурак, если **три раза** подряд угождаешь в одну яму, ты слепой».

13. С числовым компонентом *тху* «пять»:

Хуэмышу и Iуэху махуитху и пIалъэщ. «У ленивого (одно) дело растягивается на **пять дней**».

14. С числовым компонентом *блы* «семь»:

Унагъуэм гъуанибл иIэщ. «У семьи **семь дыр**». Баджэм *тыгъужъибл егъапIэ (адыг.)*. «Лиса перехитрит **семь волков**» (Б.З. Жемчужины народной мудрости, 33).

15. С числовым компонентом *бгъу* «девять»:

Бэлагъыр зыIыгъым хъэ къарибгъу цогугъ. «На того, кто держит лопатку, рассчитывают **девять черных собак**».

16. С числовым компонентом *цэ* «сто»:

Дахагъэм дагъуицэ егъэпIцIу. «Красота прячет **сто изъянов**».

17. С числовым компонентом *мин* «тысяча»:

Мэл мин зиIэ жъагъэ игу пыкIыркъым. «Тот, у кого **тысяча** овец, не пожертвует одной овцой из-за жадности».

Можно предположить, что в кабардино-черкесском языке и адыгской лингвокультуре не наблюдается как такового разграничения на счастливые и несчастливые числа. Анализ языкового материала показывает, что большее предпочтение отдавалось нечетным числам. Это находит подтверждение в паремиологическом пласте языка: *Бзыкъу зэтэбж унэм иралъхъэртэкъым*. «При стелке крыши дома не использовалось четное количество балок».

Для кабардинского фольклора наиболее употребительными являются числа *блы* «семь», *бгъу* «девять», *щы* «три».

Для кабардинской фольклорной традиции, особенно для сказок, характерно наличие «трех слов» *псалъищ*, или «трех советов» *чэнджэщищ*, которые наиболее полно отражают жизненную позицию адыгов: *уи адэ и гъуэгъу умыбгынэ, уи мылуэху зумыхуэ, умычэнджащэу луэху умыщIэ*. «Не оставляй путь (дорогу) своего отца. Не занимайся не своим делом. Не посоветовавшись с кем-либо, не приступай к делу».

Числа выступают как составные части адыгского этикета: традиционный адыгский треногий стол является важнейшим атрибутом адыгского этикета и гостеприимства. Подтверждение этому можно найти в художественных произведениях исторической тематики, отражавших быт и культуру наших предков. *Нэхъыжьхэр лъэныкъуэкIэ уардэу щызэхэщ. Абыхэм я пащхъэ Iэнэ лъакъуищIэрэ ерыскъы ирагъэувэ* (В.В. Лей зыхуэгъэгъум къахурегъэгъу, 35). «Старшие гордо и статно сидели в стороне. Им подносили еду на **треногих столах**». В мировой культуре три ножки соответствуют трем этапам суточного движения солнца: восходу, зениту и закату, а также прошлому, настоящему и будущему [235, с. 434].

Число *бгъу* «девять» по частотности употребления в кабардинском нартском эпосе и в сказках уступает как числу *блы* «семь», так и числу *щы* «три». В кабардинском фольклоре достаточно ограниченный спектр сочетаемости данного числа: *кIадибгъу* «девять кадушек», *дыгъужьибгъу* «девять волков», *махуибгъу* «девять дней», *иныжьибгъу* «девять великанов», *нартибгъу* «девять нартов» и т.д. Однако следует заметить, что данный

числовой компонент выступает в качестве важной составной части обрядовой поэзии. Для языка здравиц характерны выражения: *фызибгъу* «девять женщин», *щауибгъу* «девять юношей», *лы* и *самэ бгъурыбгъу* «по девять ворохов на каждого мужчину».

На влияние числа в становлении и развитии мышления ребенка обратил внимание Ж. Пиаже. Так, по его мнению, число может быть постигнуто интеллектом в той мере, в какой оно остается тождественным самому себе, независимо от размещения составляющих его единиц: именно это свойство и называется «инвариантностью» числа [157, с. 244].

Анализ иллюстративного материала кабардино-черкесского языка дает основания полагать, что в адыгской фольклорной и литературной традиции числа выполняют развивающую функцию:

1. Выступают как составные части детских стихов-считалок:

- **Зы!**
 - *Темыркъэзакъым и закъуэц!*
 - **Ты!**
 - *Нэр тIумэ, фIыуэ маплэ!*
 - **Шы!**
 - *Иэнэр лъакъуицмэ, мэув!*
 - **Плы!**
 - *Жэмыр быдзиплIмэ, гъэшыфIэц!*
 - **Тху!**
 - *Зы Iэр Iэпхъуамбитхуц!*
 - **Хы!**
 - *Хым хэхуэр етхьэлэ!*
 - **Блы!**
 - *Вагъуэзэшиблым загъазэмэ, нэху мэц!*
 - **И!**
 - *Вэрэвийм я вагъэбдзумэр ину къыгуах!*
 - **Бгъу!**
 - *Дыгъужьибгъум аргъуей куэпкъ яхуэшхкъым!*
- (Ад. псалгэ. Зэрыбжэ усэ, 4).
- «– **Один!**
 - Полярная звезда **одна!**
 - **Два!**
 - **Два глаза** видят хорошо!

- **Три!**
- **Треногий стол** устойчив!
- **Четыре!**
- У коровы если **четыре соска** она дойная!
- **Пять!**
- В кисти руки **пять пальцев!**
- **Шесть** – Кто падает в море, тот тонет!*
- **Семь!**
- Когда **Семь братьев-звезд** (Большая Медведица) поворачивается, то – светает.
- **Восемь!**
- Когда **восемь папущих волов** потянут, большой пласт земли отвалится.
- **Девять!**
- **Девять волков** не смогли съесть бедро комара».

2. Выражают простые арифметические действия:

а) сложение: Так, Горгониж – свинопас нартов – наказывает своему молодому помощнику вычислить количество всех свиней: – *Кхъуэхэм зы лоуи кIуэд хъунукъым, псоми я бжыгъэр сэ бжесIэниц, уэ къэбжыф: инхэр бгъу, жъабгъуэхэр **пицIы**, мыщхъуэмыфэхэр **пицыкIуэ**, кIэ гъэджэрэзахэр **пицыкIуий**, зэмыфэгъухэри **цэциI**, зэфэгъу зацIэхэри **цэциI**, псоми **цэциI-цэциI** яцIэсыжщ. Дапцэ хъурэ псори? – жиIэри Гуэргуэныжь къеутицIащ цIалэм (Нартхэр. Нартхэм Сэтэней гуащэр испыпщым къызэрытрахыжар, 377). «Ни один поросенок не должен пропасть. Количество всех по отдельности я тебе скажу, а ты посчитай общее их количество: больших **девять**, широкооротых **десять**, неярких **одиннадцать**, со скрюченным хвостом **восемнадцать**, разноцветных **тридцать**, одного цвета **тридцать**, и у всех **по тридцать** поросят. Сколько всех вместе? – спросил Горгониж парня».*

б) умножение:

*Дэ зэшиблыр нэ **пицыкIуулI**
Дохъур. Фыплъэ, къуэши.*

* Игра слов: в кабардино-черкесском языке звучат одинаково слова *хы* «шесть» и *хы* «море».

*Дэ зэшиблыр Iэ пцыкIуплI
Дохъур – девмыгъэш*

(КI.А. Зэшиблырмрэ зы псыкъуиймрэ
ятеухуа индийскэ поэмэ, 495).

«Нас семеро братьев и глаз у нас **четырнадцать**.
Смотрите в оба, братья.
Нас семеро братьев и рук у нас **четырнадцать**.
Давайте не будем уставать».

3. Числительные являются составной частью многих загадок: благодаря жанровой специфике и функции, для загадок характерно использование словарного материала в иносказательном смысле, что может служить свидетельством об обучающем и развивающем характере этого жанра. Согласно З.Ж. Кудяевой, загадка представляет собой элемент в системе адыгских паремий. Загадку, так же как и другие паремические жанры, характеризует лапидарность, афористичность воспроизводимость из памяти в готовом виде [101, с. 20].

ВагъуитIым яку Iуащхъэ дэтц (Пэ) / ЖъогъуитIмэ азыфагу Iуащхъэ дэт (Пэ) (адыг.). «Между **двумя** звездами – гора» (Нос).

Зыр мэгущыIэ, тIур маплъэ, тIур мэдаIо (Жэ, нитIу, тхъакIумитIу) (адыг.). «**Один** разговаривает, **двое** смотрят, **двое** слушают» (Рот, глаза и уши) (Ад. гуш., 187).

ЗэшитIум зы гъогу азыфагу (Напцэ) (адыг.). «Между **двумя братьями** одна дорога» (Брови) (Ад. гуш., 187).

Зи щIыIур хъэрахъэ, зи цIагъыр хъарибл, жылиблым и дауэдасэ, жылиблым я гъэпсэхунIэ (Псыхъуэ). «Чья поверхность неровная, чей низ из **семи сетей**, для **семи селений** отдых, для **семи селений** праздник» (Русло реки).

Куэбжищэ хэлъми, дыхъэпIэр зыц (Хъы). «**Сто** ворот, вход **один**» (Сеть).

Хъурей цIыкIу гъуаниблиц (Щхъэ). «Кругленький с **семью дырами**» (Голова).

Зэкъуэшитху бэнакIуэ (Iэпхъуамбитху). «**Пять** братьев борцов» (Пальцы рук).

Зы махуэм к'ьал'ьхуа зэк'ьуэшитху, зэхуэмыдизу, ц'Иэ зырыз я'Иэу (Иэпх'ьуамбитху). «**Пять братьев**, родившихся в один день, которые не равны по росту и имеют разные имена» (Пальцы рук).

Зэнысэг'ьуит'И пх'ээх темыхц (Нэрэ набдзэрэ). «У **двух сосношниц** на плечах все время коромысло» (Глаза и брови).

Числа играют немаловажную роль в отражении представлений адыгов о возрасте человека: **Ильэситц'И** ныбж'ьым щитым деж ц'Иыхур бзум хуэдэщи зол'ьатэ, ильэс **тицык'Иухым** нэсмэ, чыц'И к'ьуеуц'Иейм ещ'ьыц. Ильэс **тоиц'И** ирик'ьуамэ, дыг'ьужь хуэдэ мэгушхуэ. Ильэс **пльиц'Иым** нэсмэ, асл'ээн хуэдэ хахуэщ. Ильэс **хыиц'И** ирик'ьуар вы хуэдэ гуащ'Иаф'Иэщ, и ак'ьыл ирик'ьуащ. Ильэс **тиц'Иейм** нэсмэ, пэцац'э ф'Иэк'Иищ'Иэжышхуэ щы'Иэк'ьым. **Ильэсиц'э** ирик'ьуар джэд'ьк'Иэ шк'Иумп'Иым хуэдэщ (Ад. Iу. Жэбаг'ьы захуэщ, 335). «В **десять** лет человек подобен птице и летает, в **шестнадцать** лет человек подобен игривому козленку, в **двадцать** лет человек подобен волку. В **сорок** лет он храбрый, словно лев. В **шестьдесят** выносливый, словно вол. В **восемьдесят** он только копошится. В **сто** лет он подобен тухлому яйцу». Ср. с адыг. *Шым иг'ьэрибг'ьу*, х'ьэм *иг'ьэриш*, л'ьым *иг'ьэц'эк'И*. «В расцвете сил коню **девять лет**, собаке **три года**, мужчине **тридцать**» (Б.З. Жемчужины народной мудрости, 106).

По О. Шпенглеру, существование чисел можно именовать тайной, и религиозное мышление всех культур испытывало на себе их влияние [220, с. 110]. Именно этим, видимо, можно объяснить наличие большого количества числовых составляющих в религиозных убеждениях адыгов. Так, все религиозные ритуалы традиционно продолжают в течение трех дней: *х'ьэдаг'э махуиш* «обряд оплакивания покойника, продолжающийся в течение трех дней»; *х'ьид махуиш* «трехдневное празднество в честь окончания уразы»; *Ишыры'И махуиш* «обрядовый суп мусульман, который варят вскоре после окончания уразы и раздают соседям (в течение трех дней)». В данном случае интересен тот факт, что *Ишыры'И* должен состоять из семи компонентов, и по народному убеждению необходимо раздать семи соседям.

В похоронных обрядах важное место занимает *деур* – мусульманский ритуал, при котором родственники покойного

раздают деньги бедным и нуждающимся. По мнению адыгов-мусульман, деуром можно смягчить грехи покойного. Мулла просит Бога, чтобы он отпустил грехи покойного, семь раз обходит сидящих, протягивая сверток с деньгами каждому и говорит «берешь» – тот берет, мулла забирает со словами «вернул» [134, с. 335]. При этом необходимо отметить, что количество участников деура составляет либо семь, либо девять человек.

Особенно ярко национальное самосознание и особенности мышления выражаются в названиях созвездий. У разных народов существуют разные названия созвездий, следует отметить, что созвездие Большой Медведицы у адыгов именуется *Вагъуэ-эшиибл* [букв.: «Семь братьев-звезд»].

Касаясь этого вопроса, Й.Л. Вайсгербер отмечал, что в данном случае в большей мере следует считаться с различиями человеческого мышления, которое стремится известным образом осмыслить увиденное, за непосредственно видимым усмотреть еще что-то. По его словам, мышление в данном случае приобретает ведущую роль, упорядочивает восприятие звездного неба таким образом, что на первый план выступает именно духовное преобразование этого явления. При этом своеобразии человеческого духа, меняющегося от народа к народу, приобретает увеличивающееся влияние и приводит к результатам, которые не в очень уж значительной мере зависят от действительного строения звездного мира [цит. по: 244]. Исходя из теоретических взглядов Й.Л. Вайсгербера, можно говорить, что существует столько миров и столько же мировоззрений, сколько языков.

Число в большинстве культурных традиций имеет свою символику. Числовой символизм зародился в мифологическом мышлении. По справедливому замечанию Э. Кассирера, не только число как таковое, но и каждое отдельное число овеяно здесь как бы собственным дыханием волшебства, передающегося всему, что соприкасается с ним, пусть это даже будет нечто по видимости совершенно незначительное. Вплоть до самых нижних пластов мифологического мышления, вплоть до магических воззрений и самой примитивной магической практики ощущается

эта дрожь священного, окутывающая число: ибо всякая магия в значительной степени является магией чисел [93, с. 152].

Употребление большого количества чисел в мифологических текстах и обрядовой поэзии служит подтверждением того, что на данном этапе развития человеческого мышления и мировидения они имели большую силу и были средством воздействия на сверхъестественные силы. Так, в адыгской лингвокультуре иногда в одном контексте встречается символическое сочетание нескольких чисел: *Унэ ебланэм къыпыщІыхъауэ зы чэт къыпытыщ, абы щІэтыщ зы тІы къащхъуэ, зы тІы хужь, зы тІы фІыцІэ. Абы ущІыхъэрэ тІы хужьым зытебдзэмэ, щІы къатиблкІэ удридзейнурэ дунейм утридзэжынууц. Ауэ тІы къащхъуэм зытебдзэмэ, щІы къатиблкІэ унхридзынууц, тІы фІыцІэм зытебдзэмэ, щІы къатиблкІэ уридзыхынууц, – жиІэри хъыджэбз нэхъыщІэри къытІысхъэри [матэм] кърахыжащ* (Ж.Н. Щэнгъасэ. Мыщэ и къуэ Батыр, 131). «К **седьмой** комнате, пристроена овчарня. В ней **три барана** – серый, белый, и черный. Если зайдешь в овчарню и навалишься на белого барана, он бросит тебя на **семь ярусов** вверх, и ты окажешься в своем мире, если ты навалишься на серого барана, он пробросит тебя на **семь ярусов** в сторону, если навалишься на черного, он забросит тебя на **семь ярусов** вниз».

В кабардино-черкесском языке встречаются лексемы, обозначающие размер и расстояние, выраженные при помощи чисел. Так, в сознании адыгов разница между правдой и ложью равна ширине четырех пальцев *плІалэ*. Это подтверждается изречением мудреца адыгов Жабаги Казаного.

Къээнокъуэ Жэбагъы блэкІти, еутицащ щІалэ гуп:

– Пэжымрэ ицІымрэ даицэ я зэхуаку, Жэбагъы? – жари.

– ПлІалэ я зэхуакууц.

– Уэлэхъи, къыдгурумыІуа жыІар!

– НтІэ, тІасэ, – жиІащ, – фи ІэпхъуамбилІыр нэмрэ тхъэкІумэмрэ и зэхуакум дэфлэхъэт.

– Даицэ я зэхуаку, – фи тхъэкІумэмрэ фи нэмрэ?

ТхъэкІумэмкІэ зэхэпхыр ицІыщ, нэхэмкІэ плыагъур нэжиц

(Ад. таур. Пэжымрэ ицІымрэ сыт я зэхуаку, 252).

«Однажды проходившего мимо Жабаги Казанок спросили молодые парни:

– Каково расстояние между правдой и ложью, Жабаги?

Жабаги ответил: «Расстояние, равное **ширине четырех пальцев**».

– Клянемся Аллахом, мы не поняли, что ты сказал.

[Жабаги:] Тогда, милые, положите свои **четыре пальца** между глазом и ухом.

– Чему равно расстояние между глазом и ухом?

– То, что услышишь ухом, неправда, а то, что видишь глазами – верно».

Следует отметить символичность числа *плъицI* «сорок» в адыгской культурной традиции. С этим числом связаны поверья и суеверия, касающиеся рождения ребенка: *махуэ плъицI мыхъуа сабийр унагъуэм ирахыркъым жалэрт*. «Нехорошо выносить ребенка из семьи, пока ему не исполнилось **сорок дней**, говорили».

Кроме того, для выражения размера используется адыгское выражение *ИэфракIэ плъицI* «сорок локтей».

*Нартхэ я Ерахъшу мыгъуэр си псалъыхъукъэ
Бэрэ укъыслъыхъу щхъэкIэ сыбдэкIуэнкъым.
Цей ИэфракIэ плъицIыр лъэнэд пхуримыкъу
Уэ цей пхурикъун сэ хэт езгъэщIын*

(ИАНЭ. Лашын и пшыналъэ, 99).

«Нартов Ерахшу, о горе, меня сватает,
Сколько бы ни сватался, а за тебя не выйду.

Сорока локтей домотканого сукна тебе не хватает на носки,

А кто мне изготовит столько сукна, чтобы тебе хватило на черкеску».

Итак, анализ теоретического и иллюстративного материала дает основание говорить о правомерности выделения в кабардино-черкесском языке числовых концептов, так как число является основной содержательной единицей языковой картины мира, ментального лексикона, мифопоэтической традиции, фольклора, обрядовой поэзии.

На сегодняшний день концепт рассматривается как лингвокогнитивное явление, как лингвокультурное явление, как куль-

турное явление. И существует множество определений понятия «концепт». Концепт – оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона концептуальной системы языка, всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Концепт позволяет хранить знания о мире. Концепт возникает в процессе построения информации об объектах и их свойствах, включает в себя как сведения об объективных мирах, так и сведения о воображаемых мирах [237, с. 131].

Согласно теории Ю.Е. Прохорова, концепт – это миф, и символ, и знак. Концепт – это совокупность неконченного числа мифов, неконченного числа символов и неконченного числа знаков [164, с. 46].

Таким образом, об особом символическом значении чисел в адыгской языковой картине мира свидетельствуют различные факты языка и культурной традиции. Это, прежде всего, обряды, обычаи, традиции, поверья, суеверия, приметы, устойчивые выражения и сравнения языка, и, конечно же, архаичные фольклорные и числовые тексты с наличием большого количества числовых показателей. В большинстве случаев использование чисел в таком контексте приобретает семиотический, символический смысл.

1.3. Этапы изучения и становления числовой символики в гуманитарных науках

Изучением понятия числа занимались представители многих научных направлений: истории, психологии, фольклористики, лингвистики. Понятие числа и числовой символики теснейшим образом связано с возникновением категории количества вообще.

Говоря об этапах становления числовой символики и магии чисел, прежде всего, нужно упомянуть имя древнегреческого философа и математика Пифагора. Пифагор был одним из первых, кто подошел к рассмотрению понятия числа не только в научном математическом, но и в философском, магическом

осмыслении. «Числа правят миром», – утверждал древнегреческий философ и математик. Он и последователи его учения видели в числах объяснения скрытого смысла явлений и знаков природы. Они верили в мистическую сущность чисел. Пифагор считал, что за каждым предметом обязательно стоит число. Причем числа бывают разные: они могут приносить добро и зло, счастье и несчастье [148, с. 43]. По представлениям пифагорейцев, познание окружающего мира возможно при раскрытии взаимоотношений между числами, которые управляют миром. Можно сказать, что именно с учений Пифагора начинается выделение «плохих» и «хороших» чисел.

Для ранних стадий развития человечества характерно наделение чисел сакральным значением. По представлениям древних людей, числа обладали определенными свойствами и характеристиками. Так, древнегреческий философ Платон, касаясь вопроса о происхождении числа, пишет: «...Поскольку же день и ночь, круговороты месяцев и годов, равноденствия и солнцестояния зримы, глаза открыли нам число, дали понятие о времени и побудили исследовать природу Вселенной...» [158, с. 487].

Велика заслуга Плотина в изучении чисел. Характерной чертой учений Плотина является представление единого в качестве необъяснимого первоначала, предшествующего всему сущему и бытию. Согласно теории Плотина, число есть «принцип» всякой вещи. Подтверждение этому находится в его трактате: «...число, первое и истинное, есть принцип и источник ипостасийного бытия для сущего...» [159, с. 868].

Согласно теории К. Маркса и Ф. Энгельса, понятие числа и фигуры взяты не откуда-нибудь, а только из действительного мира. Десять пальцев, на которых люди учились считать, т.е. производить первую арифметическую операцию, представляют собой все, что угодно, только не продукт свободного творчества разума [136, с. 37].

Особое место в изучении чисел и числовой символики занимают исследования культуролога В.Н. Топорова, уделявшего пристальное внимание роли числа в архаичных культурах. По

В.Н. Топорову, для числовых моделей в архаичных культурах характерна подчеркнутость целевой установки, связанной с более прагматическим отношением к этим моделям и к числу вообще. Это объясняется тем, что в архаичных традициях числа могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное, «космизирующее» значение. Тем самым числа становились образом мира и отсюда средством для его периодического восстановления в циклической схеме развития для преодоления деструктивных хаотических тенденций [193, с. 130]. В.Н. Топоров полагает, что числа в мифопоэтических традициях один из наиболее известных классов знаков, ориентированный на качественно-количественную оценку, элементы особого числового кода, с помощью которого описывается мир, и сама система метаописания [193, с. 629].

Обращаясь к возникновению категории числа, В.З. Панфилов приходит к выводу, что число является результатом определения мощности множества как дискретной совокупности объектов того или иного рода [152, с. 159]. Начальным этапом становления категории количества, как и категории абстрактного обобщенного мышления, является стадия, на которой устанавливалась лишь равночисленность или равномоцность конкретных множеств предметов, когда предметы, составляющие эти множества, приводились во взаимно однозначное соответствие [25, с. 221].

Магия чисел и числовая символика являются важной составной частью многих оккультных религиозных и философских учений. «Число – абстрактное, лишенное особенного содержания, обозначение какого-либо члена некоторого ряда, в котором этому члену предшествует или следует за ним какой-нибудь определенный член; абстрактный индивидуальный признак, отличающий одно множество от другого того же рода» – такое понимание числа характерно для современной философии [239, с. 513].

Изучению числовой мистики особое внимание уделяет А.И. Бородин, по его мнению, корни числовой мистики, числовых суеверий уходят в глубокую древность. Одним из источников «мистических чисел» являются древние системы счета. Быв-

шие предельные числа наших предков 3, 4, 5, 7, 10, 12, 40, 60, 1000 и другие попали в категорию мистических чисел, но мы видели, что ничего в них таинственного и загадочного нет. С античных времен числам приписывают магические, мистические свойства, в которых и заключается суть числовых суеверий. А.И. Бородин пишет, что вред суеверий заключается в том, что они затрудняют правильную ориентировку человека в различных вопросах, отвлекают его внимание от существенного, подрывают в нем веру в свои силы [34, с. 101].

В.П. Троицкий, анализируя взгляды античных мыслителей, трактовку числа А.Ф. Лосева, выявляет несколько специфических особенностей и функций античного числа:

1. Регулятивно-управляющая функция. Число пронизывает весь мир, как неживой, так и живой, включая человека и человеческое общество. Под фантастической поверхностью античной «математизации» бытия скрывается потребность точного охвата действительности во всех ее проявлениях, и не в последнюю очередь ради оптимизации практической деятельности.

2. Иерархично-порождающая функция. Греческая мысль не просто замечает структурную многоярусность мира, но и выводит таковую исходя из самых первых оснований – посредством диалектики одного и иного, предела и беспредельного, целого и части.

3. Жизненно-эстетическая функция. Число пронизывает Вселенную, творит ее Красоту и несет Благо [194, с. 901–903].

За последние десятилетия лингвисты, фольклористы, культурологи философы все чаще обращаются к проблеме магических свойств чисел. Счет и первые простейшие числовые операции возникли на самых ранних стадиях развития человечества. Становлению категории количества и системы счисления в сознании человека посвящены исследования А.Г. Спиркина. По А.Г. Спиркину, на начальной стадии развития человека счисление представляло собой не что иное, как непосредственное восприятие множества, такое восприятие, которое еще не заключало в себе понятия числа. Отвлеченное понятие числа получало свое речевое выявление в форме числительных: операции счета

стали производиться людьми в виде оперирования лишь названиями чисел [175, с. 359–372].

Особая роль числительных в становлении художественной картины мира рассмотрена в исследовании Ж.Г. Маглакелидзе. Числительные играют важную роль в передаче пространственно-временных отношений, уточняя время протекания действия, организуя пространство. Числительные характеризуют возраст персонажей, время их работы, годы жизни, прожитые в том или ином месте, при этом автор отмечает, что числительные в тексте являются индикатором ключевых существительных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку. Такое употребление числительных отличается от использования их в качестве символов [127, с. 34–35].

Символичность чисел в художественных текстах на примере прозаических произведений Ф.М. Достоевского исследует С.В. Белов. Автор отмечает, что для языка произведений Ф.М. Достоевского наиболее употребительными являются числа «три», «семь», «одиннадцать». По С.В. Белову, употребляя число три, Ф.М. Достоевский воскрешает сказочный фольклорный элемент: три дороги, три встречи, три сына [14, с. 29]. С.В. Белов приходит к выводу о том, что употребление чисел у писателя не является случайным. И надо быть предельно внимательным при чтении Достоевского, обращая внимание буквально на все, и на числа тоже, чтобы понять замысел его произведений [14, с. 33].

Особой символической роли числа посвящены исследования Э. Кассирера. По Э. Кассиреру, мифологическое понимание числа – подобно пониманию пространства и времени – одновременно несет в себе момент всеобщности и момент постепенного обособления. Число никогда не бывает здесь просто порядковым числительным, просто обозначением позиции в пределах общей всеобъемлющей системы, напротив, у каждого числа своя собственная сущность, своя собственная индивидуальная сила. Если в научном мышлении число оказывается великим инструментом обоснования, то в мифологическом мышлении оно является средством специфически-религиозного смыслообразования [93, с. 151].

Существенную роль числа и числовой символики в традиционной культуре монголов отметила Н.Л. Жуковская, полагавшая, что числу в мифологических традициях присуща особая классификационная роль, некое упорядочивающее начало, с помощью которого можно соединять в какие-то группы различные предметы и явления реального и мифологического мира, наводя между ними мосты (например, три категории времени – прошлое, настоящее, будущее) [79, с. 131].

Проблемы числовой символики касались С.Ю. Ключников, А.Т. Хроленко, Н.А. Маковец и т. д. В своей статье «...И жар холодных чисел» А.Т. Хроленко обращается к изучению чисел «два», «двенадцать», «тридцать», «сорок», «девяносто», «три», «семь» с точки зрения частотности употребления и сочетаемости с существительными. В результате своих наблюдений исследователь приходит к выводу о том, что числительные в фольклоре выполняют функцию не столько информативную, столько эстетическую, художественную. Свидетельством этому может служить тот факт, что в разных жанрах русского фольклора весьма заметны различия в отборе числительного и в их предпочтительном употреблении (например, число два больше функционирует в частушках) [207, с. 42]. У С.Ю. Ключникова находим исследования в области числовой символики. Особое место в русской символической традиции автор отводит числу «три»: «Русская традиция с точки зрения числовой символики насквозь троична. Это проявляется в почитании Троицы. Троичностью пронизаны русские символы и понятия – культовые образы «трех солнц» – три коня, установленные на крышах некоторых домов, три пути, предлагаемые путнику на выбор судьбы [95, с. 5].

Под особым углом зрения рассматривается число «семь». Специалист в области инженерной психологии Дж.А. Миллер при помощи психологических и экспериментальных исследований выявил, что количество информации, которое человек может запомнить и переработать, ограничено объемом непосредственной памяти. Дж.А. Миллер указывает на значение числа семь как предела наших способностей [142, с. 211]. Кроме общеизвестных семиричных законов: семь чудес света, семь мо-

рей, семь смертных грехов, семь дней недели, автор говорит о семизначной оценочной шкале, о семи категориях абсолютной оценки, о семи объектах в объеме внимания и о семи единицах в объеме непосредственной памяти [142, с. 223–224].

К изучению числовой символики в древнерусских сказаниях 16 века обращается В.М. Кириллин, особое внимание при этом уделяется числам: семь, пять, сто пять, три, тридцать пять, двадцать один, пятнадцать. Автор обнаруживает наличие внутренней связи между этими числами: «В самом деле: $3 \times 7 = 21$, $3 \times 5 = 15$, $7 \times 5 = 35$. В свою очередь 105 кратно и множимым и производным: $105 \setminus 5 = 21$, $105 \setminus 7 = 15$, $105 \setminus 3 = 35$ ». Он акцентирует внимание на то, что одним из оснований средневековой числовой метафизики была издревле укоренившаяся в сознании людей уверенность в символической эквивалентности, мистическом тождестве любого многозначного числа с суммой составляющих его цифровых знаков [94, с. 79]. Исходя из этого, становится ясной необходимость разграничения понятия «число» и понятия «цифра». К данной проблематике обращается и А.В. Суперанская, которая приходит к выводу о неправомерности использования выражений типа «двузначная цифра», «астрономическая цифра» с логической точки зрения. Отношение между цифрой и числом такое же, как между буквой и словом. Подобно тому, как бывают слова, которые можно изобразить на письме с помощью одной буквы, бывают и числа, которые можно записать с помощью одной цифры – это первые девять. Но цифры десять нет, а есть число десять записанное с помощью двух цифр [181, с. 174].

К проблеме изучения чисел обращается Б.А. Фролов. Его работы посвящены исследованию числовой символики, математических и астрономических знаний людей эпохи палеолита, нашедших отражение в искусстве, точнее в графике древнекаменного периода. А.Б. Фролов приходит к выводу о том, что графика позднего палеолита прямо указывает не только на использование смутных представлений об одном, двух и многих и многих предметах, но и на уверенное выделение среди неопределенного множества предметов совокупностей из 5 или 7 предметов [200, с. 109]. Интересна еще одна специфика первобытной чис-

ловой символики, замеченная Б.А. Фроловым. Для первобытной традиции характерно отнесение четных чисел к женскому роду, а нечетных – к мужскому роду. В таком случае числа и другие элементы первобытных знаний выполняли этнодифференцирующие функции при контактах между этносами. С другой стороны, последствия таких контактов получали затем символическое обозначение через соответствующую вторичную этническую нагрузку на числа. Так, поминки у нивхов длились 3 дня, если умерший – мужчина, 4 дня, если умершая – женщина. В случае смерти близнецов на протяжении 3 поколений хранилась деревянная фигурка, олицетворявшая мальчика и, соответственно, 4 поколения – фигурка, олицетворявшая девочку. На охотничьем промысле нивх трижды обращался с победным кличем к медведю, но четырежды к медведице, когда они становились его добычей [201, с. 117–118]. В результате своих исследований Б.А. Фролов приходит к выводу о том, что символические сочетания форм, ритмов, чисел, образов в разной степени осознанно или неосознанно для их творцов, полны неповторимого этнического колорита и вместе с тем во многом подобны палеолитической символике [201, с. 121].

В лингвокультурологических исследованиях рассматриваются проблемы, касающиеся фразеологического, паремиологического пласта языка с числовым компонентом. Следует отметить, что число как единица языка и культуры рассматривается в исследованиях Р.Т. Муратовой (Символика чисел в башкирском языке, 2009) [144], Н.П. Черневой (Семантика и символика числа в национальной картине мира: на материале русской и болгарской идиоматики, 2003) [210], А.А. Осиповой (Семантика и символика лексем со значением числа в русской, английской и французской языковых картинах мира: опыт сопоставительного исследования, 2008) [150], М.С. Дзедаевой (Концепт «нымæц» число в осетинской лингвокультуре, 2011) [68]. К исследованию концепта «число» в абхазском и абазинском языках обращается Л.Р. Хагба [202].

Числовая символика выступает как одна из составных частей мифопоэтической традиции в исследованиях З.Ж. Кудаевой. В ее исследовании анализируются символические значения чисел

и наиболее характерные параметры употребления чисел 1, 2, 3, 7, 9, 12. Автор приходит к выводу о том, что в адыгской мифопоэтической традиции выделяются определенные числовые символы, ряды, а также предикаты, организующие основные параметры этнокультурного макрокосма [102, с. 105].

М.А. Кумахов обращается к изучению числовой символики в эпической традиции. Особое внимание уделено символике числа *блы* «семь» в языке произведений устного народного творчества, приводятся типологические параллели и с древними культурными традициями. При этом исследователь полагает, что в адыгской мифологической традиции особая символика числа «семь» связана с семидневной календарной единицей. В пользу этого говорит общеадыгское название первого дня недели *блыщхьэ* «понедельник» [108, с. 187].

Для современного этапа развития лингвистики характерно изучение устойчивых выражений, в частности, фразеологического состава языка, в контексте культуры, так как среди единиц языка, которые выступают компонентами языковой картины мира, устойчивые выражения в наиболее яркой форме закрепляют культурно-исторический опыт народа. Было замечено, что числительные выступают как составные части многих фразеологических единиц и устойчивых оборотов.

К изучению фразеологических единиц с числительными обращается А.Е. Супрун. По его мнению, в ряде фразеологических единиц, включающих числительные, проявляются особые свойства, характерные именно для числительных. Некоторые фразеологические единицы отражают арифметизацию нашего мышления [182, с. 81].

Число с древнейших времен является важнейшей составной частью мыслительной деятельности, мифологического мироустройства пронизывает практически все сферы человеческой деятельности, выполняя различные функции.

Подводя итоги, можно отметить, что понятия числа и числовой символики зародились в античном обществе, они изменялись на протяжении многих веков в связи с развитием сферы человеческой деятельности. Для современного этапа развития

языкознания характерно изучение чисел не только как грамматической категории, а прежде всего как важнейшей категории лингвокультурологии.

Выводы

В результате анализа материала по проблеме взаимоотношения языка, культуры и символа можно прийти к следующим теоретическим выводам:

1. Язык рассматривается как высшая форма проявления культуры.

2. Через язык человек усваивает культуру.

3. Язык является средством порождения культуры.

4. Символы в системе культуры являются совокупностью выражения мировоззренческих смыслов.

5. Числа в большинстве случаев наделены дополнительным символическим значением.

6. Число является универсальной категорией каждой культурной традиции.

7. Числа в адыгской лингвокультуре выступают как составные части религиозных убеждений, особенностей этикета и быта. Важное значение числа занимают и в геральдике.

8. В кабардино-черкесском языке числа выполняют развивающую функцию, являясь составной частью загадок, стихов-считалок и выражая простые арифметические действия.

9. Обобщив результаты исследований лингвистов, фольклористов, философов и культурологов, можно констатировать следующие факты:

– для современного этапа развития лингвистики характерно рассмотрение числа не только как категории грамматики, но и как важнейшего составляющего компонента культуры и менталитета;

– числа имеют большое значение в осмыслении структуры мира, пространственно-временных отношений. Их сакральная семантика, сформированная на основе древних мировоззрений,

сохранилась в устойчивых выражениях, лексических единицах языка, широко представлена в фольклоре и художественных произведениях.

- возникновение понятия числа неразрывно связано с возникновением категории количества;

- числа в архаичных традициях использовались в тех ситуациях, которым придавалось сакральное, магическое значение;

- необходимо разграничивать понятие «число» и понятие «цифра»;

- для древних культур характерно строгое разделение четных, нечетных чисел и отнесение первых к женскому, а вторых к мужскому полу.

Г л а в а 2

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ В АДЫГСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

2.1. Символика числа *блы* «семь»

Возникновение понятия числа тесно связано с возникновением категории количества. Согласно В.З. Панфилову, количественное число отражает свойство, общее равномошным свойствам. В языке оно выражается количественными числительными [152, с. 224]. Прежде чем приступить к исследованию символических особенностей чисел кабардино-черкесского языка, нужно отметить необходимость разграничения грамматического числительного и религиозно-мифологической, фольклорной, сакральной трактовки понятия числа. В современной лингвистике числительное определяется как часть речи, характеризующаяся категориальным значением определенного числа, порядка, кратности, выраженного в обозначениях количества предметов и порядка их по счету, а также особенностями синтаксического функционирования и особыми моделями формо- и словообразования [225, с. 514]. В мифологической фольклорной традиции числительные бывают наделены дополнительным культурным символическим смыслом. Особой символической и мировоззренческой роли числа «семь» посвящены многие работы исследователей и культурологов.

Число семь, характеризует общую идею Вселенной, константу в описании мирового дерева, число сказочных героев, число дней недели, количество цветов радуги.

Число семь было священным в древних цивилизациях Востока. В шумерских мифах о Гильгамеше судьбы Вселенной вершат вначале семь старших богов и богинь, самых могучих и мудрых, перед подземным царством семь ворот, а в нем семь судей распоряжаются судьбами умерших. Священным было число семь в древних государствах Египта, Индии, Китая, Америки [34, с. 112]. С древнейших времен известны семь чудес света: Древнеегипетские пирамиды, Храм Артемиды в Эфесе, Висячие сады Семирамиды в Вавилоне, Мавзолей в Галикарнасе, Статуя Зевса Олимпийского, Колос Родосский, Маяк в Александрии.

В средневековой школе известны семь свободных искусств:

1) тривиум (трехпутье)

– грамматика,

– риторика,

– диалектика;

2) квадриум – пересечение четырех дорог:

– арифметика,

– геометрия,

– астрономия,

– музыка [228, с. 152].

Известны семь мудрецов, которым приписывают многие изречения: Солон, Фалес, Периандр, Хилон, Питтак, Биант, Клеобул.

Число семь – символ совершенной гармонии, материи, на которую снизошел дух. Оно также передает динамику реального времени, смену его циклов; таково число планет в представлении древних и число эпох мира в некоторых традициях (например, у халдеев каждая из семи планет управляет тысячелетием). Это число соответствует семи направлениям пространства (шесть плюс центр), Число семь рассматривается обычно как сумма трех и четырех и символизирует союз двух принципов, олицетворяемых этими числами, единение двух природ, божественной и человеческой [249].

Символика чисел играет большую роль в отражении менталитета и особенностей древнего религиозно-мифологического представления мира.

Известный кабардинский писатель, знаток родного языка, этнограф С.Х. Мафедзев предполагал, что слово *еблагъэ* «добро пожаловать» и число *блы* «семь» являются однокоренными. В свою очередь, *еблагъэ* является производным от *благъэ*, которое имеет значения:

1. «близкий»;
2. «родственник».

Многие народы Кавказа исчисляли свое родословие именно до седьмого колена [139, с. 15].

В мифологической традиции многих народов, в том числе и у адыгов, число «семь» занимает особое место, хотя почитание этого числа имеет совсем не мифологическую и сказочную, а вполне реальную исходную основу: семь календарных дней, деление Вселенной на семь планет, семь цветов радуги, семь музыкальных нот, астрономическое название небесных тел – созвездия Большой Медведицы – *Вагъуэзэшибл/ жьогъо Зэшибл*, что в буквальном переводе означает «**Семь братьев-звезд**». В адыгской мифологической традиции существует легенда о возникновении данного понятия, согласно которому семь братьев стали звездами из-за проклятия ведьмы: ...*ИкIи а сыхъэтыпцIэм и шордакъым и щхъэм нэса удым и макъ зэхахашц [зэшиблым]: – Си гыбзэр фи гущIэм ихуэ! Си нитIым физэралъагъу дьидэм ещху, къыфхудэплъейм фафIэпсэкIуэду, зэшиблри вагъуэ фыхъухэ* (М.С. Гъыбзэ хуэфашцэт, 307). «В тот же момент [семь братьев] услышали голос ведьмы, дошедшей до своего балкона: – Пусть мое проклятье дойдет до глубины вашего сердца! Точно так, как видят вас мои глаза, чтобы все, смотрящие в небо, вам сострадали, **все семь братьев** будьте же звездами».

По расположению «Семи братьев-звезд» адыги определяют время ночи и приближение рассвета: *Ерстэм мыгумэкIэу уашъом дэплъыагъ: жьогъо Зэшиблыр джыри лъагъу ошъогуи итыгъ – чэщыр шIагъоу хэкIотыгъэп (адыг.)* (К.Т. Шыу закъу, 217). «Ерстем взглянул на небо: «**Семь братьев-звезд**» (Большая Медведица) – еще

высоко, значит ночь еще не такая поздняя». [Ерстэм:] *Жъогъо Зэ-шиблыр къехыгъ – нэфшыогъор чыжьэжьэп (адыг.)* (К.Т. Шыу закъу, 233). «**Семь братьев-звезд**» (Большая Медведица) уже низко спустились – рассвет уже близок». *Гъэмахуэ уафэм дэплъейри [Алэ], Вагъуэзэшиблым зэрызагъэзамкIэ гу лъытащ жэщ ныкъуэм зэрыщхъэдэхам* (К.Т. 1. Лыгъэр зэрагъэунэху, 372). «Взглянув на летнее небо, [Аля] по расположению «**Семи братьев-звезд**» (Большой Медведицы) понял, что уже за полночь». В связи с этим примечательно вспомнить народную примету: *Вагъуэ-зэшиблым загъазэмэ, нэху мэщ*. «Когда «**Семь братьев-звезд**» (Большая Медведица) поворачиваются – светает».

По народному убеждению, если у ребенка на теле обнаруживается семь родинок в конфигурации, напоминающей созвездие Большой Медведицы, его ждет счастливое будущее [133, с. 332].

Астрономическая семерка обнаруживает типологические параллели в культурных традициях других народов. По мнению Н.Л. Жуковской, самая популярная мифологическая семерка в монгольской культурной традиции – это Семь старцев или Семь богов – семь видимых звезд созвездия Большой Медведицы [79, с. 140]. Как отмечает И. Мухиддинов, занимавшийся изучением этнографии народов Средней Азии, по представлению бартангцев кишлака Равмед, существует «доброжелательная» Полярная звезда. Она находится на севере. Вокруг нее вращаются против часовой стрелки семь звезд. Они охраняют Полярную звезду. Каждая из них связана с определенным днем недели [145, с. 72].

Интересно вспомнить тот факт, что исторически в Кабардино-Балкарии было семь городов, что находит яркое и образное отражение в языке поэзии А.П. Кешокова:

*Уи къалащхьыблым
Зыкърагъэщхьу,
Вагъуэзэшиблыр
ЖэцкIэ зэцIоблэ*

(Къэб. усэм и антол. К.А. Адыгэ Хэку, 155).

«Твоим семи столицам
Уподобляясь,
Семь братьев-звезд
В ночном небе горят».

С «магической семеркой» связано огромное количество народных примет, поверий и суеверий:

Шыблэ нэужьыр махуибл уэлбанэщ, жаIэрт. «После грома и молнии в течение **семи дней** продолжается ненастье, говорили».

Хьыджэбз дэмыкIуэм гьуджэр ыкьутэмэ, ильэсиблIэ дэмыкIуэну кьальытэрт. «Если незамужняя девушка разбила зеркало, она в течение **семи лет** не выходила замуж, считали». Ср. адыг. *КIэлэ зикьэцэгьум гьунджэр ыкьутэмэ – ильэсиблэ кьыщэцтэп.* «Если неженатый парень разобьет зеркало, то ему не жениться в течение **семи лет**» (Ц.Н. Адыгэ нэшанэхэр, 40).

Гуэрэфыр узыфиблым поув жаIэрт. «Фурункул **семи** болезням равен, говорили».

Кьэрмэфиблыр узыфиблым и хуцхьуэщ, жаIэрт. «Гвоздичное дерево – лекарство от **семи болезней**, говорили». Ср. с адыг. *Бжьыныфым узыгьуибл егьэгьу.* «Чеснок излечивает от **семи болезней**» (Б.З. Жемчужины народной мудрости, 34).

Кьакьыриблымэ атель кьамылхэм зырыз кьыхэпхуу уи-пIэшхьагь чIаплхьэу, Тхьэм уелъIоу узыгьольыжькIэ – псэогьу пфэхьуцтыр пкIыхьэу плъэгьуцт (адыг.). «Если с **семи сараев** с камышовыми крышами собрать **семь камышин**, положить под подушку и помолиться Всевышнему, то приснится суженый» (Ц.Н. Адыгэ нэшанэхэр, 101).

Брулым шибл я гуацIэ хэлъщ, жаIэрт. «В чалой лошади сила **семи лошадей**, говорили».

Пщыхьэцхьэ пшэпльыр махуибл уэфIц жаIэрт. «После вечерней зари в течение **семи дней** хорошая погода, говорили».

Февралым и блым мылым утемыхьэ, жаIэрт. «**Седьмого февраля** на лед не выходи, говорили».

ХьэмцIыракIэр тебгьэкIуэдыкIын папцIэ, хьыданым шыгьу кIуэцIашыхьырт, гьуэгуцхьыблым тралхьэрти, ар кьэзыцтэм хуэкIуэу жаIэрт. «Для того, чтобы исчезли бородавки, в тряпочку

заворачивали соль и клали **на перекрестке семи дорог**, кто ее возьмет – на того они перейдут, считали».

Чэтым еорэм – илэсиблэ шлу кыдэхъурэп (адыг.). «Пнувшего кошку ногой счастье обходит **семь лет**» (Ц.Н. Адыгэ нэшанэхэр, 40).

Бзыу хъакуаком ышъхъэтыку тет сьджыр зэИэцыгъэу удаплэмэ мышлоу, ызыгъуибл кыдэкъыцтэу алоцтыгъэ (адыг.). «Говорили: «Если посмотришь в раскрытый хохолок кукушки, то заболеешь **семью недугами** (болезнями)» (Ц.Н. Адыгэ нэшанэхэр, 76).

В прошлом адыги придавали коленной чашке домашнего рогатого скота особую магическую силу, она использовалась в гадательной практике. Коленную чашку мелкого рогатого скота обычно хранила в доме старшая женщина. Для этого хозяйка обвязывала ее **семью** разноцветными нитками, которые якобы предохраняли *асмыж* «коленную чашку» от **семи** каких-то различных зол [137, с. 78].

Символическое значение числа *блы* «семь» прослеживается в адыгской мифологической традиции. В связи с этим интересно обратиться к изображению идола Созреша. Касаясь этого вопроса, Л. Люлье писал: «Созрес считается божеством покровителем хлебопашцев. Пришествия его горцы ожидают и празднуют ежегодно. К этому времени вносятся в дом сук о **семи** ветвях известного дерева, называемого Гамшхут: к ветвям прикрепляются свечи из желтого воска, пирожки, кусочки сыра ...» [125, с. 31].

Случаи символического использования числа *блы* «семь» в кабардино-черкесском языке можно разделить на несколько групп:

1. Основная функция числа *блы* «семь» – выражение количественных отношений в тексте.

а) число *блы* «семь» выступает как выражение количества действующих лиц, персонажей в фольклорных и литературных произведениях. Наиболее употребительные слова и выражения с числовым компонентом *блы* «семь»:

зшибл «семь братьев». В кабардинском нартском эпосе фигурирует «семь братьев-великанов» (иныжей): *Нартхэр заИэтри* *Иэхъуащ. Иныжь зэшиблыр зэрыса щыпIэм зэрихъэу, нартхэм за-*

ужьащ (Нартхэр. КъуийцЫкІу нартхэр зэригъЭгпхуар, 469).
«Нарты сразу же перебрались в земли, где жили **семь братьев-великанов**, и зажили они там еще лучше».

удибл «семь ведъм».

ЕмыщІэхэ гуащэм уэ урипхъу класэщ,

Удиблым я кум ущагъасэщ

(Ад. Іу. Дыгулыпхъу и псэлыхъухэр, 117).

«Емишевых княгини ты поздняя дочка,

Среди **семи ведъм** воспитана ты».

иныжьибл «семь великанов». Когда Сосруко впервые пришел на Хасу, его встречают **семь великанов**:

Ялъ я губжьым щІигъэнащи

«Нарт уитыр ягъэшыр,

Шу къахуэкІуэм щоштэжхэри

ЩІыхъ нежьэр къыхуащІ;

Нарт хабзэжьти, Сосрыкъуэм,

Иныжьиблыр къыхуагъэуэ

(Нартхэр. Сосрыкъуэ Нарт Хасэм
япэ зэрыкІуауэ щыгар, 64).

«Тут пришли в смущенье нарты,

Удивились, устрашились,

Семерым они велели

Великанам

Разом встать и встретить гостя

По законам стародавним»

(Нарты. Как Сосруко появился впервые
на Хасе нартов, 49).

дэлъхуибл «семь братьев». [ЩхъэцфІыцІэ:] *Нарт дэлъхуибл*
сиІэу а иныжьхэм яукІауэ щытати силъ къыздэпцІэжащ (Нарт-
хэр. ХъэщІэмрэ Щэуейрэ, 523). [Шхацפיца:] «У меня было **семь**
братьев нартов, а великаны их убили, ты помог мне за них ото-
мстить».

къуэшибл «семь братьев».

Ар Сосрыкъяуэц, си щІалэ,
Уи къяуэшиблыр зыуклариц

(Нартхэр. Сосрыкъяуэрэ Тотрэщрэ, 109).

«Это Сосруко, сын мой,
Твоих **семи братьев** убивший».

фызибл «семь женщин». Выражение *фызибл* «семь женщин» используется в значении «семь нянек». – Мыр [хъыджэбз цІыкІур] емынэ хъунуц, дыхуэвгъэсакъ, – жари сабийм **фызибл** ирагъэувэлІац (Ад.Іу. ЩІым гъунэ иІэкъым, 107). «Эта [девочка] будет особой, нужно ее беречь – сказали [нарты] и приставили к ней **семь женщин**».

угъурсызибл «семь недобрых». [Ілы щІакъуэм:] – Угъурсызиблым ебланэр сэрац, мо дыгъэм си псэр дыкъухъэнуц, уэ пхуэдэлІ зэрыздэсхъынур сигу къяуэ (Ад. хъыб. Шэджемокъуэ Хъэсанщ, 46). «[Хромой мужчина:] – **Из семи недобрых я седьмой**, моя душа уйдет вместе с заходом солнца, мне жаль, что я погублю такого, как ты, мужчину».

б) Число *блы* «семь» используется для выражения количества еды и питья фольклорного героя.

санэ шалъибл «семь ведерок вина». Бжъуэ санэ **шалъибл** зэрытыр Іэ ижъымкІэ иІыгъыу, сэмэгур димыгъэІэпыкъуу, Лъэбыцэжъей къицтэри Бэдын хуишияц (Нартхэр. Бэдынокъуэ и адэр укІыпІэм къызэрыришыжар, 165). «Чарку с вином объемом в **семь ведер** Тлябицажей взяла и протянула Бадыну правой рукой без помощи левой».

махъсымэ чеибл «семь бочек бузы». **Махъсымэ чеиблрэ** хуэфацищэ шхынрэ ягъэхъэзырри Батыр къраджац (Ж.Н. Щэнгъасэ. Мыщэ и къяуэ Батыр, 127). «Батыру приготовили **семь бочек бузы** и подбавляющую им еду и позвали его».

хывыхъуибл ял «мясо семи буйволов». Абы [Батыр къыздикІа дунейм] сыкІуэн щхъэкІэ, **хывыхъуибл ялрэ** абыхэм я фэндхэм ярыз псырэ гъуэмылэу сыхуеинуц – жиІац бгъэм (Ж.Н. Щэнгъасэ. Мыщэ и къяуэ Батыр, 133). «Для того, чтобы мне туда попасть [в мир Батыра], мне нужно мясо **семи буйволов** и вода в **семи бурдюках**, приготовленных из кожи этих буйволов – сказала орлица».

в) Число *блы* «семь» используется для выражения количества одежды, которую изнашивает герой в пути:

афэ гьуэнишэджибл «семь брюк из кольчуги».

Афэ гьуэнишэджиблыр кьегьэлажъэ,
И кьаугъэ лажъэм дьхэмькИи.
Нарт Ехъутэныджыжьыр си псэлъыхъукъэ,
Бэрэ кьыслъыхъуами, сьхуэмейкъэ

(Ад. Ю. Дыгулыпхъу и псэлъыхъухэр, 116).

«**Семь брюк из кольчуги** он изнашивает,
Из-за него мы в склоках и скандалах.
Нартовский Ехтаниг ко мне сватается,
Даже если много раз будет свататься, все равно не выйду за него».

г) В мифологических представлениях адыгов число *блы* «семь» выступает как выражение количества голов мифических существ, что находит отражение в кабардино-черкесском языке в сочетаниях *щхьибл фIэту иныжь* «великан с семью головами», *благъуэ щхьибл* «семиглавый дракон». [Батэрэз] *Къепсыхри щыщIыхъэм [чэщанэм], щхьибл фIэту и пэ гьуанитIым маскIэр кьрихьыу, зэ-зэмьзи дэп жьэражъэр кьыжьэдихьыу мэжейри зы иныжь шынагъуэ щылъщ, абы зы хъыджэбз тхъэIухуд бадзэ хуоуэри щхъэщысыщ* (Нартхэр. Батэрэз иныжьыр иукIыу Уэзырмэс кьызэрихьыжар, 311). «Спешившись с коня и зайдя [в башню], [Батараз] видит: лежит спящий страшный великан с семью головами, из ноздрей которого сыпятся искры и периодически извергает горящие угли, а над ним сидит прекрасная девушка и отгоняет мух». [Батым:] *Тиоркъхэр зекIо кIуагъэхэу, кьызыкIожьхэкIэ мыхъэр агъэхъагъэу, мышIэр алъэгъугъэу кьытфайуаттэ. Иныжь нэзакъуи, благъожь шхъхьибли, Итау-Итыкуи, бгызэкъкъои – зыIукIагъэу, зэзуагъэу къаIотэ – жьырэр гъэшIэгъоны (адыг.)* (К.Т. Шыу закъу, 49). «[Батым:] Наши уорки после возвращения с похода рассказывают нам что совершили великие дела и перевидели много невероятного. Они клянутся, что сражались и победили одноглазого великана, **семиглавого дракона**, Итау-Итука, и видели, как скалы сами сходятся-расходятся». *Сытми Хъымьыщым иныжьым и щхъэ ебланэр пиуицIу щыджалэ сьхъэтым иджы фIэкIмэ, дытыкIыпащ –*

жиІэри, Пщы – МарыкЪуэ и джатэ хъэзыр иІыгЪымкІэ уэри зи щІыб кЪэгъэза ХЪымыщым и щхъэр ниуицІащ (Нартхэр. Нарт ХЪымышц, 294). «В тот момент, когда Химиш отрубил **седьмую голову** великана, Пши-Маруко подумал, что не стоит упускать случая нанести Химишу удар сзади, и отрубил ему голову».

2. Число *блы* «семь» используется для выражения пространственно-временных отношений. Категории пространства и времени являются важнейшими атрибутами картины мира. А.А. Ципинов полагает, что выявление основных пространственно-временных параметров даст нам возможность реконструировать модель мира, составные части которой эволюционировали на всем протяжении традиции от мифа к преданиям [209, с. 136]. Именно магиико-мифологическое значение *числа семь* позволяет, прежде всего, проследить с особенной ясностью и повсеместно связь с определенными основными космическими феноменами и представлениями. Однако при этом тут же обнаруживается, насколько неразрывна связь мифологического чувства пространства и мифологического чувства времени и каким образом оба они совместно представляют собой исходную точку мифологического понимания числа [93, с. 155]. В кабардино-черкесском языке для обозначения продолжительности действия используются выражения *жэцибл-махуибл* «семь ночей и семь дней», *махуибл* «семь дней», *мазибл* «семь месяцев», *тхъэмахуибл* «семь недель». Так, в кабардинском фольклоре с помощью числа *блы* «семь» выражаются:

а) Продолжительность санопития или игрища: *ПшЪашЪэмэ ялыеу ти Гулэз дахэ кЪыІорэ ары: джы непэ гЪатхэ маф, кЪыкІоуцт бжыхъэм, лэжыгъэр Іуахыжыгъэ уж, шыгЪажъи, шыу зэбэни хэ-тэу чэцибл-мэфибл джэгу Гулэз ышІышт (адыг.)* (К.Т. Шапсыгъэ пшЪашъ, 362). «Особая среди всех девушек Гуляз говорит так: сегодня весенний день, будущей осенью, после сбора урожая, Гуляз устроит большой праздник со скачками в течение **семи ночей и семи дней**». *Махуиблрэ жэциблкІэ я нарт лыхъужъ Къанж и кЪуэ Щэуей, Нэрыбгейм и кЪуэ закЪуэм и щІыхъкІэ нарт-хэм санэхуафэ ирагъэкІуэкІащ* (Нартхэр. Щэуей Ан-АкЪ бгЪэжыыр

иукIыу ЩхьэцфIыцIэ дахэр фызу кызыэришар, 534). «Нарты устроили санопитие и в течение **семи ночей и семи дней** чествовали своего героя-нарта Шауея, сына Канжа, единственно-го сына Нарыбгия». *Жэцибл-махуиблкIэ гьэцIэгьуэну екIуэкIащ кхьуейплъыжькIэрыщIэр, абы щыжала хьуэхьу купцIафIэхэмрэ, щауэ кьуданхэм цаггэлъэгьуа хахуаггэмрэ ихуэмыIуэтэцIыным хуэдизт* (Ш.А. Акъмырзэ ФIыцIэ, 68). «Обряд «подвязывания красного сыра» продолжался в течение **семи ночей и семи дней** очень увлекательно, те основательные тосты, что там произносили, ту храбрость, которую показывали статные парни, невозможно было передать словами». *Ирилъэфажьэри жэци махуи димыггэкIыу, жэцибл-махуиблкIэ иныжьыкьуэр кьигьэуджу нарт Хэкум кьыщрилъэфэкIащ [Батэрэз]* (Нартхэр. Батэрэз иныжьыкьуэр кызыэригьэуджар, 335). «Батараз заставил проплясать сына великана в течение **семи ночей и семи дней**».

б) Продолжительность пути:

*Гьуэгуанэ кIыфIыр
Махуибл гьуэгуанэт*

(Нартхэр. Ашэмэз и бжамийр кызыэригьуэтыжар, 279).

«Путь **семидневный**,
Мрак беспросветный».

в) Продолжительность сна: *Щэуей жэцибл-махуиблкIэ жезц кьэмыушу, ЩхьэцфIыцIэ абы кьыбггэдэмыкIыу щхьэщысащ игьафIэу* (Нартхэр. Щэуей Ан-Акь бггэжьыр иукIыу ЩхьэцфIыцIэ дахэр фызу кызыэришар, 531). «Шауей, не просыпаясь, спал в течение **семи ночей и семи дней**, Шхацфица не отходила от него ни на шаг, сидела над ним и лелеяла его».

г) Продолжительность ненастья, непогоды, дождя: [*Уэзыр-мэс*] *Пэкьуэ и пцэм дэуэри и щхьэр зэуэ пиггэлъэтащ. Абы и ужькIэ тхьэмахуиблкIэ уэшх лъы щIэту кьешхащ* (Нартхэр. Уэзырмэс нартхэр гьаблэм кызыэрыриггэлар, 369). «Озермес отрубил голову Пако, после чего в течение **семи недель** продолжался кровавый дождь».

Число *блы* «семь» используется также для выражения пространства или места действия: *хы кьуэпсибл щызэхэхуэм* «место, где сходятся потоки семи морей»:

*Хы кьуэпсибл щызэхэхуэм
И кууупIэм ныхашэри
И лъэр щIым нэмысу
И жьэм псыр жьэдэмыуэу
Ар [Сосрыкьуэ] хышхуэм хоувэ*
(Нартхэр. Сосрыкьуэ мафIэ кьызэрихьар, 82).

«Там, где в океан глубокий
Устремляются вскипая
Всех **семи морей потоки**,
Опускается в пучину,
Дна стопой не доставая,
Ртом воды не набирая,
Тот, кого зовут Сосруко»
(Нарты. Как Сосруко добыл огонь, 88–89).

Для экспликации пространства используется выражение *щIы кьатибл* «седьмое дно земли»:

*КъэщIащ ди бжьамийри зыIэщIэлъыр
КъэщIащ ди Ахумьдэр здэщыIэр
ГуIэу щIы кьатиблым ар щаIыгъщ
Гъэру благъуэ унэщ ар зыщIэсыр*
(Нартхэр. Ашэмэз и бжьамийр
кьызэригъуэтыжар, 278).

«Узнал я, у кого наша свирель.
Узнал я, где наша Ахумида.
В горькой печали держат ее **на седьмом дне земли**.
В плену сидит в логове дракона она».

Выражение *щIы кьатибл* «семь слоев земли» используется и в современной литературе:

*Уоу, си лъэпкъ мащIэу гущIэм щызгъафIэ,
Зи фIыр зи Iейм кьыхсугуэмых,*

Зэм хубоlэт уэ си гур мо уафэм,
Зэм **щlы кьатиблкlэ** гугьэр йодзых

(Кьэб усэм и антол. Ю.Б. Тхьдэ – лlыжь
кхьахэр уанэтемыхши, 479).

«Уоу, мой род не большой, кого делею я в глубине сердца своего.
Чье плохое от хорошего не могу отделить.
Ты то поднимаешь мое сердце до неба,
То опускаешь надежду мою на **седьмое дно земли**».

В зависимости от контекста выражение **щlы кьатибл** «семь слоев земли» может обозначать отдаленное расстояние: *Нэмь-цэм Дыгьужьыкьуэ куэдрэ зыщилэжьакьым. Иухатэкьым абы гу щихуэну мы адыгэ жылэжьым, щlы кьатибл нэс кьикlыу бэлыхьыцэр ятельу кьафlыдыхьами* (Хь.С. Льягьуэр гьуэгуи хуокlуэ, 144). «Немцы задержались в Дугужуко ненадолго. Не суждено было им налюбоваться адыгским аулом, хоть пришли они издалека, [букв.: с глубины **седьмого дна земли**] и прорвались сюда с большим трудом [букв.: **со ста** терзаниями]».

В нартском эпосе жилище заклятого врага нартов Еминежа, похитившего семена проса, находится за семью большими горными цепями, семьюстами реками, за семью морями, также оно огорожено семью колючими стенами: [*Сэтэней*]: *Сэ бжесlэниц а Емынэжь щыпсэу щlыlэр. Кьуришибл удэкlыници, аддэ дыгьэр уафэ джабэм кьыщытехьэм адэжкlэ уежьэми унэсынкьым «...». Адэкlэ укlуэмэ, псы щибл кьызэбнэкlыници, дыгьэр уафэгуи кьыщыхьэм уежьэми унэсынкьым «...». Адэкlэ укlуэмэ, хы цlыкlуу щы, хьышхуэу блы узэпрысыкlыници, дыгьэр уафэ нэзыи щуалlэм адэжкlэ уежьэми унэсынкьым* (Нартхэр. Сосрыкьуэрэ Емынэжьэрэ, 44). «[Сатаней]: Я тебе скажу, где живет Еминеж. Пройдешь **семь горных цепей**, и достигнешь того места, где солнце поднимается по небосклону и не доедешь. «...»Поедешь дальше, пересечешь **семьсот рек**, там, где солнце стоит посередине неба, и не доедешь. «...»Поедешь дальше, переплывешь **три малых моря** и **семь великих морей**. Достигнешь того места, где солнце касается края неба, и не доедешь».

Кроме того, жилище Еминежа было опоясано семью стенами, которые служили своеобразной защитой: *Емынэжь и хэщlанlэр*

мывэ сэреиблу къэщIыхъат, дыхъэпIи дэкIыпIи имыIэу (Нартхэр. Сосрыкьюэрэ Емынэжърэ, 46). «Жилище Еминежа было окружено **семью каменными стенами**, так что не было возможности войти и выйти оттуда». Этот же мотив прослеживается в адыгских сказках: ...Унэлут хъыджэбзхэм я псэупIэр къапщIэу, жэщым екIуэлэжа иужь, **блыми** къамыщIэу я IункIыбзэлуххэр къэбгъэкIуэсэн хуейщ, итIанэ укIуэу, хъэми бгъэми, хъумакIуэми уакъыIэщIэкIыу, **IункIыбзэлухиблымкIэ бжиблыр** Iупхыу, ди шыхъу нэхъыщIэр жейуэ зыщIэлъ унэм ущIыхъэу, Iэпхъуамбэ курытым Iэрылъ Iэлъыныр къыIэрыпхыу къысхуэпхъын хуейщ (Ш.А. Акъмырзэ ФЫщIэ, 77). «Теперь ты должен узнать место жительства **семи прислуживающих** ей девушек, украсть у них ключи, потом пойти к [красавице] и так, чтобы тебя не заметили орлы, собаки и охранники, должен открыть **семь дверей семью ключами**, потом тебе нужно зайти в ту комнату, где спит наша младшая сестра, снять с ее среднего пальца кольцо и принести мне». Зэман IэджэкIэ къыкIухъу тенджызым тетауэ, щIалэм къыжраIащ ФатIимэр щыпсэур – аддэ тенджыз Iуфэ гуэрым **сэреиблу** къэщIыхъауэ, **бжибли** хэлъу, **IункIыбзибли** етауэ, удыхъэнкIэ зэрыпхуэщIэкIын дунейм темыту ещIэкIахэу (Ад. таур. Хъаным и къуэмрэ Асыкъ ФатIимэрэ, 48). «Много времени скитался парень по морю, и только потом ему сказали, где живет Фатима – далеко-далеко на берегу какого-то моря, окруженная **семью** высокими оградами, с **семью** дверями, запертая **семью** ключами так, что невозможно было туда зайти».

Жилище великана находится за семью горными цепями. Иныжъм я хэкур **къуришиблым** адэкIэ къыдэтти, абы кIуэну ежъащ [Бэтэрэз] (Нартхэр. Батэрэз иныжъыр иукIыу Уэзырмэс къызырхъыжар, 310). «Страна великанов находилась за **семью горными цепями**, туда и собрался ехать Батараз».

Исходя из приведенных примеров, можно предположить, что в кабардинском нартском эпосе число *блы* «семь» выступает **символом надежности**.

В адыгском фольклоре, в том числе и в нартском эпосе, встречается выражение «гъуэгуыщхьибл зэхэкIыпIэ» «перекресток семи дорог». В современном кабардино-черкесском языке данное вы-

ражение используется для образного обозначения того момента, в котором человек должен сделать важный выбор в жизни, или окажется в непростой и спорной ситуации.

*Сыщыгъуэщамэ гъуэгъуцхьибл,
Псэ нэхуриц сиЛэр лъагъуэхэшу*

(Хь.Л. Псэ нэху, 93).

«Если я заблужусь **на перекрестке семи дорог**,
Светлая душа – мой путеводитель».

3. Число *блы* «семь» выступает как составной компонент состязания героя-нарта и злого противника, что воплощает в себе борьбу добра и зла. – *ЗэзэуэкЛэу диЛэнур – жиЛаш иныжьбым, уэ зыпфЛэлЫфЛ дьдэщи, ди щЛакЛуэхэр дубгъуниц, шэ блырыбл дгъэтЛылъыници, духыхукЛэ дьзэзэуэниц* (Нартхэр. Шужьейрэ Бэдынокъуэрэ, 230). «Будем драться так – сказал великан, раз ты считаешь себя сильным мужчиной, расстелем на земле свои бурки, положим на бурки **по семь стрел** и будем стреляться, пока не закончим». *Иджы къэнэжар шабзэ уэнкЛэ зэныкъуэкъуныр арати, бгы лъапэм яхъри джэдыкЛэ блырыбл къыхутрагъэуващ шабзауитЛмикЛ. ЗэкЛэлъыкЛуэурэ Батэрэзым джэдыкЛиблри къриудыхащ, ауэ мыдрейм и шабзэшэхэр ауэ жыжьэу нэсыхакъым бгыщхъэм* (Нартхэр. Батэрэз благуэр зэриукЛар, 322). «Наступило состязание по стрельбе из лука. Мишенью были **семь яиц**, поставленных в ряд на гребне скалы. Батараз по очереди сбил **все семь**, но стрелы его противника даже не долетели до скалы».

4. Число *блы* «семь» используется для выражения портрета сказочного, фольклорного или литературного героя:

*Тхъэмадэжьхэр Іэнэм щыст,
Жэрумиблт я пащЛэр*

(Къэб. усэм и антол.
И.Б. Тхъэгъуш макъ, 360).

«Старейшины сидели за столом,
Усы равны **семи жарумам**»*.

*А щІалэр уардафэ-уардаблэт,
А щІалэр бгъэгү ІэмыщІиблт*

(Нартхэр. Лъэпщрэ Дэбэчрэ, 338).

«Тот парень статен, широкоплеч,
Тот парень с грудью шириной **в семь ладоней**».

ЩІалэр щІэкІрэ плъэмэ, бжэІупэм къыІутт зы емынэ – хъэндыр-къуакъуэр и уанэу, блэр и шхуэмылакІэу, шындырхъуор и къамышыуэ, адакъэшым тесрэ езыр зы бжъу и жъакІэр бжъиблу (Ж.Н. Щэнгасэ. Мыщэ и къуэ Батыр, 128). «Парень вышел [из дома] и увидел одно чудище – лягушка служила ему седлом, змея – поводьями, ящерица камчой, сидел на петухе-коне, сам ростом в одну пядь, а борода длиной **в семь пядей**».

5. И.А. Бодуэн де Куртенэ полагал, что числовая количественность в языковом мышлении охватывает значение повторения и усиления впечатлений и воспоминаний, связанных с воспроизведением языкового мышления во время общения между людьми с помощью языка [33, с. 315]. Число *блы* «семь» в кабардино-черкесском языке используется для выражения эмоциональной экспрессивности и усиления значения. *ЗэзауитІыр чэщанэжъым къызэрыщІохри тафэ хуитым къызэрытохъэ, зэуэныр аргуэру щІэрыщІэу яублэ. Гузэвэгъуиблым зэщІищта пщашэм и псэр хэтыж къудейуэ, абыхэм йоплъ* (Нартхэр. Батэрэз иныжъыр иукІыу Уэзырмэс къызэрихыжар, 312). «Двое дерущихся вынеслись из старой башни на просторную равнину и снова затеяли драку. Девушка, охваченная сильным волнением [букв.: **семью волнениями**], в страшном испуге смотрит на них».

*Уадибл удьыну зэхищІэу
И бжыжь хъэлъэу гуауащІэр
Хъудым и мыІухум хуегъапсэ*

(Нартхэр. Лъэпщрэ Хъудымыжрэ зэрызэдэгъукар, 354).

* Жарума – адыгское национальное кушанье в виде завернутых в трубуху кусочков жира со специями.

«Свое тяжелое сокрушающее копьё
Обрушивает [Тлепш] на щит Худыма так,
Что он ощутил его
Как удар **семи молотов**».

*Шыплэм сыкърихъэхц,
ПлЛэгу гуцэкIэ сыцхъэпридзри
Нарт вагъэбдзумиблыр
БлыпкъкIэ сигъэтхъуац*

(Нартхэр. Сосрыкъуэрэ Тотрэшрэ, 103).

«Снял меня с коня,
Кинул с такою силой, что
Семь нартских пластов земли
Я плечом вспахал».

Мэшым и Гухыжыгъуэ дьидэм дунейм зыкъызыэцIицIэри уэшхуэ къехри мэшым **Исрафиблыр** къыхуигъэкIуац, нартхэр мэшынышэу къэнащ, жылапхъэ къудей ямыгъуэтыжу (Нартхэр. Бэдынокъуэ нартхэ къахихъа хабзэфIыр, 241). «Именно в тот момент, когда настала пора уборки проса, погода нахмурилась, пошел град, который сильно [букв.: в **семикратном размере**] испортил уро-жай, нарты остались даже без семян».

ИтIанэ, бэлыхъыр зытелъ цIалэ цIыкIум къарууэ къыхузыэцIэкъуэр къызыэцIикъуэри, изэрифIэциблкIэ инышхуэу къолэ и лъакъуэр ДыгъэтIасэ къыкIэцIилъэфыжыну (Хь.С. Лъагъуэр гъуэгум хуокIуэ, 125). «Потом измученный мальчик изо всех сил [букв.: **со всеми семью силами**] дернул свою ногу, чтобы вытащить ее из-под Дигатасы».

Часто в кабардинском нартском эпосе какое-нибудь действие совершается семикратно. Мать Бадыноко кормила грудью своего сына семь раз в день, в течение семи лет. *Бэдынокъуэ и анэр цIыунэм къакIуэурэ махуэм блэ быдз иригъафэрт* (Нартхэр. Бэдынокъуэ зэрапIар, 155). «Мать Бадыноко приходила в подземелье **семь раз** в день и кормила своего сына грудью». А кузнец Тлепш окунал младенца Сосруко в воду семь раз для закаливания: *Лъэныц сабийм и куэпкъыщхъитIыр Iэдэ лъэцкIэ зэцIуубыдэри, блэней псым хицIащ* (Нартхэр. Сосрыкъуэ къызэралъхуар, 29). «**Семь раз** Тлепш окунал раскаленного ребенка в воду».

На седьмой день враги принимают решение убить нартского тамаду Бадына, подав ему отравленное вино: *Мис а бжьэуэ [Бэдын] иратынум блаицхьуэжьеибл хагьэтIысхьэри ягьэхьэзыраиц* (Нартхэр. Бэдынокьуэ и адэр укIыпIэм кьызэрыришыжар, 161). «В чарку с вином, предназначенную Бадыну, заранее впустили **семь маленьких ядовитых змей**». Об опасности его предупреждает Батараз. [*Бэтэрэз Бэдын зыхуигьазэу:*] – *Иуэху кьыпкIэлъызэрахьэр фIыкьым, зэкIэ Хасэм умыкIуэ, ухэкIуэдэнкIэ шынагьуэиц. Махуиц дэкIмэ, еблэнэрей махуэм шыIэну Хасэм унэмыкIуэ* (Нартхэр. Бэдынокьуэ и адэр укIыпIэм кьызэрыришыжар, 162). «[Батараз, обращаясь к Бадыну:] – Те дела, что творят за твоей спиной, не хороши, пока не ходи на Хасу, есть опасность, что ты погибнешь. Не ходи на Хасу, которая состоится спустя шесть дней **на седьмой день**».

Особую символичность число «семь» приобретает в сказании о Тлепше и Худыме:

[Хьудымыжьым]
*Уадэр кIыщым кьыицIихаиц,
 Блэ ицIиупскIэри ициутIыищым
 Пишицэм я ицхьэицыгу нридзэиц.
 Лъэта уадэм пиэр зэIуихуу
 Iуаицхьэ ициблым ныицхьэицкIиц,
 Щыналъиблми кьикIыжиц,
 Псиблми псынцIэу кьепкIэжри
 Лъэиц и лъапэм ицIэхуэжаиц*

(Нартхэр. Лъэпщрэ Хьудымыжьэрэ зэрызэдэгьукIар, 351).

«[Худым] Вышел с молотом из кузни
 И, **семижды размахнувшись**,
 Кинул молот в поднебесье.
 Молот молнией летучей
 Снова тучи рассекает,
 Пролетев единым мигом
 Над **семьюстами холмами**.
Семь краев земли цветущих,
Семь текущих рек минуя,
 Рухнул к Тлепшевым ногам»

(Нарты. Тлепш и Худым, 341).

В сказании о том, как Сосруко женился на Бадах, число *блы* «семь» также приобретает символический характер. Можно предположить, что в данном тексте «семь» выступает как **символ преодоления трудностей и достижения благой цели**. Старец Джиляхстан, не желая выдать свою красавицу-дочь за Сосруко, наказывает ему пройти несколько испытаний. И одно из них – станцевать на семи колючих холмах. *Жэцибл-махуибл* *Кэ гуибл-гуиблурэ банэгу* *цибл* *Джылахъстэн и ицІантІэм къыдашэурэ* *Іуаицхьибл* *яцІаиц* (Нартхэр. Сосрыкьуэ Бэдэху кызыэришар, 90). «**Семь дней и семь ночей** возили слуги **по семьсот раз** на **семи арбах** колючки и выложили **семь колючих холмов**».

Число *блы* «семь» встречается в хохах-здравицах, посвященных рождению ребенка:

Фи ицІалэ цІыкІум гъаицІибл иІэну,
Махуэ жагъуэ имыІэну,
ФиІэ фІыгъуэр игъэбагъуэу,
Лыхъужь цытыкІэр и хъэлу,
Фызыхуейм хуэдэ фхуэхъуну
Сынывохъуэхъу!

(Ж.Н. Шэнгасэ. ГъаицІэмрэ сабиймрэ
ятеухуа хабзэхэр, 34).

«Чтобы у мальчика вашего было **семь** жизней,
Чтобы не было дней плохих,
Чтобы преумножал богатство ваше,
Чтобы нравом храбреца обладал,
Чтобы он стал таким, каким вы хотите его видеть!»!

2.2. Символика числа *цы* «три»

Число три представляет решение конфликта, заложенного дуализмом. Образует полукруг, заключающий в себе рождение, кульминацию и закат. С геометрической точки зрения выражается точками и треугольником. Считается естественным результатом союза единства и двойственности [235, с. 484].

Идея триединства составляет основу многих древних философских и религиозных учений. С тройкой связывают трехмерность пространства: длина – ширина – высота; трехфазность вещества: твердое тело, жидкость, пар; триединство времени: прошлое – настоящее – будущее; человека (тело, душа и дух), а также рождение, жизнь и смерть; начало, середина и конец; прошлое, настоящее и будущее; три фазы Луны; триединство Мира; во многих религиях верхний Мир – это небо, средний – земля, нижний – вода. Тройка – небесное число, символизирующее душу. Это – число удачи [246].

По мнению В.Н. Топорова, первым числом в целом ряде традиций считается число три. Оно открывает числовой ряд и квалифицируется как совершенное число. Три – не только образ абсолютного совершенства, превосходства, но и основная константа мифопоэтического макрокосма и социальной организации (включая нормы стандартного поведения) [191, с. 630].

В культурной традиции многих народов число «три» занимает центральное место. Так, С.Ю. Ключников называет русскую традицию «насквозь троичной» [95, с. 5].

Сакральная и магическая семантика числа три, по нашему представлению, кроется в мифологических представлениях о построении мира. В мифологической традиции многих народов мир имеет трехчастную структуру: небо, земля и преисподняя.

*Дунешихуэр мэхъу къатищи –
Гангэ псышхуэр щымы щожэ.
Я тклэупс закъуи зэхуэмьзэу
Зы лъэныкъуэкIэ зэдожэр*

(К.А. Зэшиблымрэ зы псыкъуиймрэ
ятеухуа индийскэ поэмэ, 496).

«Мир большой **три** слоя имеет –
Река большая Ганга протекает **на всех трех**.
Их капли, не сливаясь,
В направлении одном текут».

По В.В. Евсюкову, символика троичности в самых разнообразных проявлениях приписывается богам, героям, их поступкам, атрибутам и отчетливо связывается с моделью мира [74, с. 127].

У каждого народа есть свои особенности, свои традиции, свой менталитет. И все это находит свое отражение в национальном языке, в этикете и мифологической традиции.

С древнейших времен у адыгского народа существуют свои поверья и свои приметы, и в них немаловажную роль играют числовые компоненты. По народному убеждению, человек, увидевший девушку или женщину с длинными и красивыми волосами должен был сделать вид, что сплевывает **три раза** через левое плечо, чтобы не сглазить ее. В древние времена «обряд подвязывания красного сыра» устраивали в первые три дня после рождения ребенка.

Согласно убеждениям адыгов, в первые три дня и три ночи ребенка и его мать следовало защитить от нечистых сил, которые преследовали их, чтобы убить или искалечить. Существует еще один ритуал у адыгов, в котором данное число приобретает явный символический характер: во время отрезания пуповины бабка-повитуха обращалась к новорожденному с благопожеланиями и три раза хлопала его по лбу.

У адыгов множество примет, связанных с этим числом:

Зэи зэхамыха гуэр щызэхыхым и деж, мыпсалъэу лъэбакъуиуищ пчыну фIыищ жалэрт. «Услышав то, чего никогда раньше не слышал, хорошо молча сделать **три шага**, говорили».

Сымаджэр цэ зэкIэлъхъэпыту къепсамэ, хъужынуищ жалэрт «Если больной чихнул три раза подряд, он выздоровеет, говорили». *Сымаджэр зэкIэлъыпытэу цэ къэпсымэ мэхъужы (адыг.)*. «Если больной трижды подряд чихнет, то он выздоравливает» (Ц.Н. Адыгэ нэшанэхэр, 88).

Удз тхъэмпиуищ уи пIэщхъагъым щIэбдзрэ үжеймэ, уи насып зыхэлыыр ницIыхъэпIэу уолъагъу жалэрт. «Если перед сном под подушку положить **трехлистную траву** (клевер), то увидишь во сне своего суженого, говорили». *Хъэндыркъуакъуэр цэ къыпкIэлъыпкIэну фIыкъым жалэрт.* *ХъантIаркъор цэ къыпкIэлъыпкIэмэ шIоп (адыг.)* (Ц.Н. Адыгэ нэшанэхэр, 58). «Если тебе лягушка **три раза** вслед прыгнет, то это не к добру, говорили».

Блэрэ хъантIаркъорэ зэпызыщыжьыгъэр, ахэмэ азфагу дэкIымэ, къыдэкIыжьызы цэ тхъэм «я Алахь, сызэлээрэм Iээгъу сыфэгъэху»

Ылозэ елъэлымэ – итхьэлъэлу къыдэхъу (адыг.). «Если разнявший змею и лягушку, пройдя между ними, **трижды** попросит Всевышнего, чтобы он помог приобрести дар лечить все болезни, то его просьба исполнится» (Ц.Н. Адыгэ нэшанэхэр, 44).

Число «три» имеет ярко выраженную символическую окраску и играет немаловажную роль в фольклоре. В кабардино-черкесском языке, кроме выражений *жэщибгъу-махуибгъу* «девять ночей и девять дней» и *жэщибл-махуибл* «семь ночей и семь дней», встречается и сочетание *жэщищ-махуищ* «три ночи и три дня». Тройку можно назвать «сказочным» числом, так как встречается во многих литературных и фольклорных сказках разных народов, в том числе и у адыгов. Многократный повтор числа три в фольклорной традиции В.Я. Пропп объясняет тем, что оно было пределом, дальше которого счет долгое время не выходил. Три когда-то означало «много», а много означало то же, что и «сильно», «очень», то есть через множество означалась интенсивность. Поэтому трудность препятствия и победы, повышенный интерес к повествованию, восторг выражается через повторение числа «три» [163, с. 96].

В кабардинской фольклорной традиции, как и в фольклоре многих других народов, троичность имеет немаловажное значение. Так, в сказании о Сосруко и Еминеже герой встречается на пути к цели трех животных, которых он спасает от смерти:

Сэтэней ищIа гъуэмылэм щыщ зэрыIухуэу дыгъужьыр къызэфIэувэжри мэзым хэлъэдэжащ (Нартхэр. Сосрыкъуэрэ Емынэжърэ, 52). «Как только волк вкусил пищу, приготовленную руками мудрой Сатаней, он сразу же встал на ноги и убежал в лес».

Сосрыкъуэр ежъэри еуэм, кIуэм, лъэурэ зы бгъэжь ин гуэрэм бгъащхъуэр уафэгум ирифыщIыхъу хуэзащ. Сосрыкъуэ и шабзэр зэIуидзэри еуэщ бгъэжьми къриудыхащ (Нартхэр. Сосрыкъуэрэ Емынэжърэ, 52). «Едет-скачет Сосруко и видит, как орел терзает на небе сокола. Сосруко стрельнул из лука и сбил орла».

Сосрыкъуэр ежъэри еуэм, кIуэм, лъэурэ хы Iуфэм щынэсым толкъъуным тшахъуэм къытридзауэ щылъу зы бдээжьей гуэрэм ирихьэллащ... Сосрыкъуэм ар къищтэри псым хидзэжащ (Нартхэр. Сосрыкъуэрэ Емынэжърэ, 52). «Едет-скачет Сосруко и на берегу

моря видит рыбу, выброшенную волной на берег. Сосруко взял ее и кинул обратно в море».

Наряду с выражением *гъуэгущхьибл зэхэкЫинлэ* «перекресток семи дорог» в кабардино-черкесском языке используется и *гъуэгущхьищ зэхэкЫинлэ* «перересток трех дорог»: *Къеуэм, къальээрэ, гъуэгущхьищыр щызэхэкЫым КъуийцЫкЛу тесыхэти хуэзащ* [Сосрыкъуэ] (Нартхэр. Сосрыкъуэ Бэдэху кызыэришар, 86). «Едет-скачет Сосруко, и **на перекрестке трех дорог** встречает Куйцука».

В кабардино-черкесском языке, в частности в языке кабардинского фольклора, число *щы* «три» используется для выражения:

1. Количественных отношений:

а) выражение действующих лиц, персонажей и т.д. В нартском эпосе три брата сравниваются с мечом: [*Лъэщц:*] **Зэшищцджатищым** *къыфнэхъун щымылэу дунейм фытетынклэ сыфхуохъуахъуэ!* (Нартхэр. Сосрыкъуэ и джатэмрэ и шымрэ, 33). «[Тлепш:] Желаю **трем братьям-мечам**, чтобы вы долго жили на Земле и не было вам равных». В фольклорных произведениях встречаются три брата – великана: **Иныжь зэшищыр** *адрей унэм кЛуэри шхын хъэзыру щылэр зырикл къамыгъанэу яшхашц* (Нартхэр. Шужьейрэ Бэдынокъуэрэ, 228). «**Три брата-великана** пошли в другой дом и съели все, что было приготовлено, ничего не оставив». Для кабардинского фольклора характерно частое использование выражения *хъыджэбзищ* «три девицы». Именно такое количество девушек требует дракон для того, чтобы он пустил воду, или три девицы находятся в плену у злого, отрицательного героя, обычно великана, их обычно спасает положительный фольклорный герой: *Лъагъуэм теуэри Батыр кЛуэурэ зы бжэ хуэзащ. Бжэр Луихрэ щыщЫхъэм, хъыджэбз дахищ* – *зыр гъыуэ, зыр дыхъэшхыу, ещанэм уэрэд жилэу щлэст. Батыр щалъагъум къыщылъэтри зыкърадзащ. – Алыль-алыхъ, мыбы зы емынэ гуэр щлэсци укъелынкъым, уишхынищ, жалащ хъыджэбзхэм* (Ж.Н. Шэнгъасэ. Мыщэ и къуэ Батыр, 130). «Батыр ступил на тропу, и пошел по ней, и увидел дверь. Открыв эту дверь и вступив в комнату, Батыр увидел **трех девушек-красавиц** – одна плакала, одна смеялась, другая пела песню. Увидев Батыра, они бросились к нему: – О боже, зачем ты

сюда пришел, тут одно чудовище, ты от него не спасешься, он тебя съест, – сказали девушки».

Чудесными волшебными свойствами обладают также **три голубки-девицы**, прилетающие к золотому дереву нартов:

*ШЦым вагъуэбэр щыхыхъэжым,
МащIэу нэхулъэм щызэщIичым,
Нартхэ, гуцэ, я жыгъжъым
Тхъэрыкъуици къыпотIысхъэ*

(Нартхэр. Нартхэ я дыщэ жыгыр, 357).

«И на исходе ночи,
Лишь облака посветлели,–
К дереву золотому
Три голубки прилетели»

(Нарты. Золотое дерево, 351).

б) количества врагов фольклорного героя: *биищ* «три врага».

– Уий, си анэу Сэтэней,
Абы щхъэкIэ умыдзыхэ,
Бий нэмыдзыхэу Нарт Хасэм
Шцы фIэкIа къахэмыкIамэ,
Ар си дежкIэ куэдыщэкъым

(Нартхэр. Сосрыкъуэ Нарт Хасэм
япэ зэрыкIуауэ щытар, 62).

« – Уой, моя матушка Сатаней,
Не переживай из-за этого.
Коли в нартской Хасе
Врагов только **трое** у меня,
Это для меня не так много».

в) количества еды фольклорного героя: *мэл шиэрищ* «три жирных барана»: *Нарт Бэдынокъуэ мэл шиэрищыр ишхри и лэп-сыр трифыхъыжащ* (Нартхэр. Нарт Бэдынокъуэрэ иныжъымрэ, 196). «Нарт Бэдыноко съел **три жирных барана** и выпил весь бульон». [Иныжъым:] *Мэл гуартэм фыхыхъи нэхъ шиэру, нэхъ инуцы къыхэфш, зэIыфхи вгъавэ* (Нартхэр. Нарт Бэдынокъуэрэ ины-

жьымрэ, 193). «[Великан:] Среди стада овец выберите **три по-больше и пожирнее**, разделайте и сварите их».

2. Меры наказания: *фэлъыриц кьыдэхын*: лексема *фэлъыр* в современном кабардино-черкесском языке означает полоску, шириной в ладонь, сыромятной кожи крупного рогатого скота, из которой изготавливают кожаные веревки; следует также отметить, что выражение *фэлъыр* и *щIыбым ихын* в кабардино-черкесском языке используется в значении «подвергнуть наказанию». Следовательно, можно предположить, что наличие числового элемента *щы* «три» выполняет функцию усиления меры наказания: *фэлъыриц* и *щIыбым дэхын* [букв.: «снять с кожи спины три полоски»:] – *ЖысIэр исори укъэмыгубжьу пицIэмэ, зыв уэстыници узутIыпщыжыниц, укъэгубжьрэ, уи щIыбым фэлъыриц кьыдэхыници узутIыпщыжыниц* (Нартхэр. КъуийцIыкIу иныжьым зэрыхуэлэжьар, 347). «Если ты будешь выполнять послушно все, что я скажу, и не разозлишься, дам тебе одного быка и отпущу. А коль разозлишься, сниму с твоей кожи спины **три полоски**».

3. Продолжительности действия: пути, сна, испытания, игрища: *мазиц гъуэгунэ* «путь трехмесячный», *жэциц-махуиц* «три ночи-три дня» и т.д.

*Мазииц гъуэгунэр шхынынишэц,
Мазииц гъуэгунэр пкIуфамэ,
Благъуэм и унэр уи Iэгъуэц*

(Нартхэр. Ашэмэз и бжьамийр кьызэригъуэтыжар, 276).

«**Путь трехмесячный** – путь без еды,
Путь трехмесячный сможешь пройти,
До логова Дракона сможешь дойти»

Батэрэз жэциц-махуицкIэ жейуэ Iуащхьэм телъац (Нартхэр. Нарт Батэрээрэ Дамызэпщым и къуэмрэ, 328). «Батараз в течение **трех ночей и трех дней** спал на этой горе».

– *Сэ шы зэстыр, – жиIац фызыжь цIыкIум, жэцицкIэ мы си шыбз пльагъу кьолмыр хэзыгъэпщыфыриц* (Нартхэр. Сосрыкъуэрэ

Емынэжърэ, 53). «Я даю коня тем, – сказала старуха, – кому в течение **трех ночей** удается пасти моих кобыл».

[ФуIэд:] *Сыщынсыжам си дадэжъым гъэлъэхъу пшэр схуиукIамэ, си нанэжъым ху махъсымэ чейр жъэгу пащхъэм щимыгъэлуцэщамэ, си ныбжъэгъу щIалэхэмрэ пщэцэхэмрэ **жэщыщ-махуиц** джэгур схуамыщIамэ* (О.А. ЗэкIуэцIыль-улъия, 188). «[Фуад:] Когда я прибыл домой, мой старый дед зарезал [в мою честь] жирного барана, моя старая бабушка у очага разливала просяное пиво, а мои друзья – парни и девушки – устроили праздничное гуляние на **трое суток**».

4. Измерения размера, расстояния: *фоч уэгъуиц//шхончыо макъиц* «три ружейных выстрела»: [ГъучIыпсэ:] *КъэуцунIэ уеблэгъагъэу гъогум шыр псы щемыгъашъу, ебгъашъо зыхъуцтыр, **шхончыо макъиц** нахъ мымакIэу пкIужъынэу щытмэ ары, – шыр псы ештогъэ уж зэкIэплъэжъын ылъэкIынэу (адыг.)* (К.Т. Шапсыгъэ пшгъашъ, 388). «Когда ты уже близок к тому месту, куда собрался, не нужно поить коня, нужно напоить коня после того, как ты прошел расстояние, равное **«трем выстрелам ружья»**, чтобы после того, как он выпил воду, у него была возможность разогреться».

Теуэгъуиц. Лексема *теуэгъуэ* в кабардино-черкесском языке используется для выражения расстояния, которое всадник может пройти без отдыха. А употребление числа три, как и в предыдущем примере, усиливает, гиперболизирует значение.

[Сосрыкъуэ:] *Къызэлъэпауэри, уей-уей,
ТеуэгъуицIэ сыхыфIухуэц,
Ди жылэбгъум сыкъидзыжц*

(Нартхэр. Сосрыкъуэрэ Тотрэщрэ, 104).

«[Сосруко:] Пнул меня ногой – уой-уой,
Кинул в три прохода
И добросил до окраин нашего аула».

Iэпхъуамбиц/Iэхъомбиц «расстояние, равное ширине трех пальцев».

*Ыпшъэ пшъэ зэкIужъэу бланаш; ыпхэкI хъаIу хъураеу зэщиз; ыко лытцIэхэр бэнэко шIыкIэу, бжымым фэдэу хъурае мытIырэу голъых; игъобзыкIэ бгъуэз дыд, **Iэхъомбици** дэфэцтэп, цIыфмэ зэраIоу, –*

цэгэнэлээ лыерэ *КlоКlэ* лыерэ хэлб (Кl.Т. Шапсыгъя пшгашгь, 377).
«Шея аккуратная, словно у лани, седалище полное, икры кру-
тые, пах узок, и **трех пальцев** не будет в ширину, как говорят в
народе, – есть у него лишнее ребро и избыток сил».

5. Особенности этикета:

*Зауэм япэ хыхьэгъуэм
Бий бжыкIищыр яубыд,
Хасэм япэ хыхьэгъуэм
Санэху бжыищыр кьыIах*

(Нартхэр. Сосрыкъяуэ Нарт Хасэм
япэ зэрыкIуауэ щатар, 66).

«Тот, кто в первый раз идет в бой,
Берет **три штыка** врага,
Тот, кто в первый раз идет на Хасу,
Берет **три бокала** белого вина».

*Испыхэм я деж хабзэу щызыкIуэрт хьэщIэу я унагъуэм кьыхьар
жэцищ-махуищкIэ имысынкIэ Iэмал имыIэу* (Нартхэр. Нарт Хьы-
мышц, 290). «У испов был обычай таков: если гость зашел в дом,
он должен гостить там в течение **трех ночей и трех дней**». *Лы
нахьыжьищыр* кьыпэгъокIи, *Ерстэм нахьыжъ тIысынIэмкIэ да-
щягъ* (Кl.Т. Шыу закъяу, 89). «**Трое старших** мужчин встретили
Ерстема и провели на почетное место». Также можно вспомнить
про хьэлу *Iэпищ* или *вэрэвыж Iэпищ* «чурек с тремя пальцами». Раньше адыги после выздоровления ребенка от оспы готовили
ему кукурузные лепешки с отметками трех пальцев и раздава-
ли соседям, что являлось сигналом выздоровления их ребенка
и безопасности заражения соседских детей, если они придут
играть к ним [242, с. 13].

6. Религиозных убеждений: [*Ерстэм:*] – *Ар Суандэмэ, джырэ
нэс, о зыгорэ кьыкIэмыIуагъэр да?! – губжыгъэу текууагъ Ерстэм.*
[*Батым:*] – *Сыфитыгъэп, тхьэлъэнэ щэ щIыгъо сигъэшIыгъагъ*
(Кl.Т. Шыу закъяу, 268). «[Ерстем:] – Если это Суанд, почему ты
до сих пор ничего не говорил, – ругался Ерстам. Батым: Не имел
права, она заставила меня **поклониться три раза**».

Мясо жертвенного животного во время Курбан Байрам принято разделять на три части: одну часть – для гостей дома, вторая часть – для соседей и родственников, третья часть – остается в семье. Как уже отмечалось выше, многие религиозные обряды продолжаются в течение трех дней.

7. Кратности действия: Герои нарты для достижения цели наносят своим коням три удара: *Сэтэней гуаиц кьыжриИам тету, Уэзырмэс и шы пэхужьыр ээцИиггэплъаиц, ицЮпиц ицэ уэгъуэр ирихри жьым хуэдэу псыницЮу уафэгум ирихъаиц* (Нартхэр. Уэзырмэс нартхэр гьаблэм кьызэрыриггэлар, 368). «Как было подсказано мудрой Сатаней, Озермес нанес своему альпу [коню] **три удара**, и тот, словно ветер, донес его до облаков».

*Жыр ээфЮту кьотэдэж Бэдынокъуэр,
Кьыбггэдэт нартыжъхэм яжреЮэ
Мы ицЮи иным зыкъу гуэр илатэм,
КьэсЮтынти ицэ зггэкЮэрэхъуэнт!*

(Нартхэр. Ашэмэз и бжьамийр кьызэриггэуэтыжар, 278).

«Статно, словно сталь, встает Бадыноко
[и] рядом стоящим нартам говорит:
Коль у Земли большой была бы ручка,
Взял да **покрутил бы раза три**».

Три желания, являются характерной чертой многих сказок и литературных произведений. В кабардино-черкесском языке это находит отражение в форме выражений *ицэ лъэЮуэгъуэ* «трехкратная просьба», и *узыхуэныкьуиц* «три вещи в которых [ты] нуждаешься»: [Благъуэм:] *ИкЮэм сишхыным нэсауэ, кьэгугъи симыЮэжу, уэ ськьипхаици, сэ уэ ицэ лъэЮуэгъуэ сьит ицЮыскЮэ укьызэльЮуми, пхуэсицЮэниц* (Нартхэр. КьуйицЮыкЮу благъуэр зэриггэкЮуэдар, 456). «[Дракон:] Под конец, когда у меня не осталось никакой надежды, ты меня спас от смерти, и я исполню любые твои три желания». [Лыжь ицЮыкЮум:] – *Сигу урихъаиц уэ, си ицЮалэ. Уи ицэныфЮаггэм, уи ицЮыхуггэм, уи ницЮантЮэпс хьэлэлкЮэ узэрыпсэум я хьэтыркЮэ фЮыгъуэ гуэр пхуэсицЮэмэ си гуанэици, нэхъ **узыхуэ-***

ныкбъуиц я *цІэ кбиІуи сынотэниц* (К.Т. 1. ШІалэр нэхъ зыхуэ-ныкбъуэр, 394). «[Старик:] – Ты мне понравился, парень. Из-за твоей воспитанности, человечности, добросовестного труда, рад буду сделать тебе что-то приятное, **назови мне три вещи**, в которых ты нуждаешься, я тебе подарю».

В сказке о Каральбий и Тенгизбий главный герой достигает своей цели только на третий день. *Цыхухэр махуиц-жэцицкІэ а бдзэжьейм ещауэ ещанэрей пицыхъэцхъэм пшапэр зэхэуауэ дунейр игъэнэхуу тенджыз щІыІум зыгуэр кбьдрихъеяц. Ар Къэралбийм дыщэ бдзэжьейр кбиубыдауэ арат* (Ад. Іу. І. КъэралбийрэТенджызбийрэ, 323). «Люди три дня и три ночи не могли поймать рыбку, но **на третий день**, ближе к вечеру, на море всплыло что-то сверкающее. Это Каральбий поймал золотую рыбку».

Анализ языкового материала дает основание говорить о том, что троичность действия символизирует сложность достижения победы или цели.

2.3. Символика числа *бгъу* «девять»

Число девять соответствует завершенному образу трех миров. Конец нумерованных серий до их возвращения к общности. Для евреев – символ правды, характеризуемый тем фактом, что когда число умножается, то само себя воспроизводит. В целебных обрядах – символическое число по определению, поскольку представляет тройной синтез, то есть расположение на каждой плоскости телесного интеллектуального и духовного [235, с. 485]. Р.А. Симонов говорит о существовании древнерусского счета девяностами и девятками. И выделяет две сферы применения: торговый счет и бытовой счет [171, с. 95]. По мнению, С.Ю. Ключникова, число девять весьма часто встречается в русской традиции. По его замечанию, согласно русским преданиям, медведь выползает из берлоги девятого марта [95, с. 6].

По частотности употребления в кабардинском нартском эпосе и в сказках число *бгъу* «девять» уступает и числу *блы* «семь», и

числу *щы* «три». Однако следует отметить, что для языка обрядовой поэзии данное число является одним из самых характерных.

Языковая картина мира и своеобразное национальное мышление адыгов отражается в особенности в жанрах устного народного творчества, поскольку именно язык произведений фольклора сохранил в себе всю красоту и самобытность родного языка.

У адыгов, как у многих других народов мира, в древности существовала развитая система обрядов, обрядовых действий и игр, связанных с трудовыми процессами сельскохозяйственного года и другими знаменательными событиями.

Особую значимость в отражении менталитета адыгов имеет и обрядовая поэзия, уходящая своими корнями в глубокую древность и тесно связанная с религиозно-мифологическими представлениями мира. Здравицы имели важное значение и отражали многие стороны древних представлений о мире, природе и обществе. Язык и структура здравиц отличается большим своеобразием. Чтобы язык таких произведений фольклора приобрел особый магический стиль, их, как правило, исполняли величественно и только образной поэтической речью. Именно с этим связано употребление в здравицах большого количества сравнений, метафор и эпитетов:

*Фом хуэдэу IэфIу,
МафIэм хуэдэу гуапэу,
Мэл хуэдэу Iущабэу,
ХьэфI хуэдэу Iумахуэу,
ШыфIым хуэдэу цIэрыIуэу,
Къызэрыхьа унагъуэм ищIыхь [нысащIэр]!*

(Ад. хьу. Iэнэгу, нысащэ,
щэуэишыж хьуэхьухэр, 101).

«Чтобы невестка в новой семье была
Сладкой, словно мед,
Сердечной, словно огонь,
Сладкоречивой, словно ягненок,
Удачливой, словно хорошая собака,
Знаменитой, словно хороший конь».

По мнению М.И. Мижаева, назначение обрядовой поэзии – воздействовать на те или иные явления мира (действительные или воображаемые), от которых, по представлениям адыгов, зависит жизненное благополучие [141, с. 48]. Хохи, связанные с земледельческим календарем, по-видимому, являются наиболее древним жанром, а впоследствии возникли и так называемые бытовые хохи и здравицы, связанные с другими знаменательными событиями: рождением ребенка, построением нового дома, и свадебными обрядами. В основе всех здравиц лежит вера в магическую силу слова и некоторых предметов.

Магический смысл вкладывается в лемех – *Вабдзэ махуэ тетлхьэну* «чтобы счастливым оказался лемех», в сталь – *Жыр махуэ дыхуэзауэ* «чтобы удачной оказалась сталь».

Особым магическим, сакральным и символическим смыслом наделены числовые компоненты, которые одновременно служат и средством гиперболизации.

Легко заметить, что особую символическую значимость в языке адыгских хохов приобретает число *бгьу* «девять», которое неоднократно встречается в хохах-заклинаниях и хохах-пожеланиях.

Весной перед выходом на пахоту адыги устраивали увеселенье, которое сопровождалось танцами, скачками, играми-состязаниями. При этом просили Бога о хорошем урожае:

*Зэ кГыцтэгьуэр ху гуибгьуу,
Тгэу кГыцтэгьуэр гу нцлейуэ,
Ху гьуэжь гүэнибгьу зэбгьурыту,
Яку дэт ху гьуэжь гүэным
Къеццэха-неццэхахэм
Нысаиэ гушыгэ хэтигьыгьу
Дунейм фГыкIэ дьтегьэт!*

(Ад. хьу. ВакГуэдэжI хьуэхьухэр, 31).

«Чтобы одно веяние давало **девять** повозок проса,
Чтобы два веяния давали восемьдесят повозок проса,
Чтобы **девять** амбаров стоящих в ряд было,
Чтобы с остатков стоящего в середине амбара с желтым просом
Устраивали свадебные увеселения».

Число *бгъу* «девять» обладает явным сакральным, магическим характером у многих народов Кавказа. Данное число широко применялось в различных видах гадания. В далеком прошлом люди были убеждены в том, что можно увидеть, более того, предугадать будущее. Наряду с гадалщиками на бараньей лопатке существовали и гадалщицы на бобах. И для такого вида гадания необходимо было наличие девяти бобов. Подтверждение этому обнаруживается в афористическом пласте абазинского языка: *ЛыжквъыдкІ аналыцІра лан дылчІвыуаштІ*. «Она будет оплакивать свою мать (только) тогда, когда **ее девять гадальных бобов** лягут правильно (т.е. будет оплакивать мать, переделав все свои дела) (Посл. и погов., 198).

Число *бгъу* «девять» играло большую роль в числовой мистике, особенно у народов, которые пользовались лунным календарем. Они считали, что третья часть месяца равна девяти дням.

Для хохов, имеющих явное магическое направление, характерно наличие этого числа:

*Зы ху самэр
Ху гуибгъуу,
Хъэм нэзыр гуигъэзу,
Хъэм нэзыр гуиуду,
Шэджыжьибгъур
Бгъуэрыбгъуэ ткІыщтэу,
ЯкІыщтар трашу,
УзынишагъэкІэ къетхъэлІэжыну
Сохъуахъуэ!*

(Ад. хъу. ВакІуэдэкІ хъуэхъухэр, 33).

«Чтобы в одном ворохе проса было **девять** повозок,
Края токов чтобы расширлял,
Края токов чтобы отбивал,
Чтобы **девять** стогов по **девять раз** нами было провеяно,
И чтобы в добром здравии
Мы собирали наш урожай».

Число *бгъу* «девять» присутствует также в здравицах, посвященных и другим знаменательным событиям:

Мы унагъуэр
Унагъуэ махуэу,
Вагъуэм хуэдизыр я мэлү,
Гуэлым хуэдизыр я гъэшү,
Шэрхъым хуэдизыр кхъуейуэ,
Фызибгъум шатэр зэхащIэу,
ФызищIгым кхъуейр яхузу
Гъэ минкIэ гъэпсэу!

(Ад. хъу. Iэнэгү, нысашгэ,
щауэишыж хъуэхъухэр, 89–90).

«Чтобы семья эта
Счастливой была,
Чтобы овец у них было столько,
Сколько звезд на небе,
Чтобы молока у них было столько,
Сколько воды в озере,
Чтобы **девять** женщин сметану перемешивали,
Чтобы десять женщин сыр выжимали,
И чтобы жизнь такая продолжалась **тысячу** лет».

Выражение *фызибгъу* «девять женщин» часто встречается в адыгских здравицах. Наряду с этим немаловажное место занимает и *щауибгъу* «девять юношей»:

Щауибгъу я хухъэ-псыхъэу
Гъэ минкIэ гъэпсэу

«Чтобы в услужении у них было
Девять юношей и так они жили тысячу лет».

Число *бгъу* «девять» в языке произведений фольклора употребляется в следующих случаях:

Как и выше перечисленные числа, *бгъу* «девять» используется для выражения количественных отношений. Для языка произведений фольклора употребительным является выражение *зэгъунэгъуибгъу* «девять соседей»:

– Уа джэду, улъэщ-улъэщ?

– Ахъаими сълъэщ, сымылъэщмэ, *зэгъунэгъуибгъум* я шэ *пэгүнибгъур* изофри, *унэгүащэм* и *дарий щхъэнтэм* зызгъэбжьыфIэу сь-

теси (Ад.Іу. Зы зимыІэм выжытІ иІэт, 170). «– Эй кот, ты сильный-сильный? – Конечно, сильный, если не был сильным, пил бы я **девять** ведер молока **девяти** соседей и сидел бы на шелковой подушке хозяйюшки».

В тот день, когда Сосруко в первый раз пришел на Хасу, ему девять великанов накрывают на девять столов:

*Щыхъ тІысынІэр кЪратри,
Лыхъужьыбжьэр хуаІэт.
Иныжьибгъур кЪызэдэфэу,
Нарт Іэнибгъур хуаухуэ*

(Нартхэр. Сосрыкъуэ Нарт Хасэм
япэу зэрыкгуар, 73).

«Провожают его на почетное место,
Поднимают в честь него бокал мужества
Девять великанов, танцую друг с другом,
Накрывают на **девять нартских столов**».

В адыгской языковой картине мира число *бгъу* «девять» присутствует также в поверьях и суевериях, связанных с рождением ребенка. В сказании о рождении Сосруко есть следующие строки: *А жьэгум дэльащ мывэр махуибгъурэ мазибгъукІэ. Мывэр инышхуэ хъуат, къавэрт, плъыжь хъуауэ жьэражъэт* (Нартхэр. Сосрыкъуэ къызэралъхуар, 28). «Камень пролежал в очаге **девять** дней и **девять** месяцев. За это время он стал намного больше и горячее». Также выражение *жэцибгъу-махуибгъу* «девять ночей и девять дней» присутствует в сказании о рождении Бадыноко: *ЩхьэлъащІэуэсыр Бэдынхэ зэрыкІуэрэ жэцибгъу-махуибгъу щрикъум, – Бэдын и фызыр лъхуэри щІалэ къиллхуащ, – желэри ЩхьэлъащІэуэс Лъэбыцэжьейм хъыбар къригъэщІащ* (Нартхэр. Бэдынокъуэ зэрапІар, 152). «В тот день, когда прошло **девять ночей и девять дней** с того момента, как Шхалалышауас гостила у Бадына, она сообщила Тлябицажею, что супруга Бадына родила мальчика».

Число *бгъу* «девять» в кабардино-черкесском языке используется для выражения размера предмета: *Ужьафэ хуэдизу щыта*

чысэ *цЫкІур домбеяфибгъу хуэдизу зэЫкІащ* (Нартхэр. Мэлычпхъу и дыщэ чысэ, 400). «Кисет, подобный шкурке ласки, разошелся, словно **шкура девяти зубров**».

Число *бгъу* «девять» часто встречается в числовых текстах, построенных в форме игры слов. Функциональная направленность этих текстов, как правило («испытание»), свидетельствует об их архаичности. В них описывается встреча с великаном, лесным человеком, шайтаном, которые в качестве условия освобождения человека ставят правильное воспроизведение числового текста [102, с. 104].

Так, в тексте «Куйцук и Шайтан» наблюдается неоднократное повторение числа *бгъу* «девять». Возвращаясь домой с сенокоса, Куйцук встречается Шайтана и спрашивает его о последних новостях и т.д. «...» *Хъыбары цыІэкъым, шэмэджибгъу дызэдеуэри зы аргъуеижъ къэдукІауэ аращ. – Аргъуей цЫкІуу къыщІэкІынт, КъуийцЫкІу? – жиІащ ШейтІаным. – ЦЫкІу-мыцЫкІуми, абы лыуэ къыкІам и ныкъуэр хъибгъум яхуэшхакъым, – жиІащ КъуийцЫкІу. – Ахэр хъэпшыру къыщІэкІынт!-Хъэпшыр-мыхъэпшырми, абыхэм ящыщ дэтхэнэ зыми цЫлъэм щыту уафэм щыуфэразэ бгъэшхуэр къиубыдырт. – Ар бгъэ шыр мылъэтэф хъунт? – жиІэри ШейтІаныр къэгубжьащ. – ЦЫкІу-мыцЫкІми апхуэдэ зы бгъэм и зы дамэ лъэныкъуэр унибгъум унащхэ яхуэхъунт – жиІащ КъуийцЫкІу. – Ахэр унэ цЫкІу къыщІэкІынт, КъуийцЫкІу? – жиІащ ШейтІаным губжьауэ. – ЦЫкІу-мыцЫкІуми, ШейтІан цЫкІу, унэ къэс махъшэ бгъурыбгъу щІэхуэрт, абы щыгъуэми хуиты я клапэмкІэ щызэбэдзауэу, – жиІэри КъуийцЫкІу дыхъэшхащ. – Уи гуэбэнэчыжьыр гъуанибгъуиц, КъуийцЫкІу! – жиІащ ШейтІаным, афІэкІа хуэмьшэчыжу. – Ар цы Іуданибгъу къыхэхуащи аращ, – жиІащ КъуийцЫкІу (Ж.Н. Щэнгъасэ. КъуийцЫкІурэ ШейтІанымрэ, 110–111).*

«Да нет никаких новостей, просто **девятью косами** ударили и смогли убить одного комара. – Видимо, комар был маленьким, Куйцук, – сказал Шайтан. – Маленький не маленький, однако даже половину его мяса не смогли съесть **девять собак**, – сказал Куйцук. – Видимо, это были щенки! – Щенки не щенки, однако

каждая из этих собак, будучи на земле, могла поймать большого орла, кружащегося на небе. – Видимо, это был орленок, не умевший летать, – разозлился Шайтан. – Орленок не орленок, однако крыло одного такого орла могло быть крышей для **девяти домов**, – сказал Куйцук. – Видимо, это были маленькие домишки, – сказал разгневанный Шайтан. – Маленькие не маленькие, Шайтан маленький, в каждом из этих **девяти домов** помещалось **по девять** верблюдов, при этом они могли без стеснения отгонять мух своими хвостами, – сказал Куйцук и рассмеялся. – Твой гобанек* с **девятью** дырами, – сказал Шайтан на исходе терпения. – Это потому, что из нее выпало **девять шерстяных нитей**, – сказал Куйцук».

Анализ числовых текстов дает основания для утверждения того, что в архаичных культурах число и счет были сакрализованными средствами ориентации и космизации вселенной. С их помощью, когда это было нужно, репродуцировалась структура космоса и правила ориентации в нем человека [191, с. 631].

Можно предположить, что в адыгской лингвокультуре число *бгъу* «девять» выступает **символом изобилия и достатка**, то есть выступает в значении «много».

2.4. Символика числа *тщыкIутI* «двенадцать»

В мировой культуре число двенадцать олицетворяет космический порядок. Это число знаков зодиака и месяцев в году. Двенадцать часов дня и ночи. Двенадцать плодов на Космическом Древе. Эта цифра встречается в ведической, китайской, языческой и европейской символике: двенадцать членов в совете Далай-Ламы, двенадцать паладинов (пэров) Карла Великого, двенадцать рыцарей Круглого Стола [246].

Символика числа двенадцать уходит корнями в глубокую древность, поскольку это число считалось священным практически во всех культурах, мира. В основе тех систем, которые основываются на числе двенадцать, лежит символизм зодиака, то

* Гобанек (гуэбэнэч) – верхняя одежда из войлока.

есть деление солнечного года на двенадцать частей [235, с. 137]. Многие народы пользовались двенадцатиричной системой летоисчисления. По предположению Н.Л. Жуковской, календарный цикл, состоящий из двенадцати лет, связан с периодичностью изменения солнечной активности и соответствие солнечного года двенадцати лунным месяцам – это явление астрономического порядка, замеченное в глубокой древности. Таким образом, автор приходит к выводу, что двенадцатикратное членение – это членение, присущее важнейшим явлениям природно-космического характера [79, с. 146]. В культуре адыгов тоже известен двенадцатилетний животный цикл летоисчисления, называемый жыл.

Но, пожалуй, самое популярное использование числа *пщыкIутI* «двенадцать» в кабардино-черкесском языке – это сочетание *Иэкълъэпкъ пщыкIутI* «двенадцать частей тела». О молодом человеке говорят *и Иэкълъэпкъ пщыкIутIыр зэрыубыдакъым* [букв.: его **двенадцать частей тела** еще не скрепились]. Несмотря на внешнюю ясность и определенность, вопрос о составе двенадцати частей тела вызывает немало споров. В специальной литературе существует несколько версий происхождения выражения «двенадцать частей тела». По мнению кандидата медицинских наук Х. Кешокова, в состав двенадцати частей тела входят:

1. *Щхъэ* голова
2. *Нэхэр* глаза
3. *ТхъэкIумэхэр* уши
4. *Жьэпэпкъыр* носоглотка
5. *Иэхэр* руки
6. *Лъакъуэхэр* ноги
7. *Тхыр* позвоночник
8. *КIуэцIыр* желудочно-кишечный тракт
9. *ТхъэмщIыгъур* печень
10. *Чэр* селезенки
11. *Жьэжьейр* почки
12. *Гьутхъэпсыр зэрыкIуэ гъуэгур* мочеполовая система [115, с. 8].

Однако, по справедливому замечанию М.Л. Карданова, не ясно, почему, беря в отдельности *чэ* «селезенку», *тхьэмщIыгъу* «печень», *жъэжьей* «почки», автор приводит собирательное, а не конкретное название – *кIуэцI*, ведь *кIуэцI* переводится как «внутренности». В результате своих исследований М.Л. Карданов приходит к выводу о том, что понятие *Іэпкълъэпкъ пицыкIутI* «двенадцать частей тела» вошло в язык от способа разделяния туши парнокопытного животного на *Іыхъ пицыкIутI* «двенадцать частей» и не имеет никакого отношения к внутренним органам [87, с. 15–18].

В.В. Евсюков связывает существование данного выражения со средневековой мистикой, оказавшей влияние на ряд естественных наук, особенно на астрономию и медицину. По предположению автора, на основании концепции тождества макро-и микрокосма выросла так называемая астрономическая медицина, делившая все человеческое тело с головы до ног в соответствии с двенадцатью зодиакальными созвездиями [74, с. 98].

Особую символичность число *пицыкIутI* «двенадцать» приобретает в загадке о календарном годе: *зы жыгым къудамэу пицыкIутI гуэтиц, къудамэ къэс тхьэмнэ ицэцI пытиц. А тхьэмпэхэм зы лъэныкъуэр хужыц, зы лъэныкъуэр хужыц, зы лъэныкъуэр фIыцIэц (илъэс, мазэ, жэц махуэ)*. «На одном дереве **двенадцать** ветвей, а на каждой ветви по **тридцать** листьев, одна сторона этих листьев белая, другая черная (год, месяц, день ночь)». *Нэрынэ – нэрынэ, нэрынэ пицыкIутI – къуажэ пицыкIутI къызэптами уьэзмытын*. «Капельки, капельки, капелек **двенадцать**, даже если **отдашь двенадцать** селений – не отдам».

В языке произведений нартского эпоса число *пицыкIутI* «двенадцать» относится к наименее употребительным числам, однако можно указать следующие примеры употребления данного числа:

1. Количественная характеристика: *Уэ букIа иныжьхэр нэхъыцIэ зэи пицыкIутIырац* (Нартхэр. ХьэщIэмрэ Щэуейрэ, 521). «Те великаны, которых ты убил, это младшие **двенадцать из братьев**».

Как выражение количества голов мифических существ, великанов: *Иныжьыр зэрехуэхыу, ХакIуэ кьарэжьым аргуэру игъазери кIуэжащ, куэд дэмыкIыу аргуэру кьсыжащ нэхъ Iеижу хьуанэ-цIанэу зы иныжь ицхэ ицыкIутIыр зэщIэгуауэу фIэту тесу* (Нартхэр. ХьэщIэмрэ Щэуейрэ, 521). «Как только с коня рухнул иныж, вороной жеребец умчался обратно и тотчас вернулся с другим великаном, и все его **двенадцать голов** разом издавали большой гул брани».

2. Выражение размера предмета. В нартском эпосе упоминается дивное дерево, чей ствол равен двенадцати кулям (маховым саженям):

*Ар жыг икъы задэщ,
Лъэдийуэ иIэр икъукIэ батэщ
Къулаш ицыкIутIыр кьекIуэкI кьудейщ*
(Нартхэр. Ашэмэз и бжьамийр
кьызэригъуэтыжар, 276).

«Это крутое дерево,
Ствол у него объемистый
Двенадцатью маховыми саженями едва можно его обхватить»

2.5. Символика числа и «восемь»

«Восемь» – число вновь обретенного рая, а также возобновления, восстановления, счастья. Восьмой день породил нового, совершенного человека. После семи дней поста и покаяния на восьмой наступает духовное обновление. У пифагорейцев восемь означает трехмерность и стабильность. В шумеро-семитской традиции восемь – магическое число Неба. У буддистов восьмерка – это полнота, совокупность всех возможностей. Восемь символов доброго предзнаменования. У китайцев она означает целое, все возможности в проявленном виде, удачу. В Египте восемь – число Тота. В исламе престол, управляющий миром, поддерживают восемь ангелов, соответствующих восьми направлениям и восьми группам букв арабского алфавита [246].

В кабардино-черкесском языке и адыгской мифологической традиции число *и* «восемь» по употребительности уступает всем выше перечисленным числам. Основная символическая и функциональная значимость этого числа заключается в его употреблении как важной составной части традиционного мужского костюма. Слово *хъэзыр* в кабардино-черкесском языке переводится как «готовый» и является важнейшим атрибутом адыгской черкески, их общее количество равно шестнадцати: по восемь с правой и с левой стороны. При этом важно заметить, что заряженные патроны размещались в двенадцати (по шесть с правой и с левой стороны), а в остальных размещались предметы первой необходимости.

В ходе исследования нами обнаружено небольшое количество лексем с числовым компонентом *и* «восемь». Нельзя оставить без внимания тот факт, что в кабардино-черкесском языке, в частности в фольклоре, большей употребительностью отличается не столько число *и* «восемь», сколько производные числа типа *пщыкIуий* «восемнадцать», *щий* «восемьсот», *щэрэ пщIейрэ* «сто восемьдесят». В языке художественных и фольклорных произведений число *и* «восемь» и производные от него числительные используется для выражения количественных отношений: *Нартхэм я гьукIэжь Дэбэч кьуэ пщыкIуий иIэт* (Нартхэр. Къанж физ кьызэришар, 471). «У кузнеца нартов Дебека было **восемнадцать сыновей**». – *Дэ зэшыпхъу пщыкIуий дгъуэтыну кьыщIэкIынукъым, апхуэдэу щыщыткIэ, мы зэшыпхъу пщыкIублыр блэдвыгъэгъэкIыу кьэдвгъаши девгъэжьэж* (Нартхэр. Къанж физ кьызэришар, 472). «Видимо, мы не сможем найти **восемнадцать сестер**, раз так, давайте жениться на этих семнадцати сестрах».

*Унэ небэкъебэщ,
ЩIэсэн бэуэ щIэтщ.
Зы щIэсэнү щIэтър
Вийм кьызэралъэфиц*

(Нартхэр. Бэдынокъуэ и пшыналъэ, 175).

«Дом неустойчивый
С множеством опор,
Одну опору дома
Только **восемь волов** смогут потянуть».

В кабардино-черкесском языке число *ций* «восемьсот» выступает в качестве средства создания метафорического портрета героя:

*Си нарт цIалэхэу зэшицу теплэ **ций**,
Иджынту сэ хуцIыхъэгъуэ сымыгъуэт,
Къуэдзэ дэгъуэ къэгъуэтаци фхуицIыжыни,
Жери, кIыцым Дэбэчыжъыр къыцIокIыж*
(Нартхэр. Лъэпщрэ Дэбэчрэ, 339).

«**Трое витязей с внешностью восьмиста!**
Дел много у меня, досуга нет,
Помощника отличного я обрел,
Он выполнит ваш заказ, –
Сказав это, старый Дебеч покинул кузницу».

В языке обрядовой поэзии число *ций* «восемьсот» служит средством гиперболизации:

*Итэ **ций** зы хъэсэу,
Зы ху самэр ху гуициIу,
Унагъуэ и ницIэ кIыцтэгъуэ зырыз
ХъеркIэ тыхыжыну
Тхъэшхуэм къыдит!*
(Ад. хъу. ВакIуэдэкI хъуэхъухэр, 38).

«Чтобы с одного участка **восемьсот стогов** было,
Чтобы в одном ворохе проса было десять повозок,
Чтобы у каждой семьи было по десять веяний таких».

2.6. Символика чисел *щэ* «сто», *мин* «тысяча»

Числа *щэ* «сто» и *мин* «тысяча» в кабардинском фольклоре используются для выражения несметно большого количества. По справедливому замечанию А.Т. Хроленко, числительное «тысяча» – своего рода индекс чрезвычайно большого множества [207, с. 41]. Символика чисел *мин* «тысяча» и *щэ* «сто» в кабардино-черкесском языке связывается с долголетием. Данные числа часто употребляются в здравницах:

*Вагъуэм хуэдизыр ди мэлү
Гуэлым хуэдизыр ди гъэшү,
Шэрхъым хуэдизыр ди кхъуейуэ,
Гъэ минкIэ дьгъэпсэу!*

(Ад. хъу. Амышц и хъуэхъухэр, 64).

«Чтобы овец у нас было столько, сколько звезд на небе,
Чтобы молока у них было столько, сколько воды в озере,
Чтобы сыр наш был размером с колесо,
Чтобы мы жили так тысячи лет!»

*Ди сабийхэр насытыфIэу,
Ди балигъхэр акъылыфIэу,
ЛыфIц хужаIэу,
Iэнэм щыщысым тхъемадэфIу,
Хъэсэм хэтым гуацIафIэу,
ФIыгъуэ дьщымьщIэу,
ЩIэм дигъэгуфIэу
ХъугъуэфIыгъуэхэр ди бацэу,
Илъэсицэхэр диугъацIэ*

(Ад. хъу. Махуэшхуэ хъуэхъухэр, 120).

«Чтобы дети наши счастливы были,
Чтобы взрослые наши умными были,
Чтобы говорили о нем «настоящий мужчина»,
Чтобы за столом хорошим тамадой был,
Чтобы в огороде трудолюбивым был,
Чтобы всего было в достатке,
Чтобы новое нас радовало,
Чтобы богатства много было,
Чтобы жизнь такая **сотни лет** продолжалась».

Особую символичность число *шэ* «сто» приобретает в сказании о Соусруко и Тотреше. Так, на встречу к своему врагу Тотрешу Коварному Соусруко отправляется в сопровождении ста орлов и ста собак, под звон ста колокольчиков.

*Жьышхуэм хуэдэу ар [Сосрыкьуэ] маклуэ,
Уафэхэр уафэтишэу,
Пиэхэр техьэ-теклуу,
Хьыицэ-бгьыицэр зэццэууэ
Уэзджыницэр зэццэзэзджэу
Жьгьыруицэр зэццэлукууу*

(Нартхэр. Сосрыкьуэрэ Тотрэшрэ, 112).

«Словно ветер, он [Сосуко] скачет,
Сплошною пеленою облаками небо покрывая,
Тучи разгоняя,
Сто собак – сто орлов мчатся с Сосуко,
Сто колокольчиков с грозным перезвоном,
Со **стократным перезвоном**».

В фольклоре число *шэ* «сто» употребляется в следующих значениях:

а) выражение количества врагов героев-нартвов:

Лыгьэ мылътэр зэрахьэу, лэн-кээнэну чынтым эзауэ пэти-ми, биижьыр бжыгьэ мылътэт, зы нарт шум биицэ кьыхуэзэрти нарт лэпкьыр клуэдынкэ шынагьуэт (Нартхэр. Бэдынокьуэ зэрапэр, 147). «Хотя нарты в бою демонстрировали храбрость и насмерть бились с войском чинтов, на одного нартского всадника приходилось **сто врагов**, нартский род был на грани гибели».

б) выражение количества всадников, отправляющихся в путь на поиски чего-либо:

*Сосрыкьуэ мэуэ кьажре: [нартхэм]
– япэр ару зеклуэл шууицэм
Я гьуэмылэхэр цаухам
А шууицэр мазиц енкэ
Сэ си шхынкэ сьыгьыжыниц*

(Нартхэр. Ашэмэз и бжамийр кьызэригьуэтыжар, 278).

«Сосруко так гласит нартам:
Вот что, нарты, коль у **ста нартов**
Закончится еда,
Этих **ста всадников** в течение трех месяцев
Своей едою продержу».

в) выражение силы фольклорного героя:

*И уэгъуэ закъуэр
Уэгъуицэ пIалъэу,
И нэр зытeплъэр
Шабзэм IэцIэмькIыу,
Лъабжьэшхуэ нартхэм тхурехъу! [Ашэмэз]
(Нартхэр. Ашэмэз и сабиигъуэр, 248).*

«Чтобы был единый
Взмах его равен
Сотне ударов,
Чтобы стрелы его
Не упустили то, что видит око его».

Число *цэ* «сто» употребляется в афористическом пласте фольклора: – *ЛIыгъэнишэу лIэцIыгъуицэ къэбгъащIэрэ лъэужьыншэу укIуэдыж нэхърэ, мащIэ дьдэ бгъащIэрэ лIэцIыгъуицэкIэ уи лъэужьыр мыкIуэдыжым нэхъыфIкъэ!* – *жеIэ Сосрыкъуэ* (Нартхэр. Сосрыкъуэ зэраукIар, 133). «Лучше прожить очень мало и быть прославленным на столетия, чем прожить **столетия** и умереть без славы! – говорит Сосруко».

В кабардинском фольклоре лиса является символом хитрости. Лиса знает сто и один способ обмана:

– *Умыгъ, си къуэш цIыкIу, жиIащ абы [бажэм]. Сэ Iэмалицэрэ зырэ сощIэ. Зы Iэмал бжесIэни, лIа нэпцI зыцIи щакIуэм къапхъэным укъызырэдыхыу щIэпхъуэж* (Дыщэ кIанэ. Iэмалицэрэ зырэ, 4). «Не плач, мой братик, сказала лиса. Я знаю **сто и один способ обмана**. Расскажу тебе про один способ, притворись мертвым и, когда охотник открывает капкан, убегай».

В кабардино-черкесском языке число *мин* «тысяча» употребляется в разговорной речи в значении «много».

Таким образом, числа *щэ* «сто» и *мин* «тысяча» в кабардино-черкесском языке выражают несметно большое количество и являются составными частями адыгских здравий, в которых они используются для пожелания долголетия.

Выводы

Теоретический и иллюстративный материал, использованный в работе, дает нам возможность выявить общекультурные (универсальные) и специфические черты использования чисел в кабардино-черкесском языке. Как уже упоминалось выше, для адыгов не характерно выделение отрицательных чисел, однако следует отметить, что большее предпочтение все же отдавалось нечетным числам. Именно этой причиной, по-видимому, объясняется особая популярность чисел *блы* «семь», *щы* «три», *бгъу* «девять» и *щэрэ зырэ* «сто один». Универсальным свойством использования чисел является отражение особенностей построения модели мира.

Число *блы* «семь»

1. Число *блы* «семь» эксплицирует пространственно-временные, количественные отношения (продолжительности сна, танца, санопития, пути, количества еды и питья и т.д.): *махуибл гъуэгунэ* «семидневный путь», *жэщибл-махуибл* «семь ночей и семь дней», *тхэмахуибл* «семь недель», *къуришблым адэкIэ* «за семью гонными цепями», *псы щиблым адэкIэ* «за семьюстами реками», *щIы къатибл* «седьмое дно земли», *гъуэгущъибл зэхэкIыпIэ* «перекресток семи дорог», *зэшибл* «семь братьев», *вы гъэшхаибл* «семь откормленных быков», *махъсымэ чеибл* «семь бочек бузы», *санэ шалъибл* «семь ведерок вина».

2. Число *блы* «семь» используется для изображения литературного портрета героя: *бгъэгу IэмыщIибл* «широкоплечий» [букв.: с плечами шириною в семь ладоней].

3. Число *блы* «семь» является показателем эмоциональной экспрессии: *гузэвэгъуибл* «сильное волнение» [букв.: семь волнений].

4. В зависимости от контекста число *блы* «семь» может иметь разные символические значения: символ надежности и символ преодоления трудностей и достижения благой цели.

5. Основная функция числа *блы* «семь» – функция гиперболизации.

Число *щы* «три»

Можно предположить, что особая символика числа *щы* «три» обоснована представлениями древних мифотворцев о трехчастной модели мира.

1. В современном кабардино-черкесском языке число *щы* «три» является одним из самых употребительных. Наиболее характерными для языка фольклора являются выражения *зэшищ* «три брата», *иныжь зэшищ* «три брата великана», *мазищ* «три месяца», *жэщищ-махуищ* «три ночи и три дня», *мэл пшэрищ* «три жирных барана», *бищищ* «три врага», *бжьищ* «три бокала», *тхьэ-рыкьюищ* «три голубки», *хъыджэбзищ* «три девицы» и т. д.

2. Данное число используется для выражения продолжительности действия, измерения количества и расстояния.

3. Особую значимость число *щы* «три» приобретает в выражении религиозных убеждений народа. У адыгов существует множество поверий и суеверий, связанных с данным числом.

4. В адыгских сказках и сказаниях про нартов **троичность действия символизирует сложность достижения победы или цели.**

5. Характерным для кабардино-черкесского языка является то, что в некоторых случаях, например, в выражении меры наказания и измерения расстояния, наличие данного числового компонента может придавать усилительный оттенок соответствующим явлениям.

Число *бгъу* «девять»

Число *бгъу* «девять» в кабардино-черкесском языке, а также в фольклорной и мифологической традиции адыгов выступает в значении «много», служит символом изобилия и достатка.

Число *бгъу* «девять» в кабардинской мифологической традиции обладает явным сакральным магическим характером. Оно широко употреблялось в гадательной практике. Можно предположить, что, по представлениям адыгов, данное число являлось средством воздействия на сверхъестественные силы, этим, видимо, объясняется многократное употребление данного числа в языке хохов и числовых текстах, где герой встречает на своем пути шайтана или снежного человека.

Число *пщыкIутI* «двенадцать»

В кабардино-черкесском языке число *пщыкIутI* «двенадцать» не так употребительно. Оно используется для выражения:

1. Анатомических особенностей строения тела человека. Характерным выражением является *Iэкълъэкъ пщыкIутI* «двенадцать частей тела».

2. Количества голов мифических существ в мифологической и фольклорной традиции.

3. Размера предмета: *къулаш пщыкIутI* «двенадцать маховых саженей».

4. Особую символичность число *пщыкIутI* «двенадцать» приобретает в летоисчислении адыгов.

Число *и* «восемь»

Число *и* «восемь» в адыгской лингвокультурной традиции малоупотребительно. Используются в основном сложные, составные числительные с компонентом *и* «восемь»: *пщыкIуий* «восемнадцать», *щий* «восемьсот».

Основной специфической особенностью данного числа является его использование в качестве важной составной части адыгского национального костюма.

Числа *щэ* «сто» и *мин* «тысяча»

В кабардинском фольклоре числа *щэ* «сто» и *мин* «тысяча» выполняют функцию гиперболизации и выражают огромное, несметное количество. Они часто используются в здравницах,

выступают как составной компонент выражений с пожеланием долголетия.

Число в духовной культуре адыгов приобретает дополнительный смысл и выражает определенную коннотацию. Сходство чисел и их символики в различных лингвокультурах объясняется универсальностью характера символов. Однако каждое сакральное число обладает национальной спецификой, которая находит отражение в культуре и языке адыгов.

Г л а в а 3

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

3.1. Фразеологические единицы с числовым компонентом

Фразеологический состав кабардино-черкесского языка чрезвычайно богат и разнообразен. Одним из центральных направлений изучения фразеологии на современном этапе является исследование идиоматики в неразрывной связи с культурой, так как фразеологический состав любого языка представляет собой ценнейший материал для изучения особенностей национально-культурного мышления и психологии народа. Способ осмысления действительности, отражающийся в идиомах, представляющих собой, как и слова, продукт деятельности языкового сознания, фиксируется в них в виде внутренней формы. Классической стала трактовка идиом как ассоциативно-образного комплекса, организующего в языке содержание. Поэтому их изучение важно не только с точки зрения того, как в языке отражается этнокультура, но и с точки зрения организации содержания в языке, ибо внутренняя форма, как известно, является «застывшим» результатом деятельности языкового сознания этноса [22, с. 216]. Современный этап развития языкознания характеризуется многогранным подходом к изучению фразеологического состава

ва языка. Вопрос о составе фразеологических единиц остается актуальным по сей день: некоторые исследователи включают в состав фразеологизмов и пословицы, учитывая при этом воспроизводимость и устойчивость компонентов. Другие исследователи, напротив, выводят пословицы за рамки фразеологического пласта языка, так как они в большинстве своем обладают синтаксической завершенностью. По мнению Б.М. Карданова, пословицы – особый пласт устойчивых сочетаний, отличающихся от собственно фразеологизмов, они обладают некоторыми чертами фразеологической единицы. Пословицы, крылатые выражения и некоторые другие устойчивые словосочетания лишены других важнейших признаков. А поговорки исследователь называет «подлинными фразеологизмами» [85, с. 6–7].

Согласно В.П. Жукову, фразеологизмы, подобно другим номинативным единицам языка, служат средством отражения и познания объективного мира [78, с. 26]. Фразеологические единицы как особые универсальные образования языка рассматриваются в трудах В.В. Виноградова, А.Г. Емузова, Б.М. Карданова, Б.Ч. Бижоева.

Изучение языковой картины мира невозможно без учета фразеологического пласта языка, так как способ восприятия окружающей действительности в полной мере находит отражение в ФЕ. ФЕ с учетом национально-культурной специфики и как неотъемлемая и важнейшая часть языковой картины мира начинает усиленно рассматриваться с конца 20 века в трудах З.Х. Бижевой, Д.О. Добровольского, И.М. Баловой, А.И. Геляевой, Н.У. Вороковой, Т.З. Черданцевой и др.

Источником возникновения специфичного понимания окружающей действительности являются древнейшие пласты культуры, сакрально-мифологические представления народа, мифы, ритуалы, фольклорная традиция. Мировоззрение народа сохраняется в языке в форме устойчивых сочетаний. Трудно не согласиться с Д.О. Добровольским в том, что культурная значимость фразеологизма повышается в тех случаях, когда в его структуре присутствует символическая составляющая [72, с. 45]. Числа относятся к универсальным символам. Именно этим объясняется

наличие числовых компонентов во фразеологии многих языков. Ср. русс. **В два счета** ≈ очень быстро, моментально. **В двух шагах** ≈ очень близко, совсем рядом. **Семи пядей во лбу** ≈ очень умный, способный. **Семь пятниц на неделе** ≈ о человеке, который легко меняет свои решения. Как отмечалось выше, числа являются одним из источников древнего религиозно-мифологического представления мира.

По мнению М.Л. Ковшовой, более целенаправленно поиск в исследовании символической семантики фразеологизмов ведется в русле нового направления в лингвистике – лингвокультурологии, во многом вобравшей в себя идеи этнолингвистики и страноведения, обращенной на исследование тех культурно значимых смыслов, которые хранятся в «культурной памяти» фразеологического знака и извлекается в процессе его восприятия в речи [96, с. 21]. Оязыковление культурного символа способствует его долгой жизни, сохранению символа во всей устойчивости и в то же время во всем разнообразии его содержания. Особая роль в процессе оязыковления символа принадлежит фразеологическому знаку как знаку вторичной семиотизации, уже имеющему первичное использование и освобожденному от своего первичного значения, которое вычитывается из буквального значения составляющих его слов компонентов [96, с. 20].

Трудно не согласиться с Н.У. Вороковой в том, что наиболее информативными в плане лингвокультурологического анализа являются фразеологические единства и наиболее образные фразеологические сочетания, т.е. фразеологические сочетания, которые выражают национальное образно-ассоциативное мышление народа, носителя данного языка [46, с. 45].

Этнокультурная специфика кабардино-черкесского языка отражена во фразеологических единицах при помощи чисел. Для адыгской этнокультурной традиции наиболее значимыми являются числа *щы* «три», *блы* «семь», *бгъу* «девять», *щэ* «сто». В составе ФЕ кабардино-черкесского языка особой символическостью обладают числа *зы* «один», *тлу* «два».

Национально-культурная специфика фразеологизма отражает склад ума, характер нации, ее историю, духовную жизнь,

особенности традиции и быта. Ю.П. Солодуб предполагает, что маркированность национальной специфики фразеологического образа часто создается отбором весьма специфичной для данного народа лексики: это либо обозначения каких-либо реалий, известных только носителям одной нации или нескольким нациям, связанным общностью культуры, религии, а также своеобразные топонимы, антропонимы, гидронимы, характерные для какой-либо одной страны, одного государства [172, с. 59].

Образность числовой символики используется в литературных поэтических и прозаических произведениях. Так, в адыгской литературной традиции особой афористичностью отличаются произведения следующих авторов, использовавших «числовые фразеологизмы»: Б.М. Пачев:

*Удын уфIэфIмэ, уи бзэр утIытц,
Уи цитц хэзауэ,
Уи гъацIэр бгъэкIуэниц*

(Къэб. усэм и антол. П.Б. ЗыхуэмышыIэ, 14).

«Любишь побои, распусти свой язык.
Лишаясь своих **трех волос**
Жизнь проведешь».

Т.М. Керашев: *къатибл трищIащ* ≈ много времени прошло [букв.: **семью слоями покрылось**]. [*Лыжьым:*] *Иджы сьт, Iэджэ щIащ, къатибл трищIэжащ жыхуаIэм хуэдэщ, умыувыIэмэ, къиувыкI улущIэниц псалъэжьыр зэрыпэжьыр си щхъэкIэ зэрызгъэунэхуар иджы фхуэслуэтэжкIэ, емыкIу сыкъэфцIынкъым* (КI.Т. 1. УмыувыIэмэ, къиувыкI улущIэниц, 380). «Теперь что скрывать, много времени прошло, как говорится, словно **семью слоями покрылось**, и сейчас вы не осудите меня, если я открою вам, как я на себе испытал правильность пословицы «не перегибай палку, иначе пожалеешь».

А.П. Кешоков:

*Дэ зы уэрэдым и дамитIу,
Зы фоч зэгүэту дызэкъуэтитц.*

*Зы къамэ закъуэм дридзитІу
Ди лЫгъи щІгъхъи дымыгушэт*

(К.А. Кулиев Къайсын, 170).

«Мы с тобою, словно **песни одной два крыла**,
Едины, словно **двуствольное ружье**,
Как два лезвия одного кинжала,
Не делили мужество и честь».

Одним из источников пополнения кабардино-черкесской фразеологии являются заимствования. Для современной речи характерны калькированные заимствования из русского языка.

Башым и кІапитІ ≈ палка о двух концах. *ЛъэбакъуитІц* ≈ в двух шагах.

В составе ФЕ кабардино-черкесского языка не все устойчивые выражения с числовым компонентом в равной степени отражают адыгскую языковую картину мира. Однако можно выделить ФЕ, где национально-культурная специфика фразеологизмов усиливается наличием числовых компонентов. Как известно, для фразеологизмов отличительной особенностью является их эмоциональная насыщенность, образность. Во многих ФЕ культурная информация отражается в образном переосмыслении значения. Нетрудно заметить, что в основе образности большинства ФЕ лежат различного рода тропы и стилистические фигуры: сравнения, метафора, метонимия, гипербола. Э. Кассирер, анализируя истоки мифологического и языкового мышления, приходит к выводу о том, что и для мифа и для языка свойственна одна и та же форма, которую он называет «концептуальной». При этом автор подчеркивает, что «эту форму можно кратко обозначить как метафорическое мышление» [90, с. 33].

Согласно теории А.В. Кунина, метафорическое переосмысление словосочетаний – один из важнейших источников обогащения фразеологии любого языка [113, с. 103].

Суть **метафорического переосмысления** заключается в том, что семантика ФЕ создается на базе контраста между прямым значением и переносным: *вы къуэлэнщэкІэ вэн* ≈ рано

приступить к делам [букв: пахать ста пестрыми волами]. [Мэлэчыпху:] *Илъэс къэс вы къуэлэнищэкIэ вэ щIыжиIар [адэм] гъатхэм пасэу, уэсыр псори темыкIыжауэ, щIыр къуэлэн хъуауэ уигъэвэнущи аращ* (Нартхэр. Мэлычыпху и лIым къызэрыригъэкIыжар, 436). «[Малечипх:] Отец наказал тебе каждый год пахать **ста пестрыми волами** для того, чтобы ты ранней весной, пока снег не растаял и земля все еще пестрая, приступил к пахоте».

Метонимическое переосмысление, как правило, основано на базе смежности между фразеологизмом и переосмысляемым значением словосочетания: [*и*] *нэр бгъууэ хуэгъэллэн* ≈ уstrasшить [букв.: заставить смотреть девятью глазами].

Фразеологизмы, основанные на базе **сравнения**, являются особым типом устойчивых сочетаний, которые возникают на образной основе. Основным средством выражения сравнительной семантики в кабардино-черкесском языке являются частицы *нэхъ, нэхърэ*, послелого *хуэдэ, хуэдэу*, суффиксы *-у, -уэ, -рэ, -рэ*. *Блэ япщыжа хуэдэщ* ≈ надежный, проверенный [букв.: словно семь раз отмерили].

Для фразеологизмов, образованных на базе **гиперболического переосмысления**, характерно наличие усилительного оттенка в передаче эмоционально-экспрессивных модальных оценок: *зэрымът Iэтищэ игъэувэн* ≈ делать из мухи слона [букв.: ставить **сто стогов** там, где ничего нет].

В противовес фразеологизмам, основанным на базе гиперболизации, выступают идиомы, которые в своей семантике содержат преуменьшение каких-либо элементов: *лъэбакъуитIщ* ≈ очень близко [букв.: **в двух шагах**].

В кабардино-черкесском языке наблюдается сочетание нескольких типов переосмысления.

При изучении особенностей значения фразеологизмов целесообразно опираться на элементы, которые принимают участие в реализации значения идиом. Обычно в составе ФЕ числовые компоненты теряют свое конкретно-количественную семантику и выступают в значении «много» или «мало». Характерной особенностью фразеологизмов с числительными является семантическая синонимичность числовых составляющих, например, *блэ*

«семь» и *бгъу* «девять» могут выступать в значении «много» и выражать общеизвестность: *жылагъуиблым зэльащДысын* ≈ стать общеизвестным [букв.: распространиться **на семь селений**]; *къэралибгъум къащДэн* ≈ стать общеизвестным [букв.: стать известным **в девяти государствах**].

По мнению А.Е. Супруна, причины такой синонимии кроются в окачествлении числительных, в том, что в составе фразеологических единиц числительные утрачивают ясное числовое значение, заменяемое абстрактным значением большого числа [182, с. 85]. Семантическая гибкость, легкое наполнение эмоционально окрашенным контекстуальным значением – это важные стилистические достоинства несобственного употребления числительных [116, с. 115]. Роль эмоционально-экспрессивных факторов в образовании фразеологизмов очень велика. Число *блы* «семь» в составе ФЕ могут выступать показателями эмоциональной экспрессии: *баз нафиблкІэ* ≈ слишком, чересчур [букв.: биться **семь раз** об заклад]; *гъыбзафиблыр гъэшын* ≈ сильно жаловаться [букв.: причитать **семь плачей**]. Согласно Б.Ч. Бижоеву, для фразеологизмов модальная окраска является одним из наиболее существенных элементов значения, ибо возникновение ФЕ и его функционирование часто связано с выражением различных модальных оценок и эмоционально-экспрессивных отношений говорящего к окружающей среде [24, с. 43].

Как уже отмечалась выше, при стилистическом и функциональном участии чисел выражаются пространственно-временные отношения, что находит отражение и на фразеологическом уровне языка. *Псибл игъэсыкІын* [букв.: заставить переплыть **семь рек**]; *гъибл дэкІащ* ≈ много времени прошло [букв.: прошло **семь лет**].

Один символизирует бытие и открытие человечеству духовной сущности. Воплощает единичность, из которой рождается множественность, обозначает духовное единство, общую основу между всеми существами, мистический центр, излучающую точку и высшую власть [235, с. 483].

Трудно не согласится с З.Ж. Кудаевой в том, что число один у адыгов обозначает не столько начальный элемент числового

ряда, столько целостность, единство, связанное с образом совершенной целостности – тха [102, с. 102]. В связи с этим необходимо отметить, что в кабардино-черкесском языке особую символичность приобретает лексема *закъуэ* «единственный», «одинокий».

Число *зы* «один» в составе ФЕ может выражать:

а) схожесть: *зы выбжьэщ* ≈ во всем похожи [букв.: с одного воловьего рога]; *зы жыпхэм игъэжыкIащ* ≈ во всем похожи [букв.: с одной мерки сделаны].

б) дружбу, согласие: *зым Iэпыхур зым къищтэжу* ≈ жить в дружбе и согласии [букв.: чтобы один поднимал то, что уронил другой]; *зы фалъэ зэдишыхкIын* [букв.: есть с одной миски]; *псэр зы чысэм илъын* ≈ дружить, любить друг друга [букв.: души в одном кисете].

Число два означает рефлексив, конфликт и равновесие, или противоположность или мгновенную неподвижность сил при равновесии, оно тоже соответствует отрезку времени, движение извне вперед [235, с. 484].

Число *тIу* «два» в кабардино-черкесском языке в некоторых случаях приобретает смысл небольшого количества: *псалъэр тIу мыщIын* ≈ сразу сделать; *псалъитI хузэкIэлъыгъакIуэкъым* ≈ двух слов не сможет связать.

Во фразеологическом фонде языка встречаются и архаичные выражения с числовым компонентом, выражающим некую бытовую реальность: *витI-жэмитI унагъуэ* ≈ семья со средним достатком. [букв.: семья с двумя волами с двумя коровами].

Выражает силу и мужество. *И зэ уэгъуэр тIэу пIалъэщ.* ≈ о сильном ударе [букв.: один удар, равный двум.]

Число «два» встречается в составе соматизмов: *и щхъэ закъуэ и лъакъуитI* ≈ один, одинокий [букв.: одна голова, две ноги]; *хым нитIкIэ хэгъэлъэн* ≈ объяснить [букв.: заставить смотреть в море двумя глазами]; *лъакъуитIыр щIым нэмысу* ≈ очень быстро [букв.: не касаясь земли двумя ногами]; *жытIу зэтIуанэ* (адыг.). «*Два рта соперника*» (Б.З. Жемчужины народной мудрости, 54).

И.А. Бодуэн де Куртенэ, касаясь вопроса отражения количественности числа в языковом мышлении, пишет: «В языковом

мышлении два является числом высокого напряжения, поддерживаемого постоянно напоминаящей о себе двойственностью, парностью и противопоставленностью как в физическом, так и в общественном и в индивидуально-психическом мире» [33, с. 315].

Число *цы* «три» является одним из самых употребительных чисел в составе фразеологизмов. Интересно заметить, что данное может выражать разные, а в некоторых случаях противоположные значения:

а) радость: *пыІэр щэ дридзеин* ≈ быть счастливым [букв.: **трижды** подбросить свою шапку];

б) страх и волнение: *и циц мэпІий* ≈ волноваться [букв.: **три волосинки торчат**]; *и циц мэтхъу* ≈ волноваться [букв.: **три волосинки седеют**];

в) полноту, завершенность: *Іэнэр лъакъуиц иригъэкъун* ≈ завершить дело [букв.: сделать **стол треногим**].

В отдельную группу можно выделить нумеративные фразеологизмы кабардино-черкесского языка с числовым компонентом, выражающие образ человека. Как показывает анализ иллюстративного материала, нумеративные фразеологизмы, отражающие образ человека, условно можно разделить на несколько тематических групп:

1. *Тематическая группа «возраст человека», «опыт человека»*. Псибл *икІащ* ≈ имеет солидный опыт в чем-л. [букв.: **переплыл семь рек**].

[И] *Іэкълъэкъ пицыкІутІыр зэрыубыдащ* ≈ повзрослел, набрался сил [букв.: его **двенадцать частей** тела скрепились].

[И] *Іэкълъэкъ пицыкІутІыр зэрыубыдакъым* ≈ еще не повзрослел, не набрался сил [букв.: его **двенадцать частей** тела не скрепились].

2. *Тематическая группа «характер человека»*, которая включает в себя характеристику различных, а иногда противоположных черт характера:

а) *скромность*: *псалъитІ я щхъэ зэтричыркъым* ≈ мало говорит [букв.: **двух слов** не скажет].

б) *вульгарность*: *жьибгъукІэ псэлъэн* ≈ говорить много лишнего [букв.: **разговаривать девятью ртами**].

в) **хитрость**: *хьицэ я кӀуэкӀэ ещӀэ* ≈ хитрый [букв.: знает походку ста собак]. *Ӏэмалицэрэ зырэ ещӀэ* ≈ хитрый [букв.: знает сто один способ обмана].

г) **выносливость**: *псибл Ӏутын* ≈ быть выносливым, сильным [букв.: иметь семь душ]. *Бэджэндигбгъу кӀуэниц* ≈ много трудностей выдержит [букв.: девять аренд потянет]. *Фызибгъуц* ≈ сильная, стойкая (о женщине) [букв.: она как девять женщин].

д) **лицемерие**: *напитӀ зехьэн* ≈ быть двуличным [букв.: иметь два лица]. *ЩӀакӀуитӀ цыгъын* ≈ служить и вашим и нашим [букв.: носить две бурки]. *Фибл телъын* ≈ быть лицемерным [букв.: иметь семь слоев кожи]. *ӀуитӀбзитӀ* ≈ двуличный, лицемерный [букв.: с двумя ртами, с двумя языками].

е) **неуверенность**: *гуитӀцхьитӀ хьун* ≈ проявлять неуверенность [букв.: стать (человеком) с двумя головами и двумя сердцами].

ж) **медлительность**: [*и*] *зыгъазэ зы мазэц* ≈ слишком медлительный [букв.: поворачивается раз в один месяц].

ФЕ с числительными составляют не столь большой, но в то же время самостоятельный класс идиом. ФЕ с составным компонентом числительным выделяет Б.М. Карданов. По его мнению, числительные в составе ФЕ лишены лексического значения, что обеспечивает высокую степень спаянности компонентов [85, с. 157]. Наиболее активно в образовании антропоцентрических фразеологизмов участвуют числительные *тӀу* «два», *блы* «семь», *бгъу* «девять», *пицкӀутӀ* «двенадцать», *щэ* «сто».

3.2. Пословицы с числовым компонентом

Среди языковых единиц, которые выступают в роли компонентов языковой картины мира, пословицы в наиболее яркой и образной форме закрепляют опыт познания мира тем или иным народом.

Как уже отмечалось выше, среди лингвистов нет единого мнения об отнесении пословиц к фразеологическому фонду языка. Многие исследователи склонны считать пословицы фразеологическими единицами ввиду того, что они используются в языке в готовом виде, а не воспроизводятся в процессе речи. Так,

Б.М. Карданов предполагает, что утверждение о том, что пословица имеет ту же структуру, что и обычное предложение, не имеет достаточных оснований. Обычное предложение, состоящее из свободно сочетаемых слов и словоформ, выражает относительно законченную мысль, непосредственно связанную со значением слов-компонентов. Пословица же выражает обобщенную, какую-то устоявшуюся мысль, отражающую многовековой опыт народа [85, с. 6]. Именно в этом Б.М. Карданов видит основное отличие пословицы от обычного предложения. Г.Л. Пермяков, обращаясь к изучению народных изречений и фразеологических единиц, пишет: «Сопоставляя слова, фразеологические обороты и народные изречения или паремии по существующим признакам, нетрудно убедиться, что все они в значительной мере изоморфны друг другу. Как первые, так и вторые и третьи представляют собой клише и используются в качестве знаков. И слова, и фразеологические обороты и паремии могут обладать (или не обладать) мотивировкой своего общего значения, причем эта мотивировка может быть как и прямой, так и образной» [156, с. 28].

Н. Барли характеризует пословицу как общепринятое стандартное высказывание относительно моральных или категориальных императивов в клишированной метафоричной прагматической форме, анализирующие фундаментальные логические отношения [11, с. 133].

Пословицы выполняют самую разнообразную функцию, являются итогом многовекового опыта народа. Согласно З.Ж. Кудаевой, пословица – синтезированная, закодированная в специфическую форму и структуру информация, содержащая выводы и закономерности, касающиеся разнообразных сторон бытия, это и мировоззрение, и философия, нравственная, этническая, эстетическая система, присущая данному этносу [101, с. 15].

Образность и информативность пословиц достигается использованием культурных символов, в том числе и числовых параметров. Наиболее употребительными для пословичного пласта языка являются числа *зы* «один», *тІу* «два», *щы* «три», *блы* «семь», *бгъу* «девять», *щэ* «сто».

Единица – это, прежде всего, основное число всей системы положительных и отрицательных чисел, благодаря последовательному прибавлению которого к самому себе возникают другие числа [136, с. 575]. Особый интерес, на наш взгляд, представляет происхождение числа *зы* «один». По мнению Б.Ч. Бижоева, для некоторых языков, в том числе и для кабардино-черкесского языка, обнаруживается связь этого обозначения с местоимением. Ср. *зы* «один» и *езы* «сам». Понятие «один» формировалось на основе процесса выделения человека из окружающей действительности, осознания им собственного «Я», как нечто обособленного и противопоставляемого всем остальным предметам внешнего мира и членам той человеческой общности, к которой он принадлежал [25, с. 222].

Анализ семантики числовых составляющих в пословицах делает возможным систематизацию пословичного фонда с составным компонентом-числительным в определенные семантические типы:

1. Недостаточность одного дня, одного субъекта:

Дунейр зы цIыхум хухэхакъым. Дунаир зы цIыф фыхахыгъэп (адыг.) (Б.З. Жемчужины народной мудрости, 48). «Мир не создан для одного человека». *УтIумэ, узици, узмэ, ущымIэххэ пэлъытэщ.* «**Два** все равно, что **один**, **один** все равно, что ничего». *Сабийр зы махуэм ягъасэркъым.* «Ребенка воспитывают не один день». *Жыг закъуэ мэз хъуркъым.* «Одно дерево не лес». *Мывэ закъуэ къалэ хъуркъым.* «**Один** камень еще не город». *Жыг закъуэ жъым щошынэ.* «**Одинокое** дерево ветра боится». *Зи закъуэу псэум тхъэр еуащ.* «Живущего в **одиночестве** бог проклял».

2. Достаточность, весомость одного предмета, одного дня, одного человека. Примеру одного следуют все остальные. Обычно такие пословицы содержат в своем составе бинарную оппозицию:

зы – щэ «один – сто»: Зы кхъужь фам кхъужьищэ егъэф. «Одна гнилая груша портит **сто груш**». *Зым и гурацэр щэм я гурацэщ.* «Цель **одного**, цель **ста** людей». *Зы жъэм жъэдыхъэр жьищэм жъэдохъэ.* *Зыжэ дахъэрэр жишгъэ адахъэ (адыг.)* (Б.З. Жемчужины народной мудрости, 61). «Что услышал **один**, слышат **сто**». *Зы*

ицIым пэжицэ егъэулбий. «Одна ложь чернит сто правд». Зым и зэран цэм йокI. «Один может навредить ста людям». Зы дахагъэм дагъуицэ егъэицкIу. «Одна красота скрывает сто недостатков». ШIым зы ептмэ, цэ къуетыж. «Земле даешь одно [зерно], а она тебе возвращает сто». Зы шы пае шишигъэ псы ешъу (адыг.). «Из-за одного коня сто коней идут на водопой» (Б.З. Жемчужины народной мудрости, 63).

зы – псо «один – весь (все)»: Гъэм и зы махуэм ицIымахуэ псом уегъаишхэ. «Один день года прокормит в течение всей зимы». Зы къэрабгъэм дзэ псор егъэкIуэд. «Один трус портит все войско». Зы мэл бгым зепкIэхыкIэ, пстэури епкIэхы (адыг.). «Когда одна овца спрыгнет с берега, остальные за ней следуют» (Б.З. Жемчужины народной мудрости, 62). Зы мафIэ хъуаскIэм жылэ псор къресыкI. «От одной искры сгорает весь аул». Зы цIыхум жылэм фэ трегъэуэф. «Один человек может сделать аул зажиточным». Лъэпкъым и напэр зы лIым трехыр, лъэпкъым и напэр зы лIым еIэтыр. «Честь рода может опозорить один мужчина, честь рода может возвеличить один мужчина».

3. В некоторых случаях двойной повтор числа зы «один» в половицах может внести в ее семантику смысл:

а) противостояния и противоположности (что для одного хорошо, плохо для другого). Зы хъэцIэм зы хъэцIэр и жагъуэци, хъэцIитIыр бысымым и жагъуэц. Зы хъакIэр зы хъакIэм иджагъу, хъакIитIур бысымым иджагъу (адыг.) (Б.З. Жемчужины народной мудрости, 63). «Одному гостю не нравится другой гость, а хозяину – приход двух гостей». Зым и махуэ зым и мыгъуэц. «Что счастье для одного, для другого горе». Зым и хуицхъуэ зым и ицхъухъыц. «Лекарство для одного – яд для другого». Зым и хъэдагъэц, зым и нысаишэц. «У одного похороны, у другого свадьба».

б) взаимовлияния, согласия, взаимодополнения. Зы цIыхум зы цIыхур и шхэпсц. Зы цIыфым зы цIыфыр ищхэпс (адыг.) «Один человек для другого подмога» (Б.З. Жемчужины народной мудрости, 63). Зыр зым фIэмыкIтэмэ, лIы укIыным кIэ илэнтэкъым. «Если бы один не прощал другого, то не было бы конца убийствам». Зы нэм имылъагъур зы нэм елъагъу. Зы нэм ымылъагъурэр адрэ нэм елъагъу (адыг.) (Б.З. Жемчужины народной мудрости,

62). «То, что не видит один глаз, видит другой». *Зыр лэ щхьэкIэ, зым зилIэжкъым. Зыр лэмэ адрэм зилIэжырэп (адыг.)* (Б.З. Жемчужины народной мудрости, 62). «От того, что **один** умер, другой не должен убиваться».

4. В составе пословичного пласта кабардино-черкесского языка встречаются пословицы с троекратным повтором числа *зы* «один», которые обычно выступают в качестве пословиц-наставлений и регламентируют правила поведения в определенных ситуациях: *Зы махуаеи зумыгъэлI, зы махуэлIым зумыгъашиэ, зы дзэшхуэм зумыгъэхъ.* «**В один плохой день** не мужайся, за **однодневного мужа** замуж не выходи, не дай себя победить **одному войску**».

Два – число антитеза с такими крайностями, как день и ночь. Оно стоит за равновесие и контраст и поддерживает равновесие, смешиваются позитивные и негативные качества [49, с. 62].

В составе пословичного пласта кабардино-черкесского языка число «*тIу*» два может выражать:

1. Противостояние и противоположность (два одинаковых субъекта не уживаются в одном месте).

НитIрэ нэт зэфыгъуэгъуш. «**Два глаза**, и то завистники». *ДыгъужьитI зы гъуэ зэдихуэкъым.* «**Два волка** в одной норе не уживаются». *Зы сампIэм ситI зэдихъэркъым.* «**В одни** ножны **два кинжала** не вмещаются». *ХакIуитI зы бо щIэзагъэркъым.* «**Два жеребца** в **одном** хлеву не уживаются». *ЗэгъунэгъуитI я жэм шыкIэ зэхуэдэкъым.* «**Два соседа** доят корову по-разному». *ЗэгъунэгъуитI я мэл бжыкIэ зэхуэдэкъым.* «**Два соседа** считают овец по-разному».

2. Силу и мужество: *ЗэкъуэшитI зеделэмэ, абрэмывэ ирач.* «**Два брата** могут сдвинуть с места громадный камень». *Мыщэр зыщышынэр зэшитI зэгурьIуэрэ дзитI зыIут къамэрэщ.* «Медведь боится **двух дружных** братьев и обоюдоострого кинжала».

3. Невозможность совершения одного действия дважды, в связи с чем, необходимо совершить его один раз с достоинством. *АжалитI щыщымыIэкIэ, а зэ лIэгъуэм лыгъэ хэлъхэ.* «Раз нет **двух смертей**, **один** раз умри с честью». *Зы малыфэ тIэу трахыркъым.* «Одну овчину два раза не снимают».

Число *щы* «три» в пословицах может выступать в значении:

а) много: *Тум здащIэр щэхуици, щым здащIэр нахуэщ*. «То, что знают двое, еще тайна, а то, что известно трем, уже нет». *Зы лым щэ укыгъащIэмэ, уделэщ, зы мащэм щэ уихуэмэ унэфщ*. «Если один мужчина обманывает тебя **три раза**, ты глуп, если в **одну яму** падаешь **три раза**, ты слеп». *ХьэщIэр жэщичи исмэ, быным ящыщ мэхъуж*. «Гость после **трех ночей** уже член семьи»;

б) мало: *Акъыл зиIэм и Iуэхур махуицици, акъылынишэм и Iуэхур махуицици*. «Умный дело делает за **три дня**, глупец за **сто дней**».

Число *блы* «семь», как уже отмечалось выше, является одним из самых употребительных чисел в адыгской лингвокультуре. *Брулым шибл я кIэн хэлъщ*. «У чалой лошади сила **семи лошадей**». *Апрелым и блым мэкъу Iэмбатибл хуэгъэтиль*. *Апрелым имэфиблы мэкъу хьынибл зыщымыгъакI (адыг.)* (Б.З. Жемчужины народной мудрости, 131). «Для **семи дней апреля семь охапок** сена припаси». *Къуэши шыпхъур хы къумиблым къыкIуэцIырокI*. «Братья и сестры приходят даже через **семь пустынь и океанов**». *Унагъуэм гъуанибл иIэщ*. «У семьи **семь дыр**». *Бажэм дыгъужьибл къегъащIэ*. *Баджэм тыгъужьибл егъащIэ (адыг.)* (Б.З. Жемчужины народной мудрости, 33). «Лиса обманывает **семерых волков**». *Лэужьыр бжьиблкIэ мауэ*. «Родословие отражается до **седьмого колена**». Данная пословица имеет исторические корни и связана с традиционным бытом адыгов. Как известно, брак адыгов был строго экзогамным. Браки запрещаются между родственниками до седьмого колена. По мнению Б.Х. Бгажнокова, основой существования и продолжения родственных связей считается у адыгов кровное родство мужчин. Особое значение приобретают представления об отце, деде, прадеде, о других мужчинах рода как о звеньях генеалогического древа. Каждый мужчина обязан знать свою родословную до седьмого колена – *лэтехьэгъуибл*, называя имена семи предков по отцовской линии снизу вверх – *адэцIибл* или сверху вниз – *лэужьибл* [12, с. 291].

В кабардино-черкесском языке число *бгъу* «девять» выступает в качестве составного компонента пословиц:

Унагъуэм лъакъуибгъу цIэтщ. «У семьи **девять ног**». *Ху нэдибгъур гу хьэлъэ ирокъу*. «**Девять бурдюков** проса все равно,

что тяжелая повозка». *ЛЫМ* я нэхъ мыгъуэм *Гуэхугъуибгъу* зэпеч. «Даже самый жалкий из мужчин делает **девять дел**». *Апрелым* и *бгъум гуахъуэр* икIэм драдзеиж. «**Девятого** апреля вилы забрасывают на чердак». *Зы лЫр джэдыгуибгъуиц, Либгъур джэдыгунишэц*. «Один мужчина с **девятью шубами, девять мужчин** без шубы» Как уже отмечалось выше, число *бгъу* «девять» играет большую роль в магических представлениях народа, часто встречается в числовых текстах. В ходе исследования нами обнаружен текст в форме игры слов с частым повтором устойчивого выражения *зы лЫр джэдыгуибгъуиц, Либгъур джэдыгунишэц*:

– Ар сыту бынунэ цIыкIут!

– Бынунэ цIыкIуми хъунт, ауэ а бынунэр **Либгъу** я быну зэхэст.

– Ар сыту **Либгъу** цIыкIут!

– ЦIыкIу мыцIыкIуми хъунт, ауэ зы лЫр **джэдыгуибгъум, Либгъур джэдыгунишэц**.

– Ар сыту джэдыгу цIыкIут!

– Джэдыгу цIыкIуми хъунт, ауэ а джэдыгум яцышэ зыми **Либгъур цIихъумэрт**.

– *Иу, тIэ* зы джэдыгукIэ **Либгъур цIихъумэу джэдыгуибгъур Либгъум** яритам хъуртэкъэ!

– *Джэдыгуибгъур Либгъум* яхурикъуртэкъым. *Яритамэ, езыр джэдыгунишэу къанэрт. Зыр езым кыгъанэу ир адрейм яритамэ, ебгъуанэр джэдыгунишэу къанэрт. Езым джэдыгунишэу зыкыгъанэу, Либгъум джэдыгуибгъур* яритынуи игу пыкIакъым. «*Си джэдыгуибгъур сэ згъэлэжьэжым хъуртэкъэ!*» – жери езым къызыхуигъэнэжащ (Ад. таур., 387).

«– Это что за маленькая семья!

– Маленькая не маленькая, однако эта семья состояла из **семей девяти мужчин!**

– Это что за маленькие **девять мужчин!**

– Маленькие не маленькие, однако у одного из них было **девять шуб**, а у других **девяти** не было ни одной.

– Какие маленькие шубы!

– Маленькие не маленькие, однако одна из таких шуб покрывала **девятиерых мужчин!**

– Так можно же было одной шубой накрыть **девяти**терых **мужчин**, а **девять шуб** раздать **девя**ти **мужчинам**!

– **Девяти шуб** было недостаточно для **девя**ти **мужчин**. Если б раздал **шубы**, сам остался бы без **шубы**. Если бы одну **шубу** оставил себе, а **восемь** отдал бы, **девя**тый **мужчина** оставался без **шубы**. А себя оставить без **шубы** и отдать **девять шуб** **девя**ти **мужчинам** ему было жалко. «Могу же я сам поносить все **девять шуб**», – сказал он и оставил себе».

В семантической структуре пословицы представлены разные типы информации: это и рационально обработанное знание, и картинно-обработанное знание, и различные типы ассоциаций, и оценочная классификация [109, с. 124]. По нашим наблюдениям, в выражении указанных типов информации функциональное участие принимают и числа.

3.3. Устойчивые сравнения с числовым компонентом

Согласно А.М. Гутову, сравнения в адыгском эпосе можно условно подразделить на ассоциативные и сопоставительные.

Ассоциативными сравнениями А.М. Гутов называет такой тип сравнительных конструкций, которые строятся на сходстве манифестируемых или подразумеваемых признаков в объекте и субъекте сравнения.

Сопоставительные – это такие сравнительные сочетания, которые имеют установкой подчеркнуть – при наличии общего признака и свойства у двух предметов – несомненное количественное и качественное отличие выделяемого признака у одного из компонентов относительно другого [65, с. 160].

Компаративные фразеологизмы и пословицы занимают значительное место в кабардино-черкесском языке. Изучению устойчивых сравнений посвятили свои исследования А.Г. Емусов, А.В. Кунин, З.Б. Бгуашева. В современном кабардино-черкесском языке встречаются устойчивые сравнения с числовым компонентом, которые заслуживают отдельного рассмотрения.

Для каждой лингвокультурной традиции характерна специфическая система образов – эталонов. На уровне фразеологии

это, как правило, устойчивые сравнения, отражающие эмпирическое познание и оценивание действительности данным этносом [22, с. 218].

Устойчивые сравнения в кабардино-черкесском языке образуют особый класс образно-выразительных средств. По мнению А.Г. Емузова, сравнительная семантика является их отличительной особенностью по отношению к другим типам устойчивых сочетаний, функционирующих в языке [76, с. 6]. Компаративы отражают оценивание действительности конкретным этносом. Анализ показывает, что устойчивые сравнения выражают черты характера человека и специфические особенности мировосприятия нации. Согласно теории А.В. Кунина, адъективные сравнения образуются в языке в связи с тем, что имеется необходимость в передаче дополнительной информации по сравнению с информацией, передаваемой первыми компонентами сравнения взятыми отдельно [113, с. 130].

Большинство устойчивых сравнений кабардино-черкесского языка представляют собой устоявшиеся сочетания, которые характеризуются воспроизводимостью и общеупотребительностью. Такого рода сочетания большинством исследователей трактуются как фразеологизмы. Однако следует отметить, что среди устойчивых сравнений с числовым компонентом в кабардино-черкесском языке есть и единицы, относящиеся к словичному пласту языка. Такие сравнения обозначают разнообразные качества и свойства предметов, людей и обладают явным оценочным характером.

Нетрудно заметить, что в составе устойчивых сравнений большое количество единиц с числовым составляющим. Для устойчивых сравнений кабардино-черкесского языка характерно противопоставление малого количества большому.

Можно выделить следующие основные виды образования устойчивых сравнений с числовым компонентом:

1. Главенствующим средством образования устойчивых сравнений с числовым компонентом являются частицы *нэхъ* и *нэхъ-рэ*. Такие сравнения условно можно разделить на две группы:

а) где малое количество противопоставляется большому количеству, отдавая предпочтение малому, но качественному предмету, хорошему человеку и т.д. *ДитИ мыхъумыщИэ нэхърэ зылИ хъуащИа*. «Лучше **один хороший** мужчина, чем **два плохих**». *Щэрэ зэхэлх нэхърэ зэ плъагъумэ, нэхъыфИщ*. «Лучше **один раз** увидеть, чем **сто раз** услышать». *ПцИицэ нэхърэ зы нэж*. «Лучше **одна правда**, чем **сто неправд**». *Жэгъуэгъу миным къуащИэм нэхърэ, зы ныбжьэгъум къуищИэр нэхъ гуауэщ*. «Лучше **обида**, нанесенная тысячами врагов, чем **одна**, нанесенная другом». *ВитИ мыхъумыщИэ нэхъ зыв хъуащИа*. «Лучше **один хороший** вол, чем **два плохих**». *Щыгъынибгъу нэхъ теубгъуэн*. «Лучше одно покрывало, чем **девять одежд**». *Ныбжьрей хъуэн нэхърэ зы махуэ гъащИэ*. «Лучше **один** день жизни, чем **вековой позор**». *Унэрыс зы бий нэхърэ, унэщИыб бищэ*. «Лучше иметь **сто врагов** вне семьи, чем **одного в семье**».

б) большое количество лучше, чем мало:

Зы сабий нэхъ шу гуп нэхъ гъэхъэщИэгъуафИэщ. «Лучше **накормить много всадников**, чем **одного ребенка**». *Зы акъыл нэхърэ акъылищэ*. «Лучше **сто умов**, чем **один**». *Нысэгъукъуэ нэхърэ тIуанэ къуибгъу*. «Лучше **девять** сыновей соперницы, чем **один сын сосношницы**».

2. Сравнение, образованное при помощи двукратного повтора *-рэ -рэ*:

Уи анэрэ уи нитIрэ. «Твоя мать все равно, что твои **два глаза**». *ДзитИ зыIут Iэщэрэ зы анэм къылъхуа зэшитIрэ*. *ЦитIу зыIут зы Iашэрэ зын къылъфыгъэ зэшитIурэ (адыг.)* (Б.З. Жемчужины народной мудрости, 98). «**Два брата**, рожденные **одной матерью**, все равно, что кинжал с **двумя лезвиями**». *ЗэкъуэшитIрэ дзитИ зыIутрэ*. «**Два брата** – что обоюдоострый кинжал». *Къуэ закъуэрэ нэ закъуэрэ*. «**Единственный** сын, что **единственный** глаз».

3. Сравнения, образованные при помощи *хуэдэ*: *Блэ ятцэжа хуэдэщ*. «Словно **семь раз** отмерили». *Бгъур къиукIыу ещИанэр кIэсу къыхъа хуэдэщ*. «Словно **девятирех** убил, а **десятого** в плен взял» *Iэпхъуамбитхур зэрызэхуэмьдэм хуэдэщ, цIыхур зэрызэхуэмьдэр*. «Люди разные, словно **пять пальцев** человека». *Хъэндыр-*

кЪуакЪуэр *щэ* кЪыкIэлъынкIа хуэдэщ. «Словно ему лягушка **три** раза вслед прыгнула».

4. Сравнения, образованные при помощи суффикса *-у -уэ: Бгъуэ вауэ зи щыпэвэ*. «**Девятый раз** пашет, словно впервые».

Адыгские устойчивые сравнения не только отражают осмысление действительности этносом, но и являются культурно-значимыми единицами.

Выводы

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1. ФЕ языка наиболее ярко передают особенности национального мышления, черты характера человека, уклад жизни, культуру и миропонимание.

2. Фразеологизмы с числовым компонентом, как и другие источники культурной интерпретации, отражают специфику адыгского миропонимания. В качестве числовых символов в кабардино-черкесской фразеологии выступают числа: *блы* «семь», *бгъу* «девять», *щы* «три». Особого внимания заслуживает символика числа *зы* «один» в кабардино-черкесском языке.

3. Источником возникновения культурно-маркированных фразеологизмов с числовым компонентом могут служить художественные, фольклорные тексты, а также обычаи, традиции, связанные с адыгским этикетом, религиозными убеждениями.

4. Отличительной особенностью фразеологического и пословичного пласта языка с числовым компонентом является то, что одно и то же число может вносить в их семантику разные значения. Данное утверждение относимо к числам *зы* «один», *тIу* «два», *щы* «три».

5. Устойчивые сравнения с числовым компонентом составляют не столь большой, но все же весомый пласт кабардино-черкесского языка. Основным средством образования компаративных пословиц и фразеологизмов являются элементы *хуэдэ, нэхъ-рэ, -рэ -рэ, -у -уэ*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная научная парадигма отличается повышенным интересом к языковой символике. Фольклористы, лингвисты и культурологи все чаще обращаются к изучению чисел и числовой символики в литературных произведениях и архаичных текстах. В своих исследованиях языковеды акцентируют внимание на необходимости рассмотрения числа не только как единицы грамматического уровня, но прежде всего как весомого культуроносного элемента языковой картины мира.

Категория количества и тесно связанное с ней понятие числа, по справедливому замечанию многих исследователей, возникли на самых ранних этапах развития человеческой мысли. Они эксплицируют веру в мистическую сущность чисел, что является универсальным свойством всех без исключения культурных традиций. Этим, по-видимому, и объясняется то, что числовые закономерности с древнейших времен пронизывали всю окружающую действительность человека: это и космологические, мифологические представления, и религиозные убеждения, и особенности этикета и быта народа. Подобного рода когниции нашли отражение и в кабардино-черкесском языке, в частности во фразеологических единицах, пословичном пласте языка, в многочисленных приметах, поверьях и суевериях, связанных с числами, в обрядовой поэзии, в терминологии, связанной с религиозными похоронными обрядами, правилах этикета и т.д.

Проанализированный нами материал дает возможность утверждать, что в кабардино-черкесском языке специального рас-

смотрения заслуживают числа: *зы* «один», *тIу* «два», *щы* «три», *блы* «семь», *и* «восемь», *бгъу* «девять», *пщыкIуи* «двенадцать», *щэ* «сто», *мин* «тысяча».

Следует отметить, что числа *зы* «один» и *тIу* «два» в фольклорных текстах не столь употребительны, однако они отличаются высокой степенью стилистического участия в образовании фразеологического и пословичного пласта языка. В ходе исследования мы обнаружили следующие особенности употребления числа *зы* «один».

Как составной компонент фразеологизмов данное число выражает разные эмотивные характеристики и состояния: а) схожесть; б) дружбу, согласие. Характерной особенностью *зы* «один» как компонента пословичного фонда языка является то, что это число может вносить в семантику противоположный смысл: 1. Достаточность, весомость одного субъекта. 2. Недостаточность одного субъекта. Двойной повтор числа один является показателем: 1) взаимовлияния и взаимодополнения; 2) противостояния и противоположности.

Число *тIу* «два» у адыгов, аналогично многим культурным традициям, означает противостояние и противоположность, что находит отражение в паремиологическом и фразеологическом пласте языка: *ХакIуи* *зы* *бо* *щIэзагъэркъым*. «**Два жеребца** в одном хлеву не уживаются». Этот же числовой компонент служит показателем силы, мужества: *и* *зэ* *уэгъуэ* *тIэу* *пIалъэщ* ≈ о сильном ударе [букв.: один удар, равный двум].

Основная функция чисел *щы* «три», *блы* «семь», *бгъу* «девять», *щэ* «сто» – передача количественных характеристик: 1. Выражение количества главных действующих лиц и сказочных персонажей: *зэшибл* «семь братьев», *иныжьибл* «семь великанов», *удибл* «семь ведьм», *фызибл* «семь женщин», *хъыджэбзищ* «три девицы», *тхъэрыкъуищ* «три голубки», *зэгъунэгъуибгъу* «девять соседей», *бжэнибгъу* «девять коз», *иныжьибгъу* «девять великанов», *шуищэ* «сто всадников». 2. Выражение количества еды и питья героев: *мэл* *пиэрищ* «три жирных барана», *махъсьмэ* *чеибл* «семь бочек бузы», *санэ* *шалъибл* «семь ведерок вина». 3. Выражение количества одежды героя: *афэ* *гъуэниэджибл* «семь брюк из кольчуги», *джэдыгибгъу* «девять шуб».

Нами выявлено, что число *щы* «три» в кабардино-черкесском языке и культурной традиции адыгов употребляется в следующих значениях: 1. Выражает мифологические особенности построения мира: *дунеишхуэр къатищ мэхьу* «мир большой три слоя имеет». 2. Выражает мифологические пространственно-временные отношения: *жэцищ–махуищ* «три ночи и три дня», *мазищ гьуэгуанэ* «трехмесячный путь», *гьуэгуицхьищ зэхэкIыпIэ* «перекресток трех дорог». 3. Служит составной частью религиозных убеждений и особенностей этикета: *нэхъыжьищ* «трое старших», *Iэнэ лъакъуищ* «треногий стол». 4. При функциональном участии числа *щы* «три» в кабардино-черкесском языке выражаются размер, количество и расстояние: *Фоч уэгъуищ* «три ружейных выстрела», *теуэгъуищ* «три прохода». 5. Выражается кратность действия: *щэ лэIуэгъуэ* «три желания». Выражение меры наказания: *фэлъырищ къыдэхын* «снять с кожи три полоски».

Как показывает проведенное исследование, сакральная магическая семантика числа *блы* «семь» в кабардино-черкесском языке выражается в следующих сегментах: 1. Общеадагское название дня недели: *блыщхьэ//блыпэ* «понедельник». 2. Выражение пространственно-временных отношений: *гьуэгуицхьибл зэхэкIыпIэ* «перекресток семи дорог», *къуришиблым адэкIэ* «за семью горными цепями». 3. Выражение древнего мифологического представления о построении мира: *щIыналъибл* «семь частей света», *щIы къатибл* «семь слоев земли». 5. В качестве неотъемлемого атрибута мифических сказочных существ: *благъуэ щхьибл* «семиглавый дракон», *иныжь щхьибл* «семиглавый великан». 6. Как средство создания портрета литературного фольклорного героя: *бгъэу IэмышIибл* «широкоплечий» [букв.: с грудью шириной в семь ладоней]. 7. При участии числа *блы* «семь» в кабардино-черкесском языке выражается эмоционально-экспрессивное значение, а иногда и гиперболизация: *изэрифIэщиблIэ къелэн* «сильно дернуть» [букв.: дернуть со всеми семью силами].

Символика числа *и* «восемь» в кабардино-черкесском языке репрезентируется в следующих типах употребления: 1. Неотъемлемый атрибут национального мужского костюма адыгов.

Хъэзыр ибгъуитIымкIи ирий «по обеим сторонам восемь газырей» 2. Средство создания портрета: зшищу теплэ щий «трое братьев, что стоят восьмиста». 3. Выражение большого количества в языке адыгских здравниц: Iэтэ щий «восемьсот стогов».

Число бгъу «девять» употребляется в следующих значениях: 1. Выражение качественной и количественной характеристики предмета: домбеяфибгъу хуэдиз «словно шкура девяти зубров». 2. Как важный составной компонент обрядовой поэзии и числовых текстов с магической сакральной семантикой.

Число пщыкIутI «двенадцать» в кабардино-черкесском языке имеет следующие семантические поля: 1. Выражение анатомических особенностей строения тела: Iэкълъэккъ пщыкIутI «двенадцать частей тела». 2. Выражение строения календарного года. 3. Выражение размера и количества: къулаш пщыкIутI «двенадцать маховых сажень». 4. Атрибутика мифических представлений (количество головы мифических существ): инныжь щхъэ пщыкIутI «великан с двенадцатью головами».

Как и в других культурных традициях и языках, числа щэ «сто» и мин «тысяча» у адыгов обозначают несметно большое количество и используются как составной компонент здравниц для выражения пожелания долголетия: Илъэсищэ гъащIэ! «Жизнь в сто лет», Гъэ мин гъащIэ! «Жизнь в тысячу лет».

Исследование числовых компонентов в языке адыгского фольклора и литературных произведений выявило, что в кабардино-черкесском языке у числа посредством простых арифметических операций и отгадывания загадок реализуется развивающая функция. Несомненным фактом можно признать то, что систематизация чисел способствовала развитию логического мышления.

Таким образом, можно говорить о том, что числовая символика репрезентирует важные мифологические, религиозные, философские, нравственные представления адыгов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абазова М.М.* Система исчисления в речи черкесской диаспоры в Турции // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов, 2015. № 4 (46). Ч. 2. С. 113–115.
2. *Алиева А.И.* Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 280 с.
3. *Анисимова Р.В.* Отражение категории времени как одного из элементов картины мира // *Текст как отображение картины мира. Сборник научных трудов.* М.: Московский государственный институт иностранных языков, 1989. Вып. 341. С. 66–71.
4. *Апресян Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966. 302 с.
5. *Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // *Вопросы языкознания.* М.: Наука, 1993. № 3. С. 27–36.
6. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // *Вопросы языкознания.* М.: Наука, 1995. № 1. С. 37–65.
7. *Аркадьев П.М., Крейдлин Г.Е., Летучий А.Б.* Семиотическая концептуализация тела и его частей. I Признак «Форма» // *Вопросы языкознания.* М.: Наука, 2008. № 6. С. 78–97.
8. *Бадамаева С.С.* Язык и стиль сказок монгольских народов (на материале лексики): дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2004. 200 с.
9. *Багаев Е.Г.* О некоторых числовых символах // *Русская речь.* М.: Наука, 1997. № 2. С. 72–75.
10. *Балова И.М.* О символике чисел в русских и кабардинских паремиях // *Материалы региональной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения К. Кулиева.* Нальчик, 2002. С. 148–151.
11. *Барли Н.* Структурный подход к пословице и максиме // *Паремиологические исследования. Сборник статей.* М.: Наука, 1984. 127–148.
12. *Бгажноков Б.Х.* Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. 512 с.
13. *Бгуашева З.Б.* Структурно-грамматические модели компаративных фразеологизмов // V Международная научная конференция: «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии»: (Материалы конференции). Майкоп: Редакционно-издательский отдел Адыгейского государственного университета, 2005. С. 26–28.
14. *Белов С.В.* Почему братьев Карамазовых было трое? // *Русская речь.* М.: Наука, 1979. № 4. С. 28–33.
15. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.

16. *Берман Г.Н.* Число и наука о нем. Общедоступные очерки по арифметике натуральных чисел. М.: Физматгиз, 1960. 164 с.

17. *Бижева З.Х.* Культурные концепты в кабардинском языке. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 1997. 140 с.

18. *Бижева З.Х.* Культурные концепты в адыгской языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 1999. 320 с.

19. *Бижева З.Х.* Адыгская языковая картина мира. Нальчик: Эль-брус, 2000. 128 с.

20. *Бижева З.Х.* Язык и культура. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2000. 47 с.

21. *Бижева З.Х.* Культура и языковая картина мира. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2003. 34 с.

22. *Бижева З.Х.* Фразеология. Культурологические аспекты // Кабардино-черкесский язык. Лексика, фразеология, устно-поэтический язык, ономастика. Нальчик: Эль-Фа, 2006. Т. 2. С. 216–221.

23. *Бижева З.Х., Шарданова М.А.* Антропоцентризм в адыгском словичном поле // Вопросы кавказской филологии. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. Вып. 5. С. 197–203.

24. *Бижоев Б.Ч.* Номинативная и оценочная семантика фразеологических единиц в кабардино-черкесском языке // V Международная научная конференция: Актуальные проблемы общей и адыгской филологии»: (Материалы конференции). Майкоп: Редакционно-издательский отдел Адыгейского государственного университета, 2005. С. 43–44.

25. *Бижоев Б.Ч.* Объективная детерминация способов функционирования частей речи // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. 12. С. 211–225.

26. *Бижоев Б.Ч.* Фразеология. Структурно-семантическая характеристика. Фразеологический словарь // Кабардино-черкесский язык. Лексика, фразеология, устно-поэтический язык, ономастика. Нальчик: Эль-Фа, 2006. Т. 2. С. 170–291.

27. *Бижоев Б.Ч.* Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 352 с.

28. *Бижоев Б.Ч., Хежева М.Р.* Лексемы со значением размера и расстояния в кабардино-черкесском языке, выраженные при помощи чисел // Язык, этнос, культура. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, посвященной году русского и родных языков в Карачаево-Черкесской Республике. Черкесск, 2015. С. 34–37.

29. *Биткеева А.Н.* Роль родного языка в развитии этноса // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл. Сборник статей в честь 70-летия В.А. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 458–475.
30. *Битокова С.Х.* Метафора в языке, мышлении и культуре. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2009. 301 с.
31. *Блумфильд Л.* Язык / пер. с англ. Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат / М.: Прогресс, 1968. 608 с.
32. *Блэк М.* Лингвистическая относительность: теоретические воззрения Б.Л. Уорфа // Новое в лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. Вып. 1. С. 199–212.
33. *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. Т. 2. 392 с.
34. *Бородин А.И.* Число и мистика. Донецк: Донбасс, 1972. 143 с.
35. *Брутян Г.А.* Гипотеза Сепира-Уорфа. Лекция, прочитанная в лондонском университете 1967. Ереван: ЛУИС, 1968. 69 с.
36. *Брутян Г.А.* Язык и картина мира // Философские науки. М.: Высшая школа, 1973. № 1. С. 108–111.
37. *Будагов Р.А.* Филология и культура. М.: Издательство Московского университета, 1980. 304 с.
38. *Вайсгербер Й.Л.* Язык и философия // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1993. № 2. С. 114–124.
39. *Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
40. *Ван дер Варден Б.Л.* Пробуждающаяся наука. Математика Древнего Египта, Вавилона и Греции / пер. с голландского И.Н. Веселовского. М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1959. 459 с.
41. *Васляева Е.В.* Числовая символика в представлениях калмыков о мире // Материалы всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива 2002». Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2002. Т. 1. С. 44–48.
42. *Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978. 227 с.
43. *Веракса А.Н.* Роль символического и знакового опосредствования в познавательном развитии // Вопросы психологии. М., 2006. № 6. С. 14–24.
44. *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.

45. *Витгенштейн Л.* Философские работы /пер. с нем. сост. вступ. ст. и комент. Козловой М.С. и Ю.А. Асеева. М.: Издательство «Гнозис», 1994. Ч. 1. 612 с.

46. *Ворокова Н.У.* Национальная культура в идиоматике. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. 140 с.

47. *Ворокова Н.У.* Когнитивный статус внутренней формы слова // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. Вып. 16. С. 155–162.

48. *Ворокова Н.У.* Социолингвистический подход и языковая картина мира // Вопросы кавказской филологии. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. Вып. 5. С. 203–209.

49. *Вронский С.А.* Нумерология, или наука о числах // Наука и религия. М.: Знание, 1990. № 8. С. 62–64.

50. *Гадагатль А.М.* Героический эпос «Нарты» адыгских народов // Адыгский фольклор. Майкоп, 1980. Книга 1. С. 70–98.

51. *Гармаева А.Э.* Числовая символика в монгольских языках: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2010. 195 с.

52. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира // Вопросы литературы. М., 1987. № 10. С. 156–191.

53. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. М.: Академия, 1998. 432 с.

54. *Геляева А.И.* Человек в языковой картине мира. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2002. 177 с.

55. *Гетегежев В.А.* Слово о культуре. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 1998. 137 с.

56. *Голубева Е.В.* Национально-культурная специфика картины мира в калмыцком языке (на примере культурных концептов): дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 212 с.

57. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 240 с.

58. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.: Наука, 1970. 213 с.

59. *Григорьев А.А.* Концепт и его лингвокультурологические составляющие // Вопросы философии. М.: Наука, 2006. № 3. С. 64–76.

60. *Губин В.Д.* «Культура» и «природа» в феномене творчества // Философия и история культуры. М.: Наука, 1985. С. 95–120.

61. *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1972. 400 с.

62. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 451 с.
63. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М.: Искусство, 1989. 368 с.
64. Гуревич А.Я. Средневековый мир. Культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
65. Гутов А.М. Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 218 с.
66. Дандис А. О структуре пословицы // Паремииологический сборник. М.: Наука, 1978. С. 13–34.
67. Дешериев Ю.Д. Бытовая культура и ее отражение в языке // Национальный язык и национальная культура. М.: Наука, 1978. С. 108–125.
68. Дзедаева М.С. Концепт «нымæц» («число») в осетинской лингвокультуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2011. 22 с.
69. Дзуганова Р.Х. Морфонологические особенности сложных числительных в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ и КБНЦ РАН. Нальчик, 2003. № 10. С. 225–230.
70. Добльхофер Э. Знаки и чудеса. Рассказы о том, как были дешифрованы забытые письмена и языки / пер. с нем. и предисл. акад. В. Струве. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 384 с.
71. Добровольский Д.О. Типология идиом // Фразеография в машинном фонде русского языка. М.: Наука, 1990. С. 48–67.
72. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1997. № 6. С. 37–48.
73. Долева Р.Н. Имя числительное в адыгейском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1997. 24 с.
74. Евсюков В.В. Мифы о Вселенной. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1988. 176 с.
75. Емузов А.Г. Лексико-грамматический анализ фразеологии кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эльбрус, 1986. 224 с.
76. Емузов А.Г. Устойчивые сравнения в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Эльбрус, 1989. 100 с.
77. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1978. 160 с.
78. Жуков В.П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. 310 с.
79. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. 194 с.

80. *Звегинцев В.А.* Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа // Новое в лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. Вып. 1. С. 111–134.

81. *Зимин В.И.* Синхронная этимология фразеологизмов, пословиц и поговорок // Русская словесность. М.: Издательство «Школа-Пресс 1», 2003. № 4. С. 55–58.

82. *Иванов С.* Магическая семерка // Наука и религия. М.: Знание, 1990. № 2. С. 34–37.

83. *Калужный В.В.* Нумерология. 2-е изд. Минск: Букмастер, 2013. 576 с.

84. *Камбачоков А.М.* Некоторые синтаксические функции числительных в адыгском предложении. Нальчик: КБГУ, 1994. 31 с.

85. *Карданов Б.М.* Фразеология кабардинского языка. Нальчик: Эльбрус, 1973. 248 с.

86. *Карданов Б.М.* Семантико-стилистические функции устойчивых выражений в прозе А.П. Кешокова. Нальчик: Эльбрус, 1982. 96 с.

87. *Карданов М.Л.* Образование и функционирование анатомической номенклатуры кабардино-черкесского языка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. 159 с.

88. *Карданова К.С.* Языковая картина мира: мифы и реальность // Русский язык в школе. М., 2010. № 9. С. 61–65.

89. *Кармышева Б.Х.* Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды верования и культуры народов Средней Азии. М.: Наука, 1986. С. 139–181.

90. *Кассирер Э.* Сила метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 33–42.

91. *Кассирер Э.* Проблема человека в западной философии // Мир философии. Книга для чтения. Человек. Общество. Культура. М.: Издательство политической литературы, 1991. Ч. II. С. 59–60.

92. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1. 271 с.

93. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 2. 280 с.

94. *Кириллин В.М.* Символика чисел в древнерусских сказаниях 16 в. // Естественнонаучные представления древней Руси. М.: Наука, 1988. С. 76–111.

95. *Ключников С.Ю.* Сокровенные числа России // Наука и религия. М., 1998. № 9. С. 5–7.

96. *Ковшова М.Л.* Символ в семантике фразеологизмов опыт исследования // Вопросы филологии. М., 2008. № 2. С. 19–29.

97. *Козинцев А.Г.* Происхождение языка: новые факты и теории // Теоретические проблемы языкознания. Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания филологического факультета С.-Петербургского государственного университета. СПб.: Филологический факультет, 2004. С. 35–50.

98. *Коков Дж.Н.* Имя числительное // Кабардино-черкесский язык. Создание письменности, Фонетика и фонология, морфология, синтаксис. Нальчик: Эль-Фа, 2006. Т. 1. С. 139–153.

99. *Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 103 с.

100. *Красных В.В.* Лингвокультурология как объект когнитивных исследований // Вестник МГУ. Сер. «Филология». М.: Издательство Московского университета, 2013. № 2. С. 7–18.

101. *Кудаева З.Ж.* Адыгская паремия: система, поэтика. Нальчик: Эльбрус, 2001. 88 с.

102. *Кудаева З.Ж.* Мифопоэтическая модель адыгской словесной культуры. Нальчик: Эльбрус, 2008. 294 с.

103. *Кукушкина Е.И.* Познание, язык, культура. М.: Издательство Московского университета, 1984. 264 с.

104. *Культурология / сост. А.А. Радугин.* М.: Издательство «Центр», 2001. 304 с.

105. *Кумахов М.А.* Очерки общего и кавказского языкознания. Нальчик: Эльбрус, 1984. 328 с.

106. *Кумахов М.А. Кумахова З.Ю.* Язык адыгского фольклора: нартский эпос. М.: Наука, 1985. 223 с.

107. *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 384 с.

108. *Кумахов М.А.* Символика числа, цвета и латеральности в эпической традиции (на материале нартского эпоса) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2001. Вып. 8. С. 186–205.

109. *Кумахова Дж.Б.* Пословицы как способ представления смысла // Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. «Перспектива» 2009. Филология. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2009. С. 121–124.

110. *Кумыкова Д.М.* Этнографические лакуны и способы их перевода // Лингвистические основы межкультурной коммуникации. Нижний Новгород, 2010. С. 216–218.

111. *Кумыкова М.М.* Фразеологические единицы со значением количества в кабардинском и русском языках // Русский язык в полиэтнической среде: состояние и перспективы. Нальчик, 2003. С. 137–139.

112. *Кумыкова М.М.* Фразеологические единицы со значением количества и времени: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2006. 22 с.

113. *Кунин А.В.* Фразеология современного английского языка: опыт систематизированного описания. М.: Международные отношения, 1972. 288 с.

114. *Кууси М.* К вопросу о международной системе пословичных типов. Опыт классификации количественных пословиц // Паремнологический сборник. М.: Наука, 1978. С. 53–81.

115. *Кыщокъуэ Х.* Цыхум и Гэпкълъэпкъ пщыкӀутӀыр. Сыт апхуэдэу щыжытӀэр // Адыгэ псалгэ. Налшык, 2001. № 34–35. С. 8.

116. *Ларин Б.А.* Грамматические очерки современного русского языка. Статья 9. О числительных // Литературная учеба. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1934. № 10. С. 112–115.

117. *Лейчик В.М.* Отношения между культурой и языком: общие функции // Вестник Московского университета. Сер. 19 / Лингвистика и межкультурная коммуникация. М.: Издательство Московского университета, 2003. № 2. С. 17–30.

118. *Ловпаче Н.Г., Куек А.С.* Адыгский флаг. Откуда он? // Генеалогия Северного Кавказа. Историко-генеалогический научно-реферативный журнал. Нальчик: Эль-Фа, 2003. № 6. С. 121–124.

119. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.

120. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. М.: Издательство МГУ, 1982. 480 с.

121. *Лосев А.Ф.* Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. 920 с.

122. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.

123. *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. 480 с.

124. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Издательство МГУ, 1979. 320 с.

125. *Люлье Л.Я.* Черкесия. Историко-этнографические статьи. Киев: УО МШК МАДПР, 1991. 56 с.

126. *Люсый А.П.* Сквозь символы. Диалектика символизации / десимволизации как фундаментальное основание прикладной культурологии // Вопросы философии. М.: Наука, 2009. № 10. С. 48–59.

127. *Маглакелидзе Ж.Г.* О функции числительного в реализации художественной картины мира // Текст как отображение картины мира.

Сборник научных трудов. М.: Московский государственный институт иностранных языков, 1989. Вып. 341. С. 20–36.

128. *Маковец Н.А.* Семь и седьмой в русских пословицах и поговорках // Русская речь. М.: Наука, 1974. № 2. С. 150–153.

129. *Маковский М.М.* Язык, миф, культура: Символы жизни и жизнь символов. М.: Русские словари, 1996. 330 с.

130. *Маковский М.М.* Семиотика языческих культов (мифопоэтические этюды) // Вопросы языкознания. М.: Наука, 2002. № 6. С. 55–81.

131. *Максимов В.И.* Фразеологизмы и сопредельные с ними конструкции // Русская речь. М.: Наука, 2003. № 4. С. 31–38.

132. *Максидов А.А.* Государственные и национальные символы Кабардино-Балкарии. История и современность. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 32 с.

133. *Мамбетов Г.Х.* Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 352 с.

134. *Мамбетов Г.Х.* Из истории культуры и быта кабардинцев и балкарцев (начала 17 – 70-е 20 века. Нальчик: Эльбрус, 2006. 244 с.

135. *Мамонтов С.П.* Основы культурологи. М.: Издательство РОУ, 1996. 271 с.

136. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 20. 828 с.

137. *Мафедзев С.Х.* Обряды и обрядовые игры адыгов в 19 начале 20 века. Нальчик: Эльбрус, 1979. 202 с.

138. *Мафедзев С.Х.* Рассказывают звезды // Кабардино-балкарская правда. Нальчик, 1981. 22 января. С. 4.

139. *Мафедзев С.Х.* Адыги. Обычаи и традиции. Нальчик.: Эль-Фа, 2000. 359 с.

140. *Мижаяв М.И.* Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов // Адыгский фольклор. Майкоп, 1980. Книга 1. С. 34–69.

141. *Мижаяв М.И.* Адыгские хохи-здравицы и календарные песни, связанные с земледелием // Календарно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988. С. 43–54.

142. *Миллер Дж.А.* Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию // Инженерная психология / пер. с англ. М.: Прогресс, 1964. С. 192–225.

143. *Мурад Г.А.* Символика чисел в адыгейском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2015. Вып. 1 (152). С. 66–70.

144. *Муратова Р.Т.* Символика чисел башкирском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 24 с.

145. *Мухиддинов И.* Обряды и обычаи припамирских народностей, связанные с циклом сельскохозяйственных работ // Древние обряды верования и культы народов Средней Азии. М.: Наука, 1986. С. 70–93.

146. *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 189 с.

147. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.

148. Нумерология от А до Я. М.: Эксмо, 2009. 512 с.

149. *Нурахметов Е.Н.* Эмоциональный компонент в картине мира художественного текста // Текст как отображение картины мира. Сборник научных трудов. М.: Московский государственный институт иностранных языков, 1989. Вып. 341. С. 81–97.

150. *Осипова А.А.* Семантика и символика лексем со значением числа в русской, английской и французской языковых картинах мира (опыт сопоставительного исследования): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 23 с.

151. *Панфилов В.З.* Язык, культура, мышление // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1975. № 1. С. 3–12.

152. *Панфилов В.З.* Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. М.: Наука, 1977. 288 с.

153. *Панфилов В.З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М.: Наука, 1982. 358 с.

154. *Пауль Г.* Принципы истории языка / пер. с нем. яз. под ред. А.А. Холодовича. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 500 с.

155. *Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970. 240 с.

156. *Пермяков Г.Л.* Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 671 с.

157. *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. М.: Просвещение, 1969. 659 с.

158. *Платон.* Сочинения. В 3-х томах / пер. с древнегреческого под общей редакцией А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1971. Т. 3. Ч. 1. 687 с.

159. *Плотин.* «О числах» (перевод и примечания) // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 840–876.

160. *Попов Р.Н.* Фразеологизмы современного русского языка с архаичными формами слов. М.: Высшая школа, 1976. 200 с.

161. *Потебня А.А.* Мысль и язык. Киев: Синто, 1993. 192 с.
162. *Пропи В.Я.* Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 327 с.
163. *Пропи В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Ленинград: Издательство ленинградского университета, 1986. 365 с.
164. *Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. М.: Флинта: Наука, 2009. 176 с.
165. *Радченко О.А.* Понятие языковой картины мира в немецкой философии языка 20 века // Вопросы языкознания. М.: Наука, 2002. № 6. С. 140–160.
166. *Реформатский А.А.* Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. 262 с.
167. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 2002. 536 с.
168. *Рубцов Н.Н.* Символ в искусстве и жизни. М.: Наука, 1991. 176 с.
169. *Саенко Ю.В.* Психологические аспекты изучения суеверий // Вопросы психологии. М., 2006. № 6. С. 85–96.
170. *Силецкий В.И.* Терминология смертных грехов в культуре позднего средневековья и возрождения // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 130–137.
171. *Симонов Р.А.* Древнерусский счет девяностами и девятками // Русская речь. М.: Наука, 1994. № 4. С. 89–95.
172. *Солодуб Ю.П.* Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования // Филологические науки. М.: Высшая школа, 1990. № 6. С. 55–65.
173. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
174. *Спиркин А.Г.* Происхождение языка и его роль в формировании мышления // Мышление и язык. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 3–72.
175. *Спиркин А.Г.* Происхождение сознания. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. 472 с.
176. *Спиркин А.Г.* Философия: учебник. 2-е издание. М.: Гардарики, 2006. 736 с.
177. *Степанов Ю.С.* Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1989. № 4. С. 46–71.
178. *Степанов Ю.С. Проскурин С.Г.* Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М.: Наука, 1993. 160 с.
179. *Степин В.С.* О «генах культуры» и главной задаче философии социально-гуманитарных наук // Экология и жизнь. М., 2012. № 11 (132). С. 4–11. (с ним побеседовал А.А. Самсонов).

180. *Стернин И.А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000. С. 97–112.

181. *Суперанская А.В.* Цифра и число // Вопросы культуры речи. М.: Наука, 1964. С. 173–176.

182. *Супрун А.Е.* О фразеологических единицах с числительными // Вопросы фразеологии. Ташкент: Издательство «Наука» Узбекской ССР, 1965. С. 79–85.

183. *Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 1996. С. 7–22.

184. *Телия В.Н.* Что такое фразеология. М.: Наука, 1966. 86 с.

185. *Телия В.Н.* Глубинно-смысловые пласты культуры и ее символических пластов в архитектонике фразеологизмов-идиом // Язык и действительность: сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. М.: ЛЕНАНД, 2007. С. 433–441.

186. *Тер-Минасова С.Г.* Личность и коллектив в языках и культурах // Вестник Московского университета. Сер. 19 / Лингвистика и межкультурная коммуникация. М.: Издательство Московского университета, 2003. № 2. С. 7–17.

187. *Токарев Г.В.* К вопросу о типологии культурных коннотаций // Филологические науки. М., 2003. № 3. С. 56–60.

188. *Токмакова М.Х.* Влияние культурных концептов на эмотивную лексику кабардино-черкесского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3–2 (57). С. 157–160.

189. *Токмакова М.Х.* Концепт «псэ» в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4–2 (58). С. 165–167.

190. *Токмакова М.Х.* Концепт «глаз» в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4-3 (58). С. 148–151.

191. *Топоров В.Н.* Числа // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 629–631.

192. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс. Культура, 1995. 624 с.

193. *Топоров В.Н.* Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 2. 496 с.

194. *Троицкий В.П.* О смысле чисел // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 894–903.

195. Унежев К.Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик: Эль-Фа, 1997. 228 с.
196. Унежев К.Х. Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 512 с.
197. Уорф Б.Л. Наука и языкознание. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Новое в лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. Вып. 1. С. 169–182.
198. Филоненко Т.М. Фразеологический образ в языковой модели пространства // Филологические науки. М., 2003. № 2. С. 87–93.
199. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. 605 с.
200. Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск: Издательство Наука. Сибирское отделение, 1974. 239 с.
201. Фролов Б.А. Предыстория символа // Этнознаковые функции культуры. М.: Наука, 1991. С. 86–128.
202. Хагба Л.Р. Базовые лингвокультурные концепты в абхазском и абазинском языках (на материале идиоматики): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2006. 49 с.
203. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Издание второе. Нальчик: Эльбрус, 1992. 352 с.
204. Хежева М.Р. Символика числа *щы* «три» в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2014. № 2 (21). С. 88–94.
205. Хежева М.Р. Роль чисел в адыгской языковой картине мира // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2014. № 3 (22). С. 59–65.
206. Хежева М.Р. Устойчивые выражения с числительными в словарях кабардино-черкесского языка // Адыгская (черкесская) лексикография: теория и практика. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. С. 122–128.
207. Хроленко А.Т. ...И жар холодных чисел // Русская речь. М.: Наука, 1975. № 4. С. 38–42.
208. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 207 с.
209. Ципинов А.А. Мифоэпическая традиция адыгов. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 177 с.
210. Чернева Н.П. Семантика и символика числа в национальной картине мира (на материале русской и болгарской идиоматики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 23 с.

211. *Черданцева Т.З.* Идиоматика и культура (Постановка вопроса) // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1996. № 1. С. 58–70.
212. *Черданцева Т.З.* Метафора и символ во фразеологических единицах // Метафора в языке и в тексте. М.: Наука, 1988. С. 78–92.
213. *Черданцева Т.З.* Фразеологическая устойчивость и некоторые способы моделирования устойчивых сочетаний // Язык и действительность: сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. М.: ЛЕНАНД, 2007. С. 442–449.
214. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. Учебное пособие для вузов по специальности «Русский язык и литература». М.: Высшая школа, 1985. 160 с.
215. *Шафиков С.Г.* Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. М.: Наука, 2007. № 2. С. 3–17.
216. *Шериева Н.Г.* Выражение отрицания в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. 94 с.
217. *Шериева Н.Г.* Выражение эмоции радости в кабардино-черкесской идиоматике // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2014. № 1 (57). С. 193–198.
218. *Шортанов А.Т.* Адыгская мифология. Нальчик: Эльбрус, 1982. 196 с.
219. *Шортанов А.Т.* Адыгские культы. Нальчик: Эльбрус, 1992. 168 с.
220. *Шпенглер О.* Закат Европы / вступ. ст. А.П. Дубнова. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. 592 с.
221. *Элиаде М.* Избранные сочинения. Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское / пер. с фр. М.: Ладомир, 2000. 414 с.
222. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 302 с.
223. *Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1948. 371 с.
224. *Matasović R.* A short grammar of east circassian (kabardian). Zagreb, 2010. 139 p.

СЛОВАРИ

225. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Книжный дом, «ЛИБРОКОМ», 2014. 576 с.
226. *Бэрбэч Б.Ч., Биццло Б.Ч., Иутыж Б.Къу.* Адыгэбзэ фразеологизмэхэм я псалгальэ. Налшык: Эльбрус, 2001. 235 с.
227. *Бижоев Б.Ч., Кумыкова Д.М., Тимижев Х.Т.* Учебный русско-кабардино-черкесский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2013. 848 с.

228. Гоголев К.Н. Мировая художественная культура. Универсальный словарь-справочник от «А» до «Я». М.: Фирма МХК, 2000. 208 с.
229. Дзадзиев Х.В., Дзуцев С.М., Караев С.М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ, 1994. 284 с.
230. Думэн Хь.М. Адыгэхэм я дауэдапшэхэр. Этнографии терминхэм я псалъалгъэ кIэщI. Налшык: Эль-Фа, 2006. 211 с.
231. Емузов А.Г. Англо-кабардино-русский фразеологический словарь. Налчык: Эльбрус, 1992. 368 с.
232. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. Издание 7-е. М.: Русский язык, 2000. 544 с.
233. Карданов Б.М. Кабардинско-русский фразеологический словарь. Налчык: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. 230 с.
234. Карданов Б.М. Кабардинско-русский фразеологический словарь. Налчык: Эльбрус, 1968. 344 с.
235. Кирло Х. Словарь символов. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 526 с.
236. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. Ярцева В.Н. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
237. Словарь русской лингвистической терминологии / под общим рук. проф. А.Н. Абрегова. Майкоп: Качество, 2004. 347 с.
238. Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 852 с.
239. Философский энциклопедический словарь / сост. Губский Е.Ф., Кораблева Г.В., Лутченко В.А. М.: ИНФРА-М, 2001. 576 с.
240. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1977. Т. 1. 290 с.
241. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1977. Т. 2. 224 с.
242. Шэрджэс А. Яхуэмыфащэу лъэныкъуэ едгъэза псалъэхэр. Налшык: Эльбрус, 2009. 172 с.
243. Balint G. Lexicon cabardico-hungarico-latinum. Kolozsvariensi, 1904.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

244. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию [электронный ресурс]. URL: http://www.plam.ru/azikoved/ocherki_po_obschemu_jazykoznaniju/r6.php (дата обращения: 12.02.17).
245. Лотман Ю.М. Семантика числа и тип культуры [электронный ресурс]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-16139.html?page=51> (дата обращения: 10.03.14).

246. «Сакральный» смысл чисел в верованиях и учениях. Справка. [электронный ресурс]. РИА новости. URL: <http://ria.ru/spravka/20070707/68528028.html#ixzz2qvnXm56k> (дата обращения: 16.08.14).

247. Семиотика в рекламе. Классификация знаков по Пирсу [электронный ресурс]. URL: <http://nebovoblakah.narod.ru> (дата обращения: 12.06.14).

248. *Сепир Э.* Статус лингвистики как науки [электронный ресурс]. URL: <http://philology.ru/linguistics1/sapir-93c.htm> (дата обращения: 12.06.2014).

249. Числа [электронный ресурс]. URL: <http://sigils.ru/symbols/chisla.html> (дата обращения: 12.06.14).

ИСТОЧНИКИ

1. Адыгэ гушыгъэхэр, къоджэхь-къоджэшххэр, гурыгупчъэхэр. Мыекъуапэ: Краснодар тхылъ тедзапIэм и Адыгэ отделенэ, 1978. 200 н.
2. Адыгэ псалъэжъхэр. Налшык: Эльбрус, 1994. 328 н.
3. Адыгэ псалъэжъхэр. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапIэ, 1956. 204 н.
4. Адыгэ таурыхъхэр. Налшык: Эль-Фа, 2005. 834 н.
5. Адыгэ хъыбарыжъхэр. Налшык: Эльбрус, 1989. 160 н.
6. Адыгэ хъуэхъухэр. Налшык: Эльбрус, 1985. 140 н.
7. Адыгэ гуэрыгуатэ / зэхэзылъхъар Хъэкуащэ А.Хь. Налшык: Эльбрус, 1992. 392 н.
8. Адыгэ гуэрыгуатэ / зэхэзылъхъар Къармокъуэ Хь. Налшык: Эльбрус, 1999. 400 н.
9. *Вэроекъуэ В.Хь. Лей зыхуэгъэгъум къахурегъэгъу / зэыздзэкIар Мэзыхъэ Б.* Налшык: Эльбрус, 2007. 552 н.
10. Дыщэ кIанэ: Адыгэ псысэхэр. Налшык: Эльбрус, 1989. 47 н.
11. *Блягоз З.У.* Жемчужины народной мудрости (адыгейские пословицы и поговорки на адыгейском и русском языках). Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1992. 128 с.
12. *Жылау Н.Хь.* Щэнгъасэ. Налшык: Эльбрус, 1995. 273 н.
13. Зэрыбжэ усэ // Адыгэ псалъэ. Налшык.: 2005. Январым и 25. Н. 6.
14. Из адыгского народного эпоса / составление и комментарии А.М. Гугова и Г.Ф. Турчанинова. Нальчик: Эльбрус, 1987. 108 с.
15. *КIэрашэ Т.М.* Шу закъуэ. Роман. Повесть. Хъыбархэр / зэыздзэкIар Къармокъуэ Хь. Налшык: Эльбрус, 1989. 432 н.
16. *КIэрашэ Т.М.* ХэшыпыкIыгъэ тхыгъэхэр зыдэт тхылъитIу. ЯтIонэрэ тхылъ. Мыекъуапэ: Адыгэ Республикэм итхылъ тедзапI, 2002. 448 н.
17. *КIыщокъуэ А.П.* Тхыгъэхэр. Томихым щызэхуэхъэсауэ. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2004. 512 н.
18. Къэбэрдей усэм и антологие 20 лIэщIыгъуэ. Налшык: Эль-Фа, 2005. 656 с.
19. *МафIэдз С.Хь.* Гъыбзэ хуэфашэт. Роман. Налшык: Эльбрус, 1991. 448 н.
20. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. Налшык: Эль-Фа, 1995. 560 н.
21. Нарты. Кабардинский эпос. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 528 н.
22. *Охъутэ А.Н.* Сэтэнейр къыздэгъагъэм. Повестрэ рассказхэмрэ. Черкесск: Ставрополь тхылъ тедзапIэ, 1964. 198 н.

23. Пословицы и поговорки народов Карачаево-Черкесии. (Оригинал и перевод на русский язык). Черкесск: Ставропол. кн. изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1990. 368 с.

24. *Хъэвжокъуэ* Л.Б. Гухэль налъэ. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО Полиграфсервис и Т), 2011. 108 н.

25. *Хъэх* С.Хв. Лъагъуэр гъуэгум хуокъуэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 2013. 624 н.

26. *Цукъо* Н.М. Адыгэ нэшанэхэр, шлошгъуныгъэхэр, шлухэр, мышлухэр, пкыхыпгэхэр. Мыекъуапэ: ГУРИПП «Адыгея», 2005. 122 н.

27. *ШаццIэ* А. Лэдж. Налшык, 2010. 95 н.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Ад. гуш. – Адыгэ гушыгъэхэр, къоджэхь-къоджэшххэр, Гурыгупчэхэр. – Мыекъуапэ: Краснодар тхылъ тедзапэм и Адыгэ отделенэ, 1978. 200 н.

Ад. псалъэ – Адыгэ псалъэ

Ад. таур. – Адыгэ таурыхьхэр

Ад. хьыб. – Адыгэ хьыбарыжьхэр

Ад. хьу. – Адыгэ хьуэхьухэр

Адыг. – адыгейский.

Ад. Iу. – Адыгэ IуэрыIуатэ / зэхэзылгъхар Къармокъуэ Хь. Налшык: Эльбрус, 1999. 400 н.

Ад. Iу. I – Адыгэ IуэрыIуатэ / зэхэзылгъхар ХьэкIуащэ А. Хь. Налшык: Эльбрус, 1992. 392 н.

Б.З. Жемчужины народной мудрости. – Блягоз З.У. Жемчужины народной мудрости (адыгейские пословицы и поговорки на адыгейском и русском языках). Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1992. 128 с.

Букв. – буквальный перевод

В.В. – Вэрокъуэ Владимир

Ж.Н. Щэнгъасэ. – *Жылау Н.Хь. Щэнгъасэ.* – Налшык: Эльбрус, 1995. 273 н.

ИАНЭ – Из адыгского народного эпоса / составление и комментарии А.М. Гутова и Г.Ф. Турчанинова. Нальчик: Эльбрус, 1987. 108 с.

И.Б. – Иуан Бубэ

И др. – и другие

И т.д. – и так далее

Каб.-Балк. ун-т. – Кабардино-Балкарский университет

КI.А. – КIыщокъуэ Алим

КI.Т. – КIэрашэ Тембот

КI.Т. 1. – КIэрашэ Т.М. Шу закъуэ. Роман. Хьыбархэр. Налшык: Эльбрус, 1989. 432 с.

Къэб. усэм и антол. – Къэбэрдей усэм и антологие 20 лIэщIыгуэ. Налшык: Эль-Фа, 2005. 656 с.

М.С. – МафIэдз Сэрэбий

О.А. – Охьутэ Абдулхь

П.Б. – ПащIэ Бэчмырзэ

Посл. и погов. – Пословицы и поговорки народов Карачаево-Черкесии. (Оригинал и перевод на русский язык). Черкесск: Ставропол. кн. изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1990. 368 с.

Сб. – сборник

Ср. – сравните

Т.е. – то есть

ФЕ – фразеологические единицы

Хь.Л. – Хьэвжокъуэ Людмилэ

Хь.С. – Хьэх Сэфарбий

Ц.Н. Ад. нашанэхэр – *Цуекъо Н.М. Адыгэ нэшанэхэр, шлошгъуныгъэхэр, шлухэр, мышлухэр, пкыхыпэхэр.* Мыекъуапэ: ГУРИПП «Адыгея», 2005. 122 н.

Ш.А. – Шаццэ Алик

Лу.Б. – ЛуТыж Борис

СОДЕРЖАНИЕ

	ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1	ЧИСЛО КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	7
	1.1. Соотношение языка, культуры и символа	7
	1.2. Роль чисел в отражении языковой картины мира	15
	1.3. Этапы изучения и становления числовой символики в гуманитарных науках	32
	Выводы	41
Глава 2	ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ В АДЫГСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	43
	2.1. Символика числа <i>блы</i> «семь»	43
	2.2. Символика числа <i>щы</i> «три»	61
	2.3. Символика числа <i>бгъу</i> «девять»	71
	2.4. Символика числа <i>пщыкIутI</i> «двенадцать»	78
	2.5. Символика числа <i>и</i> «восемь»	81
	2.6. Символика чисел <i>щэ</i> «сто», <i>мин</i> «тысяча»	84
	Выводы	87
Глава 3	УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ	91
	3.1. Фразеологические единицы с числовым компонентом	91
	3.2. Пословицы с числовым компонентом	100
	3.3. Устойчивые сравнения с числовым компонентом	107
	Выводы	110
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	111
	БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	115
	ИСТОЧНИКИ	131
	СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	133

Научное издание

Хежева Марьяна Рашадовна

Семантика
и символика чисел
в кабардино-черкесском языке

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 01.06.17. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 8.
Тираж 500 экз. (1-й з-д – 100). Заказ 182.

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН).
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
Тел.: 8 (8662) 42-46-97.
E-mail: kbigi@mail.ru.

Отпечатано в Издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН.
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
Тел.: 8 (8662) 42-50-94.